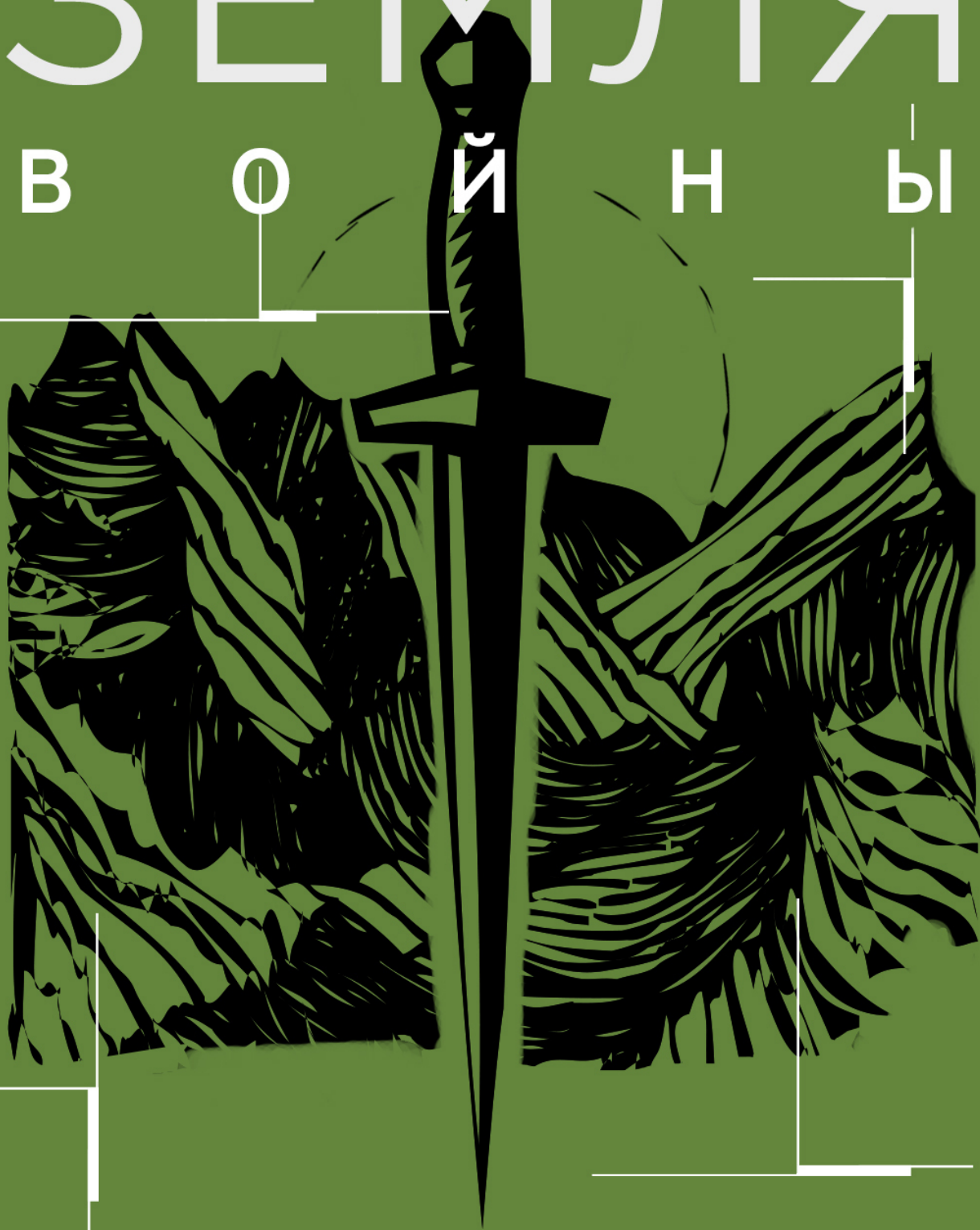


ЗЕМЛЯ

В О Й Н Ы



Юлия Латынина

Кавказский цикл

Юлия Латынина

Земля войны

«ЭКСМО»

2007

Латынина Ю. Л.

Земля войны / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 2007 — (Кавказский цикл)

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ЛАТЫНИНОЙ ЮЛИЕЙ ЛЕОНИДОВНОЙ,
СОДЕРЖАЩИЙСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ С 09.09.2022.
Герой этой книги сражался во всех войнах России. Он сражался в Абхазии и
вытаскивал пленных из Чечни, и с тех пор, как в его родном городе взорвали
роддом, он охотится на тех террористов, кто остался в живых. Вот только он
– не спецназовец и не федерал. Предки Джамалудина Кемирова ведут свой
род от хунзахских ханов. Его дед воевал в Кавказских горах под знаменем
1-й Красной Шариатской дивизии. Куда приведут поиски тех, кто стоит за
кровавым терактом? Чем кончится месть человека, который слишком часто
путает собственную необузданную гордыню с волей Аллаха?

© Латынина Ю. Л., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	40
Глава третья,	62
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлия Латынина

Земля войны

Глава первая, в которой в ходе спецоперации уничтожают главного террориста республики, и в которой рассказывается о том, как Джамалудин Кемиров познакомился с Арзо Хаджиевым

Янгурчи Итларов мерз в оцеплении седьмой час. Их подняли по тревоге в девять утра, а сейчас было уже четыре. По улице полз серый зимний морок, и беременные облака сочились дождем пополам со снегом.

Янгурчи стоял в третьей линии оцепления, вместе с остальными пэпээсниками. Линия шла почти по центру парка, от асфальтовой дорожки, переходившей в площадку перед кино-театром. Впереди была вторая линия оцепления, в нее нагнали ментов со всей Торби-калы, а дальше, во дворе – еще одна. Это было, собственно, не оцепление, а группа спецназа ФСБ «Юг». Она готовилась к штурму. У ребят из «Юга» были тяжелые бронежилеты и шлемы-сферы, и когда Янгурчи косился вправо, он видел справа от себя двух снайперов, которые сидели на крыше кинотеатра.

Снайперы устроились значительно лучше, чем Янгурчи. У них был толстый зимний камуфляж с подстежным воротником и правильные берцы, а на Янгурчи были те самые ботинки, которые им выдали в прошлом году в мае. Оба ботинка безнадежно промокли, а на одном вдобавок еще пару месяцев назад треснула подметка, и вода хлюпала в нем туда-сюда. Янгурчи совсем не чувствовал ног.

Впереди, за линией оцепления, торчала обычная пятиэтажка, и с флангов ее тоже окружали солдаты, а на выезде со двора стоял танк. За танком прятались двое с гранатометами. Все жилыцы из пятиэтажки давно были эвакуированы, и сейчас людей выгоняли из соседних домов, расположившихся буквой «П». Женщины и дети сгрудились где-то за третьей линией оцепления и угрюмо смотрели на дом.

Боевики засели в двух квартирах – на четвертом и первом этаже. Ни Итларову, ни другим пэпээсникам этого не говорили, но у Итларова была рация, и он слышал все переговоры между начальниками. Вдобавок у террористов тоже была милицеевская рация.

Террористов, судя по разговорам в эфире, было шестеро, трое мужчин и трое женщин. Главным среди них был тот, который сидел на четвертом этаже. Его звали Ваха Арсаев, и это был известный в республике человек. Это был такой известный человек, что Янгурчи в глубине души считал, что Арсаев – это просто легенда, вроде Басаева или Умарова. Потому что все, что случалось в республике, всегда списывали на Арсаева, а он сам ни разу не попался.

Но вот теперь его все-таки взяли, и он сидел на четвертом этаже кирпичной развалюхи, в типовой квартире с шестиметровой кухней и неработающим мусоропроводом, и вокруг квартиры стояли танки и мерзло оцепление.

В десяти метрах от Янгурчи стояло еще одно кольцо оцепления, очень небольшое. Это было не оцепление, а скорее охрана. Охраняли бронированный фургончик, в котором сидел министр МВД республики. Он лично вел с Арсаевым переговоры о сдаче.

За спиной Янгурчи прошуршали колеса, и около фургончика остановился белый «Хаммер». Из «Хаммера» выпрыгнул невысокий жилистый человек в камуфляже и краповом

берете. В руке он держал сотовый телефон. Янгурчи смотрел на этого человека немного сзади и слева, и сначала он увидел точеный смуглый профиль с чуть выдающимся вперед ястребиным носом, и упрямый подбородок, переходящий в резко вылепленную скулу. Потом человек в краповом берете повернулся, и оказалось, что его лицо как бы разделено на две части: правая осталась такой, какой ее задумал Аллах, – а Аллах, несомненно, щедрой рукой зачерпнул из котла красоты, когда лепил этого человека, – а над левой после Аллаха постарался осколок гранаты.

Левый пустой рукав новоприбывшего был заправлен за пояс. Человека-половинку звали Арзо Хаджиев, он был бывший полевой командир, а теперь – полковник федеральных сил и начальник группы «Юг».

Хаджиев сказал в телефон несколько слов по-чеченски и отключил связь. Откуда-то к нему выскочил полный русский в толстом шерстяном пальто – в оцеплении говорили, что это важный федерал из Москвы – завертелся юлой, разбрасывая вокруг себя слова:

– Ну что? Что?

Хаджиев повернулся лицом к Янгурчи, и несмотря на то, что смотрел он не на гаишника, а на пятиэтажку, у Янгурчи было такое ощущение, что по лицу его ползет инфракрасное пятнышко снайперки. У Хаджиева были совершенно седые волосы и темные глаза, коричневые, почти черные, – и только возле самого зрачка темнота радужки была расцвечена красными искорками. Белок левого глаза был весь в кровавых прожилках.

Янгурчи уже видел однажды эти черные с искрой глаза. Он знал, что не забудет их до конца жизни, и не забудет и после. Чеченец взглянул на федерала из Москвы и проговорил, чуть коверкая слова:

– Он сказал: «Выустите женщин и делайте с нами что хотите».

Хаджиев так давно был с русскими, что говорил без акцента, только глотал губные звуки из-за искащенной левой половинки рта.

В это минуту дверь бронированного вагончика распахнулась, и из нее показался глава МВД республики. Это был соплеменник Янгурчи – полноватый невысокий ногаец лет пятидесяти. Звали его Магомед Чебаков. Янгурчи подумал, не стоит ли подойти к нему и сказать про промокшие ботинки, но тут у министра зазвонил телефон. То т приложил трубку к уху и сказал по-русски:

– Это хорошо, Ваха, что твои женщины согласны сдать. Только я не верю тебе, что это не ловушка. У вас там полно взрывчатки, и что если они обвяжутся взрывчаткой да и взорвутся, когда мы их возьмем? Поэтому, если ты хочешь, чтобы твоя семья осталась в живых, вам надо сделать так. Пусть они разденутся догола и выйдут на балкон, чтобы мы точно видели, что на них нет никакой взрывчатки, а мы снимем их с балкона пожарным краном.

Предложение Чебакова показалось Янгурчи очень странным. Янгурчи подумал, что если бы вместо Вахи Арсаева в пятиэтажке сидел он, Янгурчи, со своей женой, то он бы никогда не позволил жене выйти голой на балкон под взгляды сотен людей, стоявших в оцеплении. А ведь он, Янгурчи, был двадцатилетний желторотый сержант, который ни разу в жизни не зашел в мечеть, а Ваха Арсаев молился пять раз в день и запрещал своим боевикам употреблять дурные слова. Говорили, что восемь лет назад люди Арсаева ездили по улице Красного Октября и избивали стоявших там проституток. С этого, собственно, и начался их конфликт с ментами, потому что проституток крышевали менты.

Вряд ли человек, который избивал проституток и их клиентов, позволит своей жене выйти на балкон в чем мать родила. Ведь это муж отвечает перед Аллахом за поведение жены, и в Судный день Аллах не спросит эту женщину, почему она ходила перед солдатами голой. Он спросит только «слушалась ли ты мужа», а все остальное он спросит с Вахи, и вряд ли Ваха, который рассчитывает, что своими делами он заслужил в раю пятизвездочный номер, спустит все свои дела из-за того, что он позволил жене бегать голой перед федералами.

Янгурчи ожидал, что полковник в краповом берете возмутится и вступится за соплеменника, тем более что это именно он договорился насчет женщин, но чеченец просто молча отвернулся и сел в «хаммер». Важный федерал в сером пальто тоже ничего не сказал.

Глава МВД выслушал ответ Арсаева, выключил телефон и распорядился:

– Начинайте штурм.

Белый «Хаммер» прокатился пять метров и стал рядом с вагончиком, а на его место въехал танк.

Грохнуло так, что у Янгурчи чуть не оторвало уши. Круглосуточный киоск в пяти метрах позади танка лизнуло пламенем, вырвавшимся из ствола. Снаряд вцепился в стену первого этажа и вырубил в ней метровый пролом. Судя по тому, что второй этаж не обрушился, стреляли болванкой, готовя проход для штурма.

В следующую секунду на балкон четвертого этажа выскочила женщина. Нельзя сказать, что она была совершенно раздетой: на ней была какая-то ночная рубашка, и ветер так трепал ее, что было ясно, что она одета на голое тело. На руках у женщины был крошечный ребенок, года или двух, и дальноточный Янгурчи видел ее бледное и испуганное лицо.

– Стреляйте, мать вашу! Огонь! – заорал Чебаков.

Янгурчи, оторопев, глядел на мечущуюся по балкону женщину.

Она, видимо, ожидала пожарную корзину, но корзины нигде не было, и тогда женщина перегнулась через балкон, держа ребенка на руках. Балкон этажом ниже был весь заставлен какой-то рухлядью, а на ограждении стояли широкие ящики с землей, и женщина видимо рассчитывала бросить ребенка на эти ящики.

Тут же на балкон выскочила молодая и довольно полная девушка, тоже в ночнушке. Она перелезла через балкон и прыгнула на этаж ниже. Однако, вместо того, чтобы броситься внутрь квартиры, она протянула руки вверх, чтобы забрать у своей товарки ребенка. Первая женщина выпустила ребенка, и он стал падать. Ему надо было пролететь меньше метра.

Где-то слева от Янгурчи сухо кашлянул выстрел, и полную молодуху, ту, что уже слезла на этаж ниже, отбросило вглубь балкона. Янгурчи стоял достаточно близко, чтобы увидеть, как выстрел превратил всю правую половину ее лица в разорвавшийся кровавый арбуз. Треснул второй выстрел, и ребенок завертелся в воздухе от попавшей в него пули. Его уже никто не подхватил на третьем этаже, и он падал дальше и дальше, и пока он падал, в него всадили еще две пули.

Женщина на балконе издала отчаянный крик и раскинула руки крестом. В следующую секунду в основание балкона ударил выпущенный из танка фугас.

Через час все было кончено. Квартиру, в которой засели боевики, разнесли прямой наводкой из танка. Весь четвертый этаж прогорел и обвалился, и по фасаду до самого подъезда прошла черная смердящая трещина. Квартиру на первом этаже раздолбали «шмелем». Пожар кое-как потушили, и двое спецназовцев отнесли на носилках к подъехавшей «скорой» крошечный сверток с мостовой.

К «скорой» вскоре выстроилась очередь. Все менты, стоявшие в оцеплении, подходили к машине и смотрели на маленькое тельце, лежавшее у самых дверей.

Янгурчи подошел к «скорой» и увидел, что ребенок лежит в «скорой» не один. Рядом с ним на носилках лежала женщина в ночной рубашке, а у ее изголовья сидели двое: глава МВД Магомед Чебаков и полковник Хаджиев. Янгурчи стоял и смотрел на женщину, и вдруг заметил, что она шевельнулась. Чебаков заметил это тоже.

Он откинул черный полиэтилен и увидел, что пальцы женщины скребут по носилкам. Тогда глава МВД вынул пистолет и выстрелил женщине в лоб.

– Поехали, – сказал он водителю «скорой».

Дверцы машины захлопнулись, и она тронулась, побрякивая и вертя синим маячком.

Янгурчи остался стоять во дворе. После восьми часов на холоде он совсем замерз.

* * *

Спецоперацию на Южной показали по телевизору в новостях. Глава МВД республики Магомед Чебаков снялся на фоне разрушенного дома и сказал, что все террористы кончат, как собаки. Рядом с ним стоял пожилой и очень полный человек в камуфляже. Это был заместитель генерального прокурора РФ, назначенный в республику главой новоучрежденного Чрезвычайного антитеррористического комитета. Тр и месяца назад в республике Северная Авария-Дарго был совершен дерзкий теракт: по дороге в Шамхальск бандиты взорвали машину полномочного представителя президента РФ в Кавказском федеральном округе, Владислава Панкова.

Расследование не дало никаких результатов, и два дня назад Москва прислала в республику целый ворох федералов. И тут же результаты были налицо: главарь террористов был уничтожен.

Магомед Чебаков сухо сказал, что слухи о том, что при штурме дома погибла полуторагодовалая дочь Арсаева, распространяются сепаратистами и лицами, идущими на поводу у врагов власти, и пообещал в кратчайшие сроки выплатить компенсации жильцам разрушенного дома.

По телевизору показали фотографии погибших. Имена женщин еще не были установлены, а труп Арсаева сняли крупным планом. Он валялся под батареей, одежда на нем обгорела вместе с кожей, и от этого было такое впечатление, что кожа на трупе присыпана песочком. Видимо, его убили тогда, когда он под обстрелом переползал вдоль окна на другое место, и он так и сгорел, на карачках, чуть оттопырив зад и уперев локти в пол.

* * *

Мэр города Бештоя, находившегося в двухстах сорока километрах от Торби-калы, смотрел десятичасовые новости вместе с тремя своими замами.

Мэра звали Заур Кемиров; это был человек лет пятидесяти, чуть полноватый и немного ниже среднего роста. У него было лунообразное желтое лицо, такое плутоватое, что его фотографиями можно было иллюстрировать сказки про арабских купцов, и на его пухлых, тщательно подстриженных пальцах сияли два кольца с бриллиантами. Мэр был одет в дорогой темно-синий костюм с подобранным в тон галстуком, и его подвижное лукавое лицо выражало так же мало, как его галстук, пока он смотрел новости.

Мэр досмотрел выпуск до самого конца, включая прогноз погоды и даже рекламу, – кстати, это была реклама мебели, производившейся на его собственной фабрике и пользовавшейся огромной популярностью и в самой республике, и в Чечне, – а потом жестом попросил зама выйти.

Улыбка сползла с лица мэра, как шкурка с обваренной сосиски. Он сидел несколько секунд, глядя в полированный стол, а потом взял сотовый и набрал номер главы МВД. Кемиров не представился и не поздоровался, а просто сказал:

– Когда я могу забрать тело?

Голос в трубке отозвался с секундной задержкой.

– Тела террористов не выдают родственникам, Заур Ахмедович.

– Триста тысяч, – сказал мэр города, ничуть не заботясь о том, что линию прослушивали полдесятка спецслужб и не уполномоченных на то любителей.

– Подъезжай. Обсудим вопрос, – предложил Чебаков.

Заур Кемиров сидел еще несколько секунд, а потом набрал другой номер. Гудок колебался в трубке, на пределе связи: после четырех гудков трубку взяли. Заур облегченно вздохнул: он боялся, что абонент будет в горах и вне зоны доступа.

– Джамалудин? – спросил Заур. – Ты слышал новости?

– Да.

– Срочно возвращайся в город. Не смей ехать в Торби-калу. Я решу все вопросы. Ты понял? Возвращайся.

– Заур, я тебя не слышу.

– Срочно приезжай ко мне.

– Заур! Алло, где ты?

Связь заколебалась и прервалась, и сколько бы Заур ни набирал после этого телефон, абонент значился вне зоны доступа.

* * *

Кирилл Владимирович Водров, зам руководителя Чрезвычайного Комитета по расследованию террористических и диверсионных актов на территории республики Северная Авария-Дарго, и первый заместитель начальника контрольно-ревизионного управления администрации президента Российской Федерации, прилетел в Торби-калу спустя несколько часов после ликвидации Вахи Арсаева.

Кирилл Водров был невысок и так тощ, что сбоку его можно было принять за подростка. Вблизи, разумеется, впечатление улетучивалось. Любой, кто глядел в его лицо, видел зеленые усталые глаза, раннюю седину и двойную колею складок на высоком лбу, – и давал ему куда больше, чем было Кириллу на самом деле. А было ему тридцать пять. Одевался Кирилл всегда очень тщательно, и сейчас под распахнутым, тонкой кожи плащом, на нем был серый костюм из тонкой шерсти и галстук в крупную клетку, завязанный аккуратным узлом под белым, как зубная паста, воротничком.

В аэропорту его встретила бронированная машина с автоматчиками и охраной, и когда Кирилл узнал, что глава комитета находится на улице Южной, он велел отвезти себя туда.

Возле разгромленного здания стояло плотное оцепление, но когда Кирилл поднимался вверх по лестнице, он заметил, что двери большинства квартир распахнуты, и не то чтобы в этих квартирах много осталось. На втором этаже ему попалось кем-то брошенное и застрявшее в пролете пианино. Видимо, его изымали в качестве вещественного доказательства.

В выгоревшей квартире трупов уже не было, а у батареи стояли два ящика с брусками тротила.

Прямо на одном из ящиков, равнодушно постукивая по доскам прутиком рации, сидел смуглый седой чеченец с изуродованным лицом и пустым левым рукавом. Он очень изменился с тех пор, как Кирилл видел его в последний раз.

За его плечом генерал с круглым пузом и плоским лицом почтительно поддакивал Федору Комиссарову. Московский проверяющий выглядел очень внушительно в зимнем меховом камуфляже и с кобурой на боку. Рядом суежилась полная женщина, обмахивавшая Комиссарова пудрой, и в двух метрах растопырилась трехногая телекамера.

Рация в руке Хаджиева затрещала и разразилась длинной фразой на чеченском. Тот поднялся и вышел.

– У меня вопрос к главе Чрезвычайного Комитета Федору Комиссарову, – сказала журналистка за камерой, – вам не кажется, что террористы объявили вам войну?

– Это я объявил им войну, – ответил Комиссаров.

– Вам не жалко их родных, которым сейчас не отдадут тела детей?

– Конечно жалко, – сказал Комиссаров, – это же и наши дети! Мы все в России – одна большая дружная семья!

В этот момент в комнате снова появился однорукий чеченец. Он отвел Комиссарова в сторону и что-то прошептал на ухо. Комиссаров недовольно нахмурился, а потом подозвал жестом Кирилла и приказал:

– Езжай с ними. Разберись.

Кирилл сел в машину вместе с главой МВД, а в другую машину сел Арзо.

Спустя пять минут колонна из трех автомобилей подъехала к двухэтажному желтенькому моргу, спрятавшемуся на заднем дворе первой городской больницы.

За коваными воротами Кирилл успел заметить нескольких женщин в черных юбках и черных платках. Вероятно, это были родственницы убитых. Кириллу сказали, что у Арсаева были три сестры и мать.

Морг, как отметил с удовлетворением Кирилл, тщательно охранялся. Возле распахнутого въезда стоял «Икарус» с задернутыми шторами, а у дверей морга толклись несколько джипов. Вдоль всей ведущей к моргу аллеи стояли люди Арзо с красными шевронами на рукавах, и еще какая-то спецчасть, без нашивок, но в одинаковом зимнем камуфляже и высоких шнурованных ботинках, точно таких же, как у американских морпехов. Этих, без нашивок, было человек двадцать.

Ближе всех к Кириллу стоял высокий, под два метра ростом парень с белокурыми волосами, голубыми глазами и фарфоровой кожей викингов. Своей статью он выделялся бы даже где-нибудь на Курфюрстендамм. Здесь, в краю темноволосых и смуглых людей, он смотрелся, как пингвин в тропиках, и в его задранном подбородке и безволосых белых пальцах, обхвативших ствол здорового ДШК с растопырившимися ножками, было что-то, удивительно напоминавшее Кириллу элитные отряды СС.

Посередине засыпанной листвой и снегом лужайки торчал строительный вагончик без колес, и дверь его болталась туда-суда. Возле вагончика стояли двое в мышинных кителях.

Кирилл прыгнул на гравий дорожки, и в этот миг дверь вагончика распахнулась. Из нее показался человек. Он был чуть выше среднего роста и скорее худ, чем худощав. Усталость свела с его лица загар, и оно было серым, не бронзовым, и на этом сером лице лихорадочно горели раскаленные головешки глаз. У него было красивое, типично горское лицо, с широким лбом и чуть зауженным подбородком. Подбородок оброс пяти– или шестидневной щетиной, и черные густые брови собрались в скорбную складку на переносице, делая его похожим на старинные изображения Иисуса Христа.

Правда, Кирилл никогда не видал Христа в камуфляже и с собранными у пояса обоймами, и тем более с таким грузом на руках. А на руках у человека был труп вчерашней террористки, закутанный в какой-то черный целлофан.

Магомед Чебаков расставил пошире ноги и сказал:

– Тела террористов не выдают родственникам, Джамалудин.

Джамалудин молча поглядел на главу МВД и сделал шаг вперед. Труп на его руках весил изрядно: мало того, что покойница была ростом где-то под метр восемьдесят, так еще перед родами она изрядно растолстела, и весила, наверное, раза в полтора больше сухощавого кавказца. Те м не менее он двигался легко и уверенно, словно держал в руках пушинку.

– Тела террористов не выдают родичам, – повторил министр.

Согласно щелкнули затворы, и люди в одинаковом камуфляже и одинаковых зелено-коричневых ботинках, до этого безучастно следившие за представителями официальной власти, опустили глядевшие вверх стволы автоматов.

Белокурый ариец с пулеметом развернул свою машинку, чуть не задев стволом Кирилла, и прямо в глаза московскому проверяющему глянул железный рот смерти. Пулемет был калибра двенадцать и семь, и в его дуло Кирилл мог бы спокойно засунуть мизинец. Все про-

исходящее было настолько неожиданно, что Кирилл не мог поверить своим глазам. «Но позвольте, как же так, – мелькнуло в уме Кирилла, – это же.... Это же регулярная часть! Это не могут быть бандиты, это не могут быть его друзья, у них одинаковая экипировка. И потом, кто их пустил, если...»

Министр побагровел.

– Арзо! – крикнул он.

Хаджиев резко повернулся к нему спиной, щелкая каблуками. Его люди стояли не шевелясь, как будто происходящее их не касалось.

Это было невероятно. Кирилл Водров, высокопоставленный чиновник из Москвы, и глава министерства внутренних дел республики Северная Авария-Дарго стояли под дулами автоматов, и это случилось не в горах, не во время войны, не при спецоперации, – а на одной из центральных улиц, в двух кварталах от Дома Правительства. А спецназовцы ФСБ, приехавшие с ними, повесили автоматы дулом вниз и откровенно улыбались.

Слова замерли у министра в глотке. Он побагровел и захватил воздух ртом, как рыба. На аллею задним ходом выкатилась «скорая». Женщины за кованой оградой заволновались, как вороны при виде рассыпанного зерна.

Белокурый ариец, перехватив пулемет одной рукой, другой открыл дверцы «скорой», и Джамалудин положил туда покойницу. Повернулся и пошел обратно в вагончик.

Кирилл, помедлив, шагнул за ним.

Почему-то трупы террористов положили не в морг, а в этот строительный вагончик, где не было ни прозекторской, ни холодильника, но так как на улице был ноль, трупы еще не успели испортиться. Пол вагончика был покрыт жидкой грязью с кровавыми разводами, и трупы лежали прямо в этой грязи: обнаженные, обгоревшие, с жуткими сизо-красными ранами. Их оставалось пять: трое мужских и двое женских. Кирилл искал глазами девочку, про которую опровергали по радио, но ее нигде не было.

Джамалудин молча присел над одним из мертвецов и перевернул его на спину. Судя по бирке, привязанной к босой ступне, это был Ваха Арсаев. Он сторел совершенно. Голова его напоминала черный сморщенный мяч, и когда Джамалудин дернул труп за волосы, часть скальпа вместе с волосами осталась в его руке.

– Что скажешь, – раздался голос Чебакова, – ты и его хочешь похоронить?

Джамалудин бросил волосы обратно на труп, встал и сказал:

– Я не воюю с мертвыми. Я воюю с живыми.

Дверь вагона оглушительно хлопнула.

Кирилл подумал и вышел вслед за ним. Было уже семь часов вечера, фонари сияли в предсумеречном тумане, и от желтого света фонарей казалось, что на улице темней, чем на самом деле. Джамалудин сажился в один из внедорожников, и его люди ссыпались в машины вслед за ним. Бойцы Хаджиева курили у «Икаруса».

Два мента у дверей вагончика с досадой глядели им вслед.

– Хоть бы деньги заплатил, сукин сын, – сказал один мент по-русски, – вон, в прошлый раз, когда на Абуталибова стреляли, так три миллиона рублей за тело дали. Бандит.

* * *

Вереница черных джипов вместе со «скорой» въехала в Бештой через два с половиной часа, проделав половину пути по побережью Каспия, и другую – по горному серпантину.

Джипы проскочили город боком, по обводному шоссе, вдоль обеих сторон которого тянулись свежие заборы складов и мастерских, миновали окраинный рынок «Эркентли», и, оставив справа от себя разбитый поворот к военному аэродрому, снова стали подниматься вверх.

Бесконечные склады и городские дома вдруг пропали, сменившись засахаренными деревьями, за деревьями вдруг открылось карабкающееся по пологому склону зажиточное село с широко раскинувшимися домиками, иногда прерывавшимися кирпичным дворцом в четыре этажа и со стенами такими толстыми, что их невозможно было пробить гранатометом.

Два последних домика прилепились к горе, дорога, как пришпоренная лошадь, взвилась на дыбы между скал, и через десяток виражей окончилась черной аркой ворот, обрамленных двумя сторожевыми вышками.

Ворота распахнулись, и джипы въехали внутрь.

Это был не дворец и не особняк, – это был средневековый замок, господствующий над местностью по всем правилам фортификации. На асфальтовой площадке за воротами стояли два десятка джипов, и над ними, как лабрадор над пекинесами, возвышался свежепокрашенный, словно блестящий от смазки БТР. Вправо от БТРа асфальт сменялся расчищенной галечной дорожкой, которая уходила вниз и обвивалась вокруг замолчавшего на зиму фонтана.

На самой вершине, на подворье, застланном белым грубым камнем, стояли, как опята на пеньке, несколько сплетенных боками домов – один побольше, остальные поменьше – и чуть в стороне высился опоясанный крытым ходом минарет, длинный, как гвоздь, которым горы приколачивают к небу.

За домами гора скатывалась вниз, продираясь сквозь колючие заснеженные заросли с укрытыми в них прожекторами и телекамерами, падала по каменной осыпи и вздымалась напоследок кулаками рыжеватых валунов, скатившихся с нее в незапамятные времена.

За валунами начиналось минное поле, заросшее торчащими из снега сорняками, а за полем – клубы проволоки, алюминиевые ангары казарм и обрывающаяся в никуда бетонная полоса: взлетка Бештойской авиабазы.

«Скорая» остановилась у одного из меньших домов. Возле крыльца играли в нарды двое автоматчиков. Джамалудин спрыгнул на землю и обратился к тому самому белокурому бойцу, который привлек внимание русского проверяющего:

– Похороните ее на Ассалыке. Соболезнования не будет. Та к и передайте всем, кто придет.

Дома Джамалудин снял с себя всю одежду, вымыл тело и волосы и чисто побрился. Он переоделся в чистую рубашку и брюки и сделал намаз, а потом спустился вниз, в гостиную.

Там, накрывая ужин, хлопотала его младшая жена, и в глубоком кресле перед столом сидел его брат, мэр Бештоя Заур Кемиров.

– Зачем ты поехал в Торби-калу? – спросил недовольно Заур. – Я велел тебе оставаться в городе.

– Прости, брат. Связь была плохая. Я же был в горах.

– У тебя слишком часто портится связь, когда тебе надо слушаться старшего брата, – ответил Заур, – ты когда-нибудь погубишь весь наш род.

Поднялся и вышел вон.

...август 1992 – май 1996

Род Кемировых был одним из самых знаменитых в республике. С материнской стороны они происходили от хунзахских ханов, по отцу же Заур Кемиров приходился внучатым племянником основателю советской власти в городе Бештое.

Влияние Кемировых простиралось далеко за пределы РСА-Дарго. Двоюродный брат Заура Кемирова, Аслудин, учился в Москве в Высшей партийной школе, а после перестройки занялся бизнесом. Он ввозил компьютеры и вывозил алюминий, продавал ваучеры и покупал акции, и, в конце концов, продав за триста миллионов долларов свои пакеты в российских сталелитейных заводах, занялся недвижимостью в Москве.

Другой двоюродный брат Заура, Шапи, тоже поступил в институт в Москве: это был институт стран Азии и Африки. В 1991-м году Духовное управление мусульман республики РСА-Дарго послало его вместе с другими образованными молодыми людьми в Каир, и Шапи так и не вернулся на родину. В 1994-м он переехал в Турцию, женился на дочке тамошнего министра обороны и стал уважаемым бизнесменом и известным членом кавказской общины.

В 1991-м, когда грянула перестройка, тридцатипятилетний Заур Кемиров был самым молодым в республике цеховиком. Его подпольные заводы выпускали все, – от блесток на лицо до джинсов «Ли Купер», но самым популярным изделием Заура были самогонные мини-аппараты, которые изготавливались на заводе, хозяйственным директором которого он формально состоял. Это был Бештойский машиностроительный завод, в принципе занимавшийся производством нефтеперерабатывающего оборудования. Самогонные аппараты были таким популярным видом продукции, что нефтяники из Сибири специально заказывали оборудование в Бештое, чтобы иметь возможность съездить в кавказские горы и получить там в подарок самогонный аппарат.

Рассказывали, что в это время один из сибирских нефтяников построил себе дачу с двумя подвальными этажами. Сверху дача выглядела как советская развалюха, а под землей все было заставлено чешским хрусталем, китайским фарфором и новейшей японской видеотехникой, которую партия тогда вагонами гнала в нефтеносную Сибирь.

Будучи спрошен следователями о причинах такого странного архитектурного решения, нефтяник сослался на культурное влияние Кавказа, и, в частности, города Бештой.

В поисках культурных заимствований этнографы с погонями поехали к хозяйственному директору Бештойского машиностроительного. Они уехали с полугодовым доходом Кемирова и двумя самогонными аппаратами в тщательно упакованных чемоданах.

Зауру Кемирову не понравился интерес следователей, и в 1989 году, через день после выхода закона «О кооперации», Заур зарегистрировал первый на территории Советского Союза кооператив.

Кавказ тогда еще не был тем полувоенным, полубандитским регионом, в который он превратился спустя несколько лет. Это был процветающий край, естественно богатый вследствие теплого климата, трудолюбивого населения, и оборонных заводов, в изобилии понатыканных по всем крупным и средним городам.

Заур Кемиров бросил все: подпольные цеха, должность директора, партийный билет и скорое членство в обкоме республики, и открыл в Бештое первый кооперативный ресторан. Потомок хунзахских ханов со своей женой лично выходил кланяться посетителям, и когда однажды его спросили, не зазорно ли ему кланяться черти знает кому, он ответил:

– Зазорно – это когда кланяешься следователям. А свобода – это когда кланяешься клиентам.

Ресторан Заура гремел по всей Аварии и Чечне. Люди проезжали по двести километров по горам, только чтобы поесть там, и книга почетных посетителей на первом этаже была раскрыта на странице, где красовались подписи Дудаева, Аушева и Хубиева.

Спустя полгода после открытия ресторана Заур посчитал доходы и огорчился. Он заработал в месяц шесть тысяч рублей, – огромные по меркам Союза деньги. Но цеховиком он зарабатывал вчетверо больше, и Заур понял, что ресторан – это мало.

К этому времени Заур уже пару раз побывал в Турции, и он обратил внимание на шоколадные батончики «Марс» и «Сникерс», которые продавались там в каждом супермаркете. По правде говоря, Заур был большой сладкоежка, и «Марс» ему очень понравился. Во всем Союзе не было ничего подобного. Шоколадка «Аленка», как полагал Заур, не годилась батончикам даже на кожуру.

Заур провел переговоры с англичанами, которые делали «Марс», и быстро понял, что они не продадут ему технологию и рецептуру. Он также сличил цены и понял, что импорт

батончиков в Россию не может быть выгоден. Тогда Заур нанял российских технологов, и за пятьсот рублей они сварганили ему батончик ничуть не хуже «Марса». За две тысячи рублей Зауру списали в Краснодаре линию по производству шоколадных конфет, Заур перевез линию в Бештой и переделал ее под батончики.

Заур купил на оборонном заводе запасы фольги и заказал в типографии яркие не по-российски обертки. Для того, чтобы батончики хорошо продавались, Заур назвал их иностранным словом «Рикки-Тикки-Тау», а в качестве производителя он зарегистрировал в городе Бештое ТОО «Рикки-Тикки-Тау, Лтд».

В короткий срок батончики «Рикки-Тикки-Тау» завоевали все пространство России, от Каспия до Камчатки. У ворот фирмы стояли очереди. Батончики расхватывали вагонами. Все, кто покупали ребенку яркую конфету в фольге, были уверены, что покупают иностранное лакомство – ведь конфета называлась не «Аленка» или там «Белочка», а шибко по-иностранному, и была в такой яркой обертке, которую никогда не видели в Союзе.

Но главная причина успеха батончиков была не в обертке и не в названии, а в качестве. Заур делал батончики ровно по той технологии, которую разработали для него ученые. Там, где надо было класть килограмм какао, клали килограмм какао, а не семьсот грамм и не полкило, там, где надо было класть килограмм орехов, клали килограмм орехов. Работницу, которая однажды вынесла с фабрики упаковку яиц, приковали наручниками к линии на неделю, а потом уволили. Не воровал у Заура никто. В стране, где рабочие на фабриках тащили все, вплоть до цветного металла из машин, это приносило удивительные результаты.

В 1992 году Гайдар либерализовал цены, и Заур понял, что эра батончиков «Рикки-Тикки-тау» скоро закончится. То есть они, конечно, останутся, как бренд. Но их потеснят настоящие «Марс» и «Сникерс», и, кроме того, Заур понимал, что вслед за ним множество людей примутся делать похожие батончики. Заур со своими батончиками был один на весь Союз, а теперь он будет как все. Заур не любил быть как все. От этого снижалась норма прибыли. Заур Кемиров заработал на батончиках пятнадцать миллионов долларов, что для России 1991-го года было астрономической цифрой, и Заур не хотел после этого копаться в копейках.

Заур Кемиров прикинул, что еще находится в дефиците в России, и понял, что в страшном дефиците мебель. Он купил в Югославии и Испании два мебельных гарнитура, привез их в Бештой и разобрал по винтикам. Спустя месяц его мебельная фабрика делала точно такие же гарнитуры, и они стояли в спальне Аллы Пугачевой и в столовой спикера Верховного Совета.

Однако эпоха мебельных гарнитуров, как полагал Заур, тоже не могла продлиться долго. Зауру хотелось устроить что-то свое, спрос на что будет специфически российским, и что при том технологически не сможет воспроизвести любой грамотный инженер с отверткой в одной руке и ручкой – в другой.

В это время одним из самых прибыльных бизнесов в России была торговля бензином. Главный смак состоял в том, что нефть, из которой делали бензин, попросту крали с месторождений, да и сам бензин тоже крали, только с заводов, и поэтому даже тот, кто продавал краденое за три копейки, все равно получал три копейки прибыли. Проблема заключалась в том, что бензин крали отдельно, а нефть отдельно, и так как все крали все, нефтеперерабатывающие заводы простаивали, а владелец краденой нефти, сдав ее на переработку, никогда не мог гарантировать, что ее не украдут снова, на этот раз на заводе.

Особо остро эта проблема стояла в сопредельной Чечне, потому что элита молодой чеченской республики считала позором платить деньги за то, что можно взять силой, и даже редко кому из аварцев удавалось стясти с чеченца деньги, если, конечно, не украсть его брата, или родителей, или иным способом заставить уважать кредитора.

Поэтому, несмотря на то, что на Грозненском НПЗ были загружены все мощности (по правде говоря, по бумагам Грозненский НПЗ перерабатывал нефти в пять раз больше, чем мог, потому что на самом деле под предлогом отправки нефти на Грозненский НПЗ она шла на

экспорт), – фактические владельцы чеченских, аварских, а то и сибирских качалок ругались, что переработать нефть негде.

Как мы помним, Заур Кемиров до сих пор владел самым популярным на Северном Кавказе рестораном, в который заглядывали даже президенты сопредельных республик. Поэтому он был вполне в курсе проблемы.

Заур немного поразмыслил и поднял некоторые патенты, которые приносили на Бештойский машиностроительный завод еще в 70-х годах, и так как Заур был по складу мышления – технократ, а по образованию – инженер-нефтяник, Заур подумал и сконструировал мини-нефтезавод.

Нефтеперерабатывающая установка монтировалась на шасси большегрузного «Урала» и, функционируя в автономном режиме, перерабатывала за день около двадцати тонн нефти.

Понятное дело, что такая установка на дух не нужна была какой-нибудь Shell. Для Shell в ней было не больше экономического смысла, чем если бы ей предложили посадить прекрасных туземок перебирать молекулы руками, – углеводороды с большим весом в один горшок, а с меньшим весом – в другой.

Но если представить себе храброго человека, чеченца, аварца или лезгина, у которого в родном селе нефть, можно сказать, каплет сквозь землю, а он вместо этого грабит поезда и гоняет авизовки, пытаясь обеспечить детей, родителей и обеих жен, то понятно, что для него такой нефтеперерабатывающий «Урал» был просто машинкой для печатания денег.

Если вы думаете, что Заур Кемиров продал свои первые бензопереработчики, то вы ошибаетесь. Первые три «Урала» Заур Кемиров подарил президентам трех сопредельных республик. Спустя неделю в этих республиках не было ни одного члена кабинета министров, которые не обзавелись зауровскими «урами», а сам Заур, помимо денег, получил, тоже в подарок, небольшую нефтяную скважину.

Вообще Зауру платили самыми разными вещами: водкой, орехами, турецкой курагой, обсадными трубами и шерстью. Но больше всего потряс Заура парень из Гудермеса, который пригнал во двор его офиса ИЖ-«каблук» и гордо распахнул перед Зауром задние двери.

– Вот! Смотри! – сказал чеченец, – меняю на твой «Урал».

В «каблуке» на соломе лежал какой-то тусклый стальной цилиндр. Заур спросил, что это, и чеченец ответил, что это атомная бомба. Штуковина действительно выглядела устрашающе и была слабо радиоактивной. На беду чеченца, Заур был не просто инженером, а еще и инженером-нефтяником, и он знал, что эта штука – просто рабочая часть прибора, применявшегося для обнаружения утечек в магистральных трубопроводах.

Заур посмеялся и отправил чеченца восвояси; спустя два года тот всучил ее ФСБ за выкуп в два миллиона долларов, и российские спецслужбы еще долго писали доклады о наличии у мятежного генерала Дудаева «грязного» ядерного оружия.

К 1992-му году Заур Кемиров был одним из самых уважаемых людей на Кавказе. К мебельному и нефтяному бизнесу сами собой добавились другие. Заур продавал мороженое; владел тысячей гектаров теплиц и имел большую долю в водке; спирт для ее производства в то время возили через Бараний тоннель. Туда, на территорию Южной Аварии, шли бензовозы с бензином, сделанным на мини-заводах Заура, а обратно в оплату ехал спирт.

У Заура Кемирова был самый большой дом в Бештое; красивая жена и пятеро здоровых детей. Он пристроил своего среднего брата, Магомед-Гусейна, деканом философского факультета в Торбикалинский государственный университет, и другого брата, Магомед-Расула, заместителем начальника железной дороги. Он выдал замуж обеих своих сестер и двух их мужей тоже пристроил, одного у себя в компании, а другого – заместителем министра торговли. Ничто не омрачало бы его семейного счастья, если б не четвертый, младший брат.

* * *

В восемьдесят пятом году в Торби-кале ограбили свадьбу. Это было очень громкое событие, потому что свадьба была первого секретаря горкома партии, и на свадьбу принесли кучу денег; говорили, что всего молодоженам подарили два миллиона рублей. Вот эти-то деньги и украли.

В те времена такая неприятность еще не могла остаться без последствий, и скоро вся республика только и говорила о человеке, который ограбил свадьбу. Вот прошло два месяца, и директор школы вызвал Заура к себе и сообщил, что на стреме у этой свадьбы стояла пара шестиклассников, и один из них был младший брат Заура по имени Джамалудин.

После этого разговора Заур позвал к себе Джамалудина и спросил:

– Что ты знаешь о Гаджи Телаеве, который ограбил свадьбу с самыми уважаемыми в республике гостями?

– Как эти гости могут быть уважаемыми, если у них не было стволов? – ответил тринадцатилетний Джамалудин. – И вообще, что это за свадьба, если ее можно ограбить? Кто там женился, горцы или овцы?

Этот ответ очень не понравился Зауру, но когда он стал спрашивать Джамалудина дальше, он больше ничего не услышал.

Вот прошел еще год, и Заура снова вызвали в школу, потому что Джамалудин избил учителя биологии. Он сломал ему ребро и нос. Заур позвал брата и спросил, почему произошло такое дело. Джамалудин ответил:

– Я побил его, потому что он врал. Он сказал, что человек произошел от обезьяны.

Зауру снова не понравился такой ответ.

– Я не понимаю, чем ты недоволен, – сказал Джамалудин. – Этот человек врал, что Ева, вместо того, чтобы зачинать детей с мужем, блудила с какой-то обезьяной. Если бы он сказал, что наша мать блудила с обезьяной, я бы его убил, а он сказал так про Праматерь всех людей, и я его только ударил. А ты еще злишься!

Заур помолчал и сказал:

– Джамал, жизнь человеку дарует Аллах, и только Аллах имеет право ее забрать. Если ты думаешь грабить и убивать, и стать от этого героем, так не получится. Сейчас не времена имама Шамиля, и ты станешь просто бандитом. Запомни это, потому что я не буду это повторять много раз.

Два года после этого разговора ничего не происходило, а в ночь выпускного бала мальчик пришел домой с простреленным плечом. Как быстро узнал Заур, в ту ночь в Торби-кале банда шестнадцатилетних отморозков пыталась украсть известного цеховика. Ребята были неопытные в этом деле, охрана убила двоих на месте, а остальные разбежались.

Зауру стоило немалых денег замять это дело и сослать брата в Москву, в МГУ, где тот и отучился два года на сплошные пятерки. Через два года разразился скандал, потому что выяснилось, что вместо него в МГУ учится другой человек.

Заур вызвал девятнадцатилетнего Джамалудина обратно в Бештой и спросил:

– Что ты можешь делать в жизни, кроме как бить людей и врать им?

– Я могу водить машину, – ответил Джамалудин, – ты продаешь эти «Уралы», хочешь, я буду гонять их в Грозный?

– Очень хорошо, – сказал Заур, – если ты думал, что на моих предприятиях для тебя найдется другая работа, ты ошибаешься.

Джамалудина Кемирова оформили на работу в фирму «Кемир», и он стал гонять «Уралы». Он гонял их то в Пятигорск, то в Грузию, но чаще всего в Грозный, потому что у чеченцев был самый большой спрос на такие «Уралы». Та к продолжалось целый месяц, а

вечером Джамалудин возвращался домой и вместе с одиннадцатилетним сыном Заура рассказывал ему урок по математике. Математика шла Джамалудину, как юбка корове.

15 августа 1992 года «Урал», за рулем которого сидел Джамалудин, остановили присланные из Ростова милиционеры. Дело было на территории Чечни, в двух километрах от административной границы. Они велели Джамалудину отдать им ключи и убираться куда глаза глядят.

Джамалудин протянул ментам пачку рублей и сказал:

– Бери и отвали. Это «Урал» Заура Кемирова, и тебе не стоит с ним связываться.

Мент забрал деньги и ткнул Джамалудина стволом в грудь:

– Заур не обеднеет, если этот «Урал» поработает на нас. Канай отсюда.

Джамалудин схватил ствол и перекинул мента через себя. В следующую секунду из «Урала» загремели автоматные очереди. Как выяснилось впоследствии, в кузове машины, представлявшем из себя как бы разделенную на две части цистерну, лежало оружие для Чечни, и кроме оружия в кузове сидели пятеро друзей Джамалудина, которые представляли из себя гарантию того, что чеченцы в Грозном расплатятся за это оружие долларами, а не пулями.

Трое ментов были убиты на месте. Расстрелянный изнутри «Урал» бросился наутек, огрызаясь от уцелевших автоматными очередями.

Заур выслушал всю эту историю от следователя военной прокуратуры. Больше всего его потрясло, как именно Джамалудин перевозил оружие. Дело в том, что за пять минут до этого «Урал» проехал блокпост на административной границе, и стоявшие там солдаты заглянули в машину. Они не увидели в цистерне ничего, кроме налитого почти до половины машинного масла, под которым и были ящики с оружием. Что же до друзей Джамалудина, то, похоже, они в это время вылезли и обошли блокпост стороной. То есть получалось, что бандиты открыли огонь, сидя по колено в машинном масле, и если бы в цистерне было чуть больше паров углеводородов, их бы разнесло на клочки.

– Очень хорошо, – сказал Заур, – а при чем здесь я?

– Ну это же ваш брат воровал оружие с авиабазы в Бештое! – воскликнул следователь, – Вы думаете, мы поверим, что вы действительно сделали Джамалудина простым водителем? И он без вашего ведома сумел организовать продажу оружия режиму Дудаева?

– У меня нет брата по имени Джамалудин, – ответил Заур.

* * *

Вечером того же дня, в который случилась перестрелка с ментами, Джамалудин и его друзья въехали в город Грозный. Они так и ехали на этом своем расстрелянном «Урале», потому что другого транспорта у них не было. Только, конечно, друзья Джамалудина вылезли из цистерны и набились в кабину. Все они были в спортивных костюмах и тапочках на босу ногу.

Что же касается Джамалудина, то он был в фирменном комбинезоне, темно-зеленом с черными разводами и белой наклейкой «Кемир» на спине. Джамалудин сорвал со спины наклейку, и комбинезон стал походить на военную форму. А после того, как Джамалудин сунул за пояс «макаров», который он отобрал у мента, сходство стало совсем убедительным.

Положение у Джамалудина и его друзей было не очень приятное, потому что, кроме «Урала», на котором они ехали, у них не было ничего за душой, не считая, конечно, девяноста автоматов и десяти ящиков с гранатами, которые лежали в кузове «Урала». Кроме автоматов и гранат, у них в кузове еще был миномет. Они никогда раньше не возили эдакой штуки, и когда им оставалось до Грозного километров пятьдесят, они решили его испытать.

Вот они вылезли на обочину, установили миномет, сунули в него мину хвостиком вниз и выстрелили. Все прошло нормально, и они собрали миномет и поехали восвояси. А мина куда-то улетела.

Минут через пять они проехали небольшое село и увидели на дороге воронку, а у воронки – целую кучу чеченок. Они возбужденно галдели.

– Что случилось? – спросил Джамалудин.

Чеченки ответили, что возле Грозного высадился федеральный десант и только что обстрелял из минометов село. Их мужчины уже выбегали из дома с оружием. «Нехорошо как-то вышло», – подумал про себя Джамалудин и решил больше минометы не испытывать. Он не знал, что мины летают так далеко.

Вот «Урал» доехал до Грозного и приехал к президентскому дворцу, и когда они доехали, они увидели, что перед дворцом стоит толпа еще больше, чем в селе.

Те бойцы, которые не стояли в толпе, сидели в автобусах, и этими автобусами была заставлена вся площадь. Из окон автобусов торчали автоматы и даже гранатометы. Только один автобус, возле самого президентского дворца, был полон людьми в спортивках и тапочках.

Джамалудин вспомнил людей в селе, и ему стало совсем неудобно. «Неужели все эти люди собрались искать федеральный спецназ?» – подумал он.

Джамалудин остановил свой «Урал», спрыгнул и подошел к одному из чеченцев в камуфляже.

– Куда собрались все эти люди? – спросил он.

– Танки Кетовани вошли в Сухуми, – ответил чеченец, – и мы идем на помощь абхазам.

– А что делают тут эти люди в тапочках? – спросил Джамалудин и показал на удививший его автобус.

– Это кабардинцы и черкесы, – ответил чеченец, – они тоже едут в Абхазию, но у них нет оружия, и они приехали за оружием в Грозный.

Тут к ним подошел какой-то чеченец в камуфляже и с автоматом и спросил:

– Кто идет на встречу с Дудаевым?

Тут надобно напомнить, что Джамалудин был одет в темно-зеленый комбинезон. На самом деле это была форма служащих фирмы «Кемир», но после того, как Джамалудин спорол с нее наклейку, это было не очень заметно. Поэтому Джамалудин выглядел очень прилично, и к тому же если бы кто-то задумался, военная форма на нем или рабочий комбинезон, «макаров» за поясом однозначно свидетельствовал в пользу формы.

– Я иду, – сказал Джамалудин.

– А ты кто? – спросил чеченец.

– Я глава аварского ополчения, – сказал Джамалудин, – и мы тоже собрались на помощь братскому абхазскому народу.

Встреча с Дудаевым состоялась в президентском дворце спустя пятнадцать минут. Дудаев сидел мрачный и шуршал картами. Вдоль стола сидели какие-то люди, обвешанные оружием, и Джамалудин со своим «макаровым» почувствовал себя как канарейка среди страусов. Один чеченец на встречу с президентом приволок даже ДШК и так и держал его на коленях все время разговора. Вообще было заметно, что все чеченцы очень хорошо подготовлены к войне. Каждый чеченец начинал свое выступление фразой: «Мой элитный спецназ готов хоть завтра отбить Сухуми». А потом его перебивал другой чеченец и говорил: «А мой суперэлитный суперспецназ сделает это сегодня». А потом вставал третий и говорил: «Пока вы тут болтаете, мои люди только что позвонили мне, что они уже отбили Сухуми и выступают на Кутаиси!»

Дудаев на это только морщился и рисовал на бумаге.

Джамалудин был наблюдательный человек, и он сделал из этого вывод, что Дудаеву не очень-то хочется посылать чеченцев в Абхазию. Потом уже ему объяснили, что у Дудаева была дружба с грузинскими властями. Еще Джамалудин заметил, что Дудаев не очень-то может указывать своим командирам, что делать. Если он начнет ими командовать, то они, пожалуй, вместо Сухуми возьмут Грозный.

Во время встречи Джамалудин обратил внимание на молодого чеченца. Ему было года двадцать три или двадцать четыре, и у него было смуглое ястребиное лицо со слегка скошенным лбом и необычного цвета глаза: совершенно черные, они казались чуть светлей из-за плавающих возле самого зрачка красных искр. Он был гибкий и хлесткий, как скрученный моток проволоки, и он молчал, когда выступали все командиры спецназов и суперспецназов. Возможно, он молчал потому, что он был самый молодой на этом совещании, не считая Джамалудина. Он все время улыбался, посверкивая белыми крупными зубами, но это, впрочем, ничего не значило: на этом совещании улыбались и хохотали все, кроме Дудаева. Можно было подумать, что это не совещание, а свадьба.

Когда совещание кончилось, Джамалудин вышел вслед за чеченцем, и увидел, что того ждет автобус, возле которого сидят на корточках вооруженные люди.

– Все в автобус, – сказал чеченец, – мы уезжаем.

– Ты едешь в Абхазию? – спросил Джамалудин.

– Да, – сказал чеченец, обернувшись.

– Возьми меня с собой.

Чеченец осмотрел его с ног до головы, а потом перевел взгляд на остальных аварцев, столпившихся за Джамалудином. Как мы уже сказали, все они были без оружия и в спортивках.

– У меня нет времени на перевозки туристов, – сказал чеченец.

Тогда Джамалудин сделал знак рукой, и его троюродный брат Асхаб, бывший с ним, подогнал поближе «Урал» с цистерной. Чеченец вслед за Джамалудином забрался по лесенке на цистерну и заглянул в открытый люк. Надо сказать, что в цистерне к этому времени было столько дырок от пуль, что внутри было вполне светло, и чеченец увидел, что цистерна прямо-таки забита оружием, которое плавает в машинном масле, как шпроты во вскрытой банке.

Чеченец улыбнулся, глядя на оружие и на дырки в цистерне, а потом спрыгнул с лесенки и спросил:

– Хьо хьеин ву?¹

– Я Джамалудин, сын Ахмеда, – ответил аварец.

– Я Арзо, сын Анди, – сказал чеченец.

* * *

Колонна во главе с Арзо Хаджиевым пришла в Абхазию через три дня. Они поехали через Кабарду и сказали ментам, которые их остановили, что они поедут через Пятигорск к Туапсе. Кабардинские менты обрадовались, что им не надо задерживать вооруженную колонну и что можно спихнуть это дело на федералов, но не доезжая Нальчика, колонна резко свернула в горы.

Та м добровольцы побросали технику и пошли пешком. Их вел командир кабардинского отряда, который мог ходить по горам даже во сне. Когда колонна выехала из Грозного, в ней было всего триста человек, но когда она подошла к Клухорскому перевалу, в ней было уже полторы тысячи. Почти никто из добровольцев, кроме чеченцев, не был вооружен, и люди предлагали Джамалудину любые деньги за его оружие. Но вместо того, чтобы продать оружие, он раздавал его тем, кто вступал в его отряд, и получилось так, что из Бештоя Джамалудин выехал с машиной, в которой лежали девяносто автоматов, а с перевала Джамалудин спустился командиром отряда, в котором было девяносто бойцов.

Абхазы прямо-таки обалдели, когда вся эта колонна пришла к ним. Нельзя было даже сказать, что они очень обрадовались, потому что большинство добровольцев были безоружны,

¹ Ты чей? (чечен.).

а их надо было кормить и поить. Но вот отрядам Арзо и Джамалудина они обрадовались чрезвычайно.

Отряд Арзо состоял из одних чеченцев. Что же касается Джамалудина, то он отбирал в свой отряд тех, кто ему приглянулся, и этот отряд оказался вполне интернациональным. В нем были аварцы, черкесы, кабардинцы и даже русские. Всего, как уже было сказано, в нем было девяносто человек.

В тот самый вечер, когда они спустились с перевала, Арзо Хаджиев подошел к Джамалудину и сказал:

– Я думаю, что из тебя выйдет толк. Я предлагаю тебе стать моим заместителем.

Джамалудин поглядел на него и ответил:

– Вы, нохче, много о себе думаете. Почему бы тебе не стать моим заместителем, Арзо?

– Э! – засмеялся Арзо, – где ты видел чеченца-зама? Если он был зам, значит, он был какой-то неправильный чеченец. Наверное, в нем была половинка аварской крови.

Джамалудин очень обиделся на эти слова и хотел подраться с Арзо. Их насилу разняли.

* * *

На следующий день Джамалудин с утра пришел в штаб и увидел пятерых абхазов, которые грузили на «Газик» ящики со взрывчаткой. За погрузкой наблюдал человек по фамилии Анкваб.

– Что делают эти люди? – спросил Джамалудин.

– Они едут взорвать мост в пяти километрах отсюда, – сказал Анкваб, – но им нужна поддержка на тот случай, если на мосту есть грузины.

– Я их прикрою, – ответил Джамалудин.

Он взял двадцать своих людей, и так как в штабе не было машин, кроме «Газика», им пришлось идти пешком. В «Газик» они посадили абхазского старика, который был сапером в Великую Отечественную и знал, как минировать мосты. По крайней мере Джамалудин надеялся, что он это знает. Сам Джамалудин, по правде говоря, имел мало представления о том, как минировать мосты, но он собирался научиться на месте.

Однако получилось так, что до моста они не доехали. Когда они проехали последний поворот, они увидели, что возле моста стоит БПМ, и как только БМП их увидела, она открыла огонь.

Люди Джамалудина разбежались в разные стороны, кто забился за валуны, а кто в камыши, а сам Джамалудин свалился в канаву, и сразу же над ним застрочил пулемет.

Старик-абхаз, у которого не было оружия, а была только взрывчатка, вывалился из машины и лежал на дороге, и Джамалудин очень тупо глядел на этого старика и удивлялся, почему тот не ползет в укрытие. Потом пулеметная очередь попала в старика один раз, и еще второй, а на третий раз сдетонировала взрывчатка, и ползти стало уже нечему.

Время почему-то текло медленно, как во сне, и Джамалудину все время казалось, что он сейчас проснется. Тем не менее Джамалудин понял, что если он будет сидеть в канаве, то ничего хорошего не случится. Ползти назад ему было неудобно, и поэтому он пополз в горку. Он заметил, что метрах в двадцати над горой идет длинный скальный выступ, и что можно пробраться за этим выступом и зайти БМП в тыл.

Он забрался на горку и пробежал по выступу, и когда он выглянул из-за него, то он увидел БМП в ста метрах впереди себя. Машина стояла кормой к нему и методично расстреливала его людей. От старика на дороге остались одни клочки. «Газик» горел в канаве.

Джамалудин смотрел на эту картинку и недоумевал, почему он не может проснуться. Тут Джамалудин заметил, что из люка БМП высунулся грузин. Джамалудин поднял автомат и выстрелил в грузина. Он увидел, как выстрел срикошетил от башни, и тут же вокруг Джамалу-

дина засвистели пули. Джамалудин очень удивился, потому что он не видел на дороге других врагов, кроме БМП, а потом он сообразил, что в него стреляют его же люди, потому что он не сказал им, что полезет в обход, и они не могли его узнать на таком расстоянии. Все, что они видели, это что кто-то сидит на горе и стреляет в их сторону.

Джамалудин испугался, что сейчас его убьют свои же, но тут сзади и справа заработал пулемет, и когда Джамалудин оглянулся, он увидел буквально в десяти метрах от себя этакий дувальчик из камней, а за ним – трех или четырех грузин. Один грузин бил из пулемета, а другой кричал и показывал на Джамалудина. Джамалудину было совершенно непонятно, как он столько времени смотрел на БМП и не заметил этот дувальчик у себя за спиной.

Грузин с пулеметом оглянулся, увидел Джамалудина и стал поворачивать ствол, и Джамалудин понял, что жить ему остается очень недолго. Ведь спереди в Джамалудина стреляли его собственные люди, а сзади его готовился расстрелять пулеметчик-грузин. Больше всего Джамалудину было обидно, что он не попал даже в солдата из БМП.

Джамалудин выхватил гранату и выдернул чеку, чтобы бросить ее в пулеметчика, и тут в него попала пуля. Она попала самым удивительным образом, в кончик мизинца, вспорола весь палец, вышла с тыльной стороны ладони и ударилась о затвор автомата. Там она раскололась на три части, и две из них срикошетили Джамалудину в плечо, а мягкий свинцовый шарик внутри пули отлетел и угодил чуть выше брови. Оттого, что пуля так долго скакала туда-сюда, она потеряла скорость, и не пробила голову, а просто скользнула вдоль виска, срывая кожу и волосы.

Из-за этой пули Джамалудин выронил гранату, и она упала у самых его ног. Он схватил ее левой рукой и отбросил подальше от себя, и пока отбрасывал, он заметил, что пулеметчик уже совсем прицелился в него, а граната улетает куда-то не туда, метров на пять левее дувала.

В следующую секунду внутри дувала сверкнуло и грохнуло, и Джамалудин увидел, как пулеметчик вместе с камнями вылетает наружу. Он летел ужасно медленно, и Джамалудин вдруг вспомнил, что у него однажды уже было такое в жизни, когда на скорости в сто двадцать километров в час он слетел с трассы Ростов-Москва. Тогда березы навстречу тоже летели очень медленно. Джамалудин много раз бывал в драках, но он никогда не помнил, чтобы чей-то кулак летал как медленно, как березы или пулеметчик.

Джамалудин удивился и стал смотреть, а дувал взорвался второй раз, и когда дым рассеялся, аварец увидел там невысокую гибкую фигуру в камуфляже.

– Арзо! – заорал он.

Арзо поднялся из-за дувала, и на плече его был водосточный желоб гранатомета. За спиной его вспыхнуло пламя, и через несколько секунд граната ударила в бок БМП. Машина быстро загорелась, и из нее повалили человечки в камуфляже. Люди Арзо расстреливали их с высоты. Джамалудин тоже взял автомат и стал стрелять. Ему очень не нравилось, что снизу, из камышей, почти никто из его людей не ведет огонь.

Когда, через пять минут, они спустились к горящему БМП, все уже было кончено. Фигурки в камуфляже лежали ничком, пришпиленные пулями к дорожной пыли, и люди Арзо ходили между них, собирая автоматы. Каждый автомат в это время стоил очень дорого – больше тысячи долларов. Среди ополченцев тогда были такие, которые стреляли друзьям в спину, чтобы забрать у них автомат.

Люди Джамалудина кое-как выползали из камышей, и он с ужасом заметил, что почти все они ранены. Из отряда в двадцать человек одиннадцать были ранены, и еще трое убиты. Арзо подошел к Джамалудину и спросил:

– Что у тебя со лбом?

Джамалудин провел правой рукой по лицу и увидел, что она вся в крови.

– Не знаю, – сказал аварец, – наверное, пуля попала.

– Крепкий же у тебя лоб, – сказал чеченец.

Потом Арзо повернулся прочь и прокричал что-то на чеченском. Джамалудин понял, что он отдает саперам приказание минировать мост. Он стал помогать вытаскивать раненых.

Когда они закончили с ранеными и с мостом, Джамалудин снова полез на горку. Ему было важно понять, почему он остался жив. Он знал, что не заметил дувала у себя за спиной, потому что он первый раз в жизни был под пулями и не заметил бы даже слона, но он не понимал, почему грузины столько времени его не видели.

Он вскарабкался по каменной осыпи и увидел, что внутри дувала лежат три ковра. Руки мертвого пулеметчика были все в синих наколках, а в его кармане Джамалудин нашел целофановый пакет, сплошь набитый каким-то золотыми вещичками.

Джамалудин взял пакет и спустился вниз, туда, где Арзо отдавал последние распоряжение насчет моста. Пакет он протянул чеченцу и сказал:

– Передай абхазам. Если хозяева этого еще живы, они могут забрать свои вещи. И еще. Ты там говорил что-то насчет твоего отряда?

Арзо внимательно оглядел худощавого аварца с залитым кровью лицом. Он увидел, что мизинец на левой руке юноши оторван совершенно и держится на каких-то лохмотьях, а на плече расплывается изрядное кровавое пятно. По правде говоря, Арзо не понял, что все эти неприятности причинила одна и та же пуля. Он решил, что в Джамалудина попали по крайней мере три раза. Все-таки не так часто бывает на войне, что пуля скачет по человеку, как пинг-понговый шарик по столу.

– Что, – спросил чеченец, – ты все-таки согласен быть заместителем?

Джамалудин ответил:

– Нет. Я хотел бы быть рядовым.

Арзо засмеялся и сказал:

– Никогда не видел, чтобы человек так быстро умнел после пули, попавшей в голову. Слушай, может, в тебя выстрелить еще раз? Станешь как Эйнштейн.

* * *

Та к Джамалудин стал бойцом в чеченском батальоне, но он и в самом деле недолго был рядовым. Арзо быстро отдал под его начало десять человек, а потом еще десять, и уже через месяц Джамалудин командовал своим отрядом. Он больше не минировал мосты, не выслал вперед разведку, и не лазил по горам, не оглядываясь за спину.

Арзо гонял его, как щенка, хотя, по правде говоря, у Арзо боевого опыта было немногим больше. Весь опыт Арзо был – два года спецназа ГРУ и какая-то страна Ангола, из-за которой Арзо сильно не любил негров. Царапины, полученные Джамалудином в первом бою, зажили как на кошке, только мизинец пришлось отрезать тем же вечером.

Через несколько месяцев Джамалудина серьезно ранили, и так как со «скорыми» в это время было плохо, его посадили в белые «Жигули», и девочка из штаба повезла его в больницу.

К концу поездки Джамалудин потерял сознание, а когда он очнулся, он увидел, что лежит на операционном столе и хирург роется у него в брюхе, а поднос с инструментом держит та самая девушка, Жанна, которая была за рулем. Джамалудину стало очень неловко, потому что пуля попала ему чуть пониже кишок, и ему совершенно не хотелось валяться перед знакомой девушкой из штаба в таком виде. Джамалудин раскрыл рот, чтобы прогнать ее вон, но тут хирург нащупал пулю и поволок ее наружу, и Джамалудин снова потерял сознание.

Вот на следующий день Джамалудин проснулся, и увидел, что в палате, кроме него, лежат еще двое свежих раненых, и около них хлопочет Жанна.

В раскрытых окнах бывшего санатория ветер раздувал занавески, солнечные лучи рассыпались по комнате, как сноп золотистой соломы, и когда Жанна наклонилась над Джамалудином, он словно впервые увидел ее тугие молодые бедра и беззащитные серые глаза. Волосы

у Жанны были густые и темно-русые, чуть выющиеся у концов, и тонкие ровные брови очертаниями напоминали ласточкино крыло. У нее были удивительно красивые руки, с длинными, узкими пальцами, и лепестками покрытых матовым лаком ногтей, и в этих руках она держала судно.

– Это как ты здесь оказалась? – спросил Джамалудин.

– Фатима Михайловна заболела, – сказала Жанна, – и в штабе отрядили меня ухаживать за ранеными.

В этот миг дверь отворилась, и в палату вошел Арзо. Широко улыбаясь, он поставил на койку рядом с Джамалудином пакет со снедью. Девушка вспыхнула и вышла вон.

Арзо поглядел ей вслед, засмеялся и сказал:

– Да ты счастливчик, брат.

– Это ты о чем? – сказал Джамалудин.

– Это я о том, – сказал Арзо, – что из-за этой девочки у меня в отряде трое чуть не перестреляли друг друга, и никому из них она даже пальчика не подала. А тебе она готова выносить утку. Что с тобой, брат? Или ты ничего не видишь, кроме войны?

Тут Джамалудин покраснел до кончиков ушей, и внизу живота ему почему-то стало очень жарко, – наверное, из-за воспалившейся раны.

* * *

Через две недели, вернувшись в отряд, Джамалудин с удивлением обнаружил, что его дожидается какой-то секретный пакет. До сих пор Джамалудин сроду не видел секретных пакетов. На этой войне не было секретных пакетов, да и приказов никаких толком не было. Каждый командир воевал в меру своего кругозора. Один видел до ближайшего окопа, а другой на два окопа вперед. Арзо видел на три окопа, а дальше видеть было совершенно бесполезно. Черт знает что можно было себе нафантазировать, если видеть дальше чем на три окопа.

Джамалудин вскрыл пакет и с изумлением увидел там предписание прибыть в штаб Объединенного Фронта. Оно было подписано каким-то полковником Сапроновым. Джамалудин и не подозревал, что у них есть штаб фронта, и что им командует полковник Сапронов.

Джамалудин связался по рации с Арзо и спросил:

– Слушай, Арзо, ты не получал секретного пакета?

– Получал, – сказал Арзо.

– И в нем приказание прибыть в штаб фронта?

– Именно так, – сказал Арзо.

– И что ты собираешься делать?

– Давай сначала навестим штаб, а там посмотрим.

Как выяснилось, штаб фронта располагался на российском аэродроме в Гудауте, и там их ждал приятный сюрприз. Начальник ХОЗУ аэродрома встретил их у ворот и предложил ехать прямо к транспортному самолету на рулежку и забрать оттуда столько оружия, сколько им было надо.

Даже сейчас, через полгода боев, оружие в Абхазии было в страшном дефиците. Чтобы решить проблему с оружием, Арзо и Джамалудин устроили посты, и на этих постах они отбирали все машины, на которые у хозяев не было документов. Понятно, что таких машин было большинство, потому что все, кроме абхазов, убегали из освобожденных районов, а абхазы составляли только пятую часть населения республики. Но даже те машины, которые раньше принадлежали абхазам, вовсе не обязательно сохранили владельцев, потому что перед тем, как абхазы вырезали всех грузин, грузины постарались вырезать всех абхазов.

Словом, если хозяин не мог предъявить документы на машину, Арзо и Джамалудин забирали эту машину и меняли ее на оружие в Гудауте, а там уж машину разбирали на запчасти и

отправляли в Россию. Это дело пахло мародерством и не очень нравилось обоим командирам, но другого способа получить оружие просто не было.

И вот теперь тот же самый начальник ХОЗУ, который торговался с ними из-за каждого ржавого «Жигуля», улыбался, что твой медный чайник, и просил забрать столько оружия, сколько надо.

Как выяснилось, самолет прилетел из Приднестровья, а до этого оружие принадлежало Западной Группе войск. Арзо и Джамалудин пригнали грузовики и опростали транспортник в два счета. Их люди просто зарылись в ящики, как девицы в магазине зарываются в контейнер с кружевными чулками.

После этого Арзо и Джамалудин пришли на заседание штаба и увидели там кучу русских военных. Один военный был такой широкий, что его ляжки свисали по обе стороны стула. Как выяснилось, это и был полковник Сапронов.

Кроме Арзо и Джамалудина, на заседании штаба было человек пятнадцать. Там был еще один молодой чеченец по имени Шамиль, крупный и чернобородый, который все время учил Джамалудина молиться, один кабардинец и три абхаза. Все остальные были русские, и ни одного из них Джамалудин не знал в лицо. Добровольцы настороженно глядели на русских офицеров. Арзо вытащил из кобуры свежий «стечкин», которым он разжился на взлетке, погладил его, как любимую девушку, и сказал по-чеченски Шамилю:

– Наживка была хороша. Теперь посмотрим на крючок.

Тут полковник Сапронов откашлялся, поднялся и стал говорить, тыча пальцем в разостланную на столе карту. Как выяснилось, он излагал план атаки на Гагры.

Он говорил довольно долго, и в конце концов Джамалудин перебил его:

– Так мне где наступать? – сказал Джамалудин.

– Еще раз повторяю, – сказал полковник, – абхазы наступают вот здесь, а твое незаконное вооруженное формирование – по пляжу.

И ткнул пальцем на участок, который, как Джамалудин совершенно точно знал, простреливался и с гор и с моря, и вдобавок был хорошо укреплен.

Джамалудин вспыхнул и сказал:

– Если я – незаконное формирование, то у тебя вряд ли есть право указывать мне, где наступать.

– И каков же твой план?

Джамалудину не хотелось выглядеть трусом, который отказывается наступать в лоб, и прежде чем он успел сообразить, что он говорит, он ткнул пальцем в карту и выпалил:

– Мы высадимся вот здесь, с моря! И ударим им в тыл!

Русские переглянулись, и полковник Сапронов сказал:

– Хорошо. Будет достаточно, если вы пошумите. Создайте у врага впечатление, что он окружен.

У Джамалудина было два катера: большой, в который влезло семьдесят человек, и маленький, в который влезло двадцать. Остальных своих людей Джамалудин отдал Арзо и кабардинцам.

Они вышли за час до рассвета, и надобно ж было такому случиться, что на море началась сильная качка, а у большого катера заглох движок. Все горцы, бывшие с Джамалудином, сползли к борту и блевали, и когда стало ясно, что мотор нельзя починить, один из бывших с ними абхазов посоветовал отложить высадку.

– У нас есть только маленький катер, – сказал он, – и вдобавок совсем рассвело. Фактор внезапности утерян, а людей у нас немного, да и оружие все на большом катере.

Джамалудин представил себе, как он будет отчитываться перед новым штабом о сегодняшней вылазке, и ему не захотелось опозориться.

– Мы продолжаем высадку, – сказал он.

Было уже девять часов утра, когда маленький катер приплыл к берегу в назначенном месте. Бой за Гагры уже начался: вдаль, как швейные машинки, стрекотали автоматы.

День был ясный, и солнце катилось над морем, как яичный желток по раскаленной сковородке. На белой дороге между морем и скалами стоял автобус, и люди, высыпавшие из него, смотрели, как катер с добровольцами подходит к берегу. Потом автобус опомнился, люди попрыгали в него и уехали.

Джамалудин понял, что времени у них ровно до той минуты, пока автобус доедет до грузинского поста.

Та к оно и случилось. Люди его только-только попрыгали на пляж, как увидели, что к ним едут две бээмпешки.

Джамалудин высадился довольно удобно. В этом месте в море впадала какая-то речка, перегороженная бетонным коробом, а за речкой начинались камыши. Джамалудин послал людей в камыши, чтобы они обошли машины и ударили по ним с тыла, а сам засел за коробом.

Бээмпешки приближались довольно резво и палили вовсю. Гранатометчики, которых Джамалудин послал в камыши, выстрелили по задней бээмпешке, и хотя граната разорвалась рядом, БМП почему-то стала как вкопанная. Видимо, в нее напихали каких-то новобранцев.

Между тем вторая БМП стала поливать камыши огнем и подстрелила несколько людей Джамалудина. Гранатометчик выстрелил в нее, но не попал. Второй гранатометчик выстрелил и тоже промазал. У Джамалудина в отряде был старый дед-абхаз, который знал местность. Собственно, это он подсказал им место для высадки. Джамалудин не думал, что дедок будет воевать, но дед притащил с собой гранатомет, и так как по местным понятиям это была его личная собственность, никто не имел у него права его отнять.

– Стреляй, – закричал Джамалудин деду, а тот перепугался и не знал, что делать.

Джамалудин выхватил у деда гранатомет и увидел, что он заряжен осколочной гранатой. Надежды подстрелить БМП такой штукой было мало, но лучше мало, чем ничего: Джамалудин высунулся из-за бетонной плиты, прицелился и выстрелил.

Ему так повезло, что граната угодила точно в стык броневых плит. Передок у БМП отодрался и взлетел в воздух, а двигатель загорелся. БМП стала сдавать назад и наткнулась на другую машину. Из горящей БМП повалили фигурки людей, и бойцы Джамалудина стали их расстреливать.

В этот момент завелась первая БМП, и Джамалудин увидел, что она снова едет вперед. Джамалудину стало ужасно досадно, потому что впервые в жизни вчера он набрал вдоволь оружия. И вот теперь из-за поломки большого катера все это оружие болталось в море, а он опять сидел с одним автоматом против БМП и ничего не мог с этим поделать.

Тут Джамалудин с удивлением увидел, что первая БМП развернулась и поехала прямо к морю. Он снова подумал, что водитель, наверное, впервые в жизни сел за рычаги боевой машины, потому что БМП умеет плавать только в кино. Точнее, она умеет плавать и в жизни, но для этого надо возиться с ней целую неделю, чтобы законопатить все дырки. БМП заехала в море по башню и, разумеется, заглохла, а потом из нее стали выбираться грузинские ополченцы. Их было, наверное, человек восемь. Пятеро из них попытались уплыть, но были расстреляны прямо в воде, а трое сдались, и Джамалудин потом узнал, что их расстреляли вечером в штабе.

Люди Джамалудина побежали вперед, к линии фронта, и так как грузины не могли себе представить, что отряд, высадившийся с моря, насчитывает всего двадцать человек, они решили, что это по крайней мере целый батальон. Они убралась с позиций с такой быстротой, что Джамалудин, наступавший с моря, и Арзо, наступавший с гор, чуть не перестреляли друг друга.

Они взяли Гагры, и больше ничего интересного в этот день не произошло.

Утром Джамалудин добыл в соседнем хозяйстве трактор и поехал вытаскивать БМП из моря, но когда он доехал до пляжа, то оказалось, что он опоздал. От БМП остались только глубокие колеи, да яма в том месте, где ворочался на песке трактор. Джамалудин плюнул и поехал в лагерь, и на обратном пути ему попался Арзо на свеженькой БМП. Он был в камуфляжных штанах и влажной от пота майке, и на поясе у него был десантный нож.

– Эй, Арзо, – окликнул Джамалудин, – это не та бээм-пешка, которая вчера заехала в море?

– Та самая, – сказал чеченец, – а тебе что, нужна БМП?

Джамалудину было немного досадно, что Арзо его опередил.

Он вообще уже относился к этой БМП как к своей. В конце концов, вчера она стреляла в него, а не в Арзо, а это в каком-то роде создает право собственности.

– Мне бы она не помешала, – сказал аварец.

– Там у детского сада стоит еще одна, – засмеялся Арзо, – если хочешь, езжай за ней, пока ей никто не разжился.

В конце концов получилось так, что Арзо велел своему бойцу ехать на БМП дальше, а сам вместе с другом пошел к детскому саду.

БМП и в самом деле оказалась на месте. Она стояла прямо посередине площадки с качелями и песочницей. Ее бросили, так и не сделав ни единого выстрела, и у нее был полон даже топливный бак. Джамалудин залез в БМП и начал там возиться, а Арзо Хаджиев зашел в детский сад.

Никаких детей там, разумеется, не было, равно как и воспитателей. Арзо вообще сомневался, что в этом саду скоро заведутся дети. Ведь абхазские дети сбежали отсюда еще давно, когда пришли грузины, если, конечно, грузины их не перерезали. А вчера отсюда сбежали грузинские дети, если конечно, их не перерезали абхазы.

Здание было совершенно неповрежденным, что изнутри, что снаружи; в спальнях стояли заправленные кровати. В комнате, где играли дети, по полу были разбросаны игрушечные танки и бронетранспортеры, а рядом на столике стоял пластиковый волк из мультфильма «Ну, погоди!». Волк был в разорванной рубашке и с голым серым пузом.

Надо сказать, что Арзо, когда в детстве смотрел «Ну, погоди», всегда сочувствовал волку. Ему казалось неправильным, что в этом мультфильме заяц побеждает волка. Он вообще считал, что это такой античеченский мультфильм, и вдобавок – полное вранье. Арзо не понимал, зачем авторы этого мультфильма так глупо ввали. Ведь в жизни так не бывает, что заяц круче волка.

Чеченец пожалел волка и сунул его в карман. Вряд ли это можно было считать мародерством.

Арзо выглянул в окно и тут услышал где-то за кустами возню и сдавленные крики. Арзо выпрыгнул во двор и побежал к кустам. Он совсем забыл, что, кроме ножа, у него нет оружия.

В кустах было трое мужчин и одна девушка. Девушка лежала на земле с задранной юбкой, и один из мужчин копошился со спущенными штанами возле ее ног, а другой держал ей у горла нож. Третий сидел рядом с автоматом.

При виде Арзо автоматчик вскочил и побледнел, и Арзо узнал его. Его звали Хамзат, и он приехал в отряд совсем недавно, недели две назад. Арзо вообще не нравились люди, которые стали приезжать в Абхазию последний месяц. Они слишком напоминали тех, других людей, которые выстилали окопы коврами и использовали транспортные вертолеты для эвакуации раненых и «жигулей», оставляя абхазам собственных раненых.

Арзо положил руку на нож и сказал:

– Отдай оружие.

Хамзат передернул затвор.

– Не подходи! – заорал он.

Двое насильников отскочили от девушки. Тот, который с ножом, при виде Арзо весь затрясся.

– Она сама! – заорал он, – сама дала, Арзо, клянусь Аллахом!

Арзо шагнул вперед, и Хамзат выпустил очередь в песок под его ногами. Первый насильник, со спущенными штанами, был похож на пингвина. Пистолет в кобуре был прицеплен у него к поясу, а пояс свалился до колен со штанами. Мародер пытался нашарить пистолет, но не мог оторвать взгляда от Арзо.

– Стреляй, – отчаянно заорал он Хамзату, – стреляй, он же нам не спустит!

– Извини, Арзо, – сказал Хамзат.

В следующую секунду над ухом Арзо взревел двигатель, и во двор, сминая кусты, въехала БМП. Ее пулемет недвусмысленно уставился на Хамзата.

То т побледнел и поднял руку с автоматом вверх.

– Туда, – сказал Арзо, и двое насильников, повинувшись его жесту, подошли к Хамзату.

Девушка встала на четвереньки и быстро-быстро поползла к Арзо. Она была похожа на слепого котенка. Арзо было не очень приятно дотрагиваться до нее, но он помог ей подняться и толкнул куда-то за кусты.

– Брось оружие, – приказал Арзо, – все трое, лицом к стене.

– Да это шлюха армянская, – заорал Хамзат, вздергивая автомат, – она из борделя, она...

В следующую секунду пуля из КПВТ ударила ему прямо в живот, и Арзо увидел, как он разлетается фонтанчиками кишок и мяса. Грохот, наполнивший маленький дворик, был такой, словно здесь шел настоящий бой. Тяжелые пули калибра четырнадцать с половиной миллиметров прошивали людей насквозь и разбивали за ними стену.

Через секунду все было кончено. Из БМП выпрыгнул Джамалудин с автоматом в руке, и только тут девочка опомнилась и истерически зарыдала. Чеченец заметил, что ей лет тринадцать, не больше. Один из кирпичных осколков, брызнувших из-под выстрелов, довольно глубоко оцарапал Арзо щеку.

– Ты чего не стрелял? – спросил Джамалудин, кивком головы показывая на оттопыривающийся карман Арзо.

Арзо сунул руку в карман и вытащил оттуда пластмассового волка.

Они с Джамалудином поглядели друг на друга и засмеялись, сначала тихо, а потом все громче и громче, а потом Джамалудин с хохотом сел на теплый песок и заржал:

– Ну не могу! А я еще думал, что это у тебя в кармане!

В вышине ослепительно горело солнце военной Абхазии, ни облачка не было над горами, обоим им на двоих едва было сорок лет, и центральная улица Гагр была завалена телами их врагов.

Это была первая в их жизни большая победа.

* * *

Прошло четыре года.

Доходы Заура Кемирова росли и росли. «Уралы», правда, стали продаваться несколько хуже, зато водка – значительно лучше. Заур обзавелся рынком в центре Бештоя, а его пищевое подразделение, кроме конфет, теперь производило молоко и сыры. Кстати, они больше не рекламировались под иностранным названием «Рикки-Тикки-Тау». На Северном Кавказе молоко Заура продавалось под брендом «Фатима», а в Краснодаре и Ставрополе – под брендом «Наташенька».

Магомед-Гусейн стал проректором Торбикалинского университета, а Магомед-Расул стал начальником железной дороги, и так как он был необыкновенно глупый человек, то Зауру

приходилось руководить еще и железной дорогой. В результате железная дорога еще и приплачивала фирме «Кемир», когда возила ее грузы.

Как-то в 1996-м году к Зауру пришел знакомый чеченец по имени Анди. В это время в Торби-кале судили банду, и один из подсудимых был брат Анди, Асланбек. Его обвиняли в пяти убийствах и двадцати семи грабежах. Анди был готов заплатить любые деньги, чтобы его выпустили под подписку о невыезде.

Заур пошел к знакомому судье Верховного Суда и спросил, сколько стоит решить вопрос, и судья ответил:

– Сто тысяч.

Заур передал эти слова чеченцу, и тому не очень понравилась эта сумма. Он ушел от Заура и две недели пытался зайти к прокурору республики. Когда он зашел, прокурор сказал, что это будет стоить двести.

Вот, через две недели, чеченец пришел к Зауру и сказал:

– Как ты держишь свое слово? Ты мне обещал решить вопрос, а до сих пор не решил! Если мой брат сядет, я спрошу с тебя по миллиону за каждый год, который он проведет в тюрьме!

Заур ответил:

– Перестань колотить понты и дай сто тысяч; как только судья получит эти деньги, твой брат выйдет на свободу.

Заур и Анди договорились, что они встретятся в девять у здания суда, и Анди даст ему сто тысяч, а Заур передаст их судье. Но вместо того, чтобы приехать в девять, Анди приехал в одиннадцать, и спросил, почему его брат до сих пор не освобожден.

– Потому что ты не привез вовремя денег, – ответил Заур.

– При чем здесь деньги? Какие могут быть деньги между друзьями? – возмутился чеченец, – Ты мог бы отдать за него судье, а я тотчас же отдал бы тебе! Это ты виноват, что мой брат в тюрьме!

Заур повернулся и сказал:

– Это наш последний разговор. Иди и решай свой вопрос сам, и больше никогда не подходи ко мне ни с одной просьбой.

Тогда чеченец плюнул и отдал Зауру сто тысяч, а тот в перерыве отдал их судье. Судья сказал, чтобы Анди не волновался, и что после двух его брата выпустят под подписку.

Вот наступило дневное заседание суда, и все семь подсудимых сидели в клетке, а в зале были их родичи. Караул в зале был не очень строгий, подсудимым разрешалось принимать передачи от родичей, и жена одного из них за пять минут до начала заседания передала в клетку буханку черного хлеба и банку с молоком.

Вот судья заслушал еще двух свидетелей и как раз хотел уже кивнуть адвокату Асланбека Адиева, и в этот миг один из подсудимых, по имени Вахит, попросился в туалет. Судья не особенно насторожился, потому что ведь все вопросы были решены, и сказал:

– Отведите его в туалет.

Вахита вывели из клетки и повели в туалет через комнату для совещаний, мимо судейского стола, и когда до двери оставалось два метра, Вахит поскользнулся и упал. Пока он падал, он ударил одного конвоира стопой по колену, так, что сломал ему ногу, а когда он выпрямился, у него в руках был пистолет. Этот-то пистолет он и приставил к голове судьи.

– Не шевелиться! – сказал Вахит.

В этот же момент один из подсудимых одной рукой зацепил охранника, стоявшего около клетки, и прижал его к прутьям, а другой рукой вырвал чеку из гранаты и показал ее охраннику. Тот застыл и стоял, не сопротивляясь, пока третий участник банды отбирал у охранника ключи.

Тут все зрители бросились вон из зала, кроме, разумеется, судьи, который не мог никуда сбежать, потому что к его голове был приставлен пистолет. А бандиты выскочили из клетки, разоружили охранников и затолкали их в ту самую клетку, в которой сидели. Правда, всего участников банды было девять человек, а из суда бежали только семеро. Двое обвиняемых поразмыслили и остались в клетке вместе с охранниками.

А те, кто бежал, выволокли судью в коридор, прыгнули в машину ГАИ, которая ждала их снаружи, и уехали.

Происшествие это было по тем временам из ряда вон выходящее, потому что не каждый день подсудимые, сбежав из клетки, забирают с собой судью Верховного суда. Все дороги из Торбикалы были перекрыты, на всех перекрестках, как угри на коже, повывезли гаишники, и машину с подсудимыми обстреляли у поворота в Южный микрорайон. Так случилось, что она перевернулась, шлепнулась в канаву и загорелась.

Подсудимые выскочили из машины и захватили другую. Судью они снова взяли с собой, хотя после первой перестрелки он получил пулю в голову.

Но надобно было такому случиться, что и вторую машину обстреляли через несколько минут. Машина разбилась о стену пятиэтажки, а подсудимые выскочили из машины и побежали в дом. На этот раз они оставили судью в машине, потому что он был совсем плох, а вместо судьи они разжились какой-то старухой, сидевшей на лавочке.

Ничего старуха не помогла: троих из сбежавших застрелили при штурме, а еще четверых убили два дня спустя в Халинском районе.

Асланбек Адиев был среди этих четверых. Что же до судьи, он помер в больнице.

Вот прошла пара месяцев, и чеченец по имени Анди снова приехал к Зауру и потребовал с него деньги, уплаченные за брата, и еще столько же за моральный ущерб.

– Ты что говоришь? – возмутился Заур. – Асланбеку достаточно было остаться в клетке вместе с охранниками, и он бы вышел на свободу! А он вместо этого затеял таскать судью в заложники! Эти деньги вы сгубили собственной глупостью, да вдобавок они были с судьей, когда его тащили в «жигули»! Уж не знаю, сгорели ли они вместе с машиной или их украли менты!

– Ты украл деньги, которые я дал тебе для судьи, – сказал Анди, – и от этого погиб мой брат. Клянусь, ты за это заплатишь.

– Вышвырните его вон, – ответил Заур.

Через три дня после этого разговора Заура Кемирова украли.

* * *

С тех пор, как Джамалудин отправился за рулем «Урала» в Грозный, не доделав урока по тригонометрии, братья ни разу не виделись. Даже когда Зауру сказали, что его брат ранен, он промолчал. Спустя два месяца ему сказали, что Джамалудин женился на красавице-абхазке, и что Ардзинба подарил молодым танк. Заур промолвил:

– Что ж, будет теперь чем грабить свадьбы.

Поэтому Джамалудин узнал о похищении брата только через три недели. Он приехал в Бештой на следующий день, и с ним были его друзья.

В Бештой уже съехались все родичи, и так как новый дом Заура еще стоял недостроенный, они все собрались в офисе Кемирова, расположенном в обшарпанном заводууправлении завода нефтяного оборудования.

Двоюродный брат Заура, Аслудин, прилетел из Москвы на собственном ТУ-134.

– Я решу эту проблему, – сказал Аслудин, – я уже поднял на ноги всех. Сам глава ФСБ России занимается этой проблемой, а министр внутренних дел посылает сюда двух своих замов. Такого не будет, чтобы моего брата воровали, как белье с веревки.

Другой двоюродный брат Заура, Шапи, прилетел из Турции на charterном «Челленджере», зафрахтованном черкесской общиной.

– Со мной сюда прилетели два представителя нашей общины, – сказал Шапи, – они этнические чеченцы. Каждый из них очень уважаемый человек в Турции, и у каждого из них бизнес на сто миллионов долларов. Они уверены, что вернут брата за два дня.

Шурин Заура, Магомед-Салам, приехал на совещание на черном «Мерседесе» с мигалкой. Заур недавно сделал его коммерческим директором фирмы, и Магомед-Салам очень гордился своей машиной.

– Это беспредел, – сказал Магомед-Салам, – мы что, зайцы, что ли? Вот мы сейчас поедem в Чечню и потребуем вернуть Заура. Вот я поеду, Шапи поедет, Вали поедет...

– Езжай, – сказал Джамалудин. – Та м как раз сейчас ребята с «калашами» на «Жигулях» ездят. Твой «Мерс» им пригодится.

Что же касается двух братьев Заура, Магомед-Гусейна и Магомед-Расула, то Магомед-Расул оказался в больнице с инфарктом, а Магомед-Гусейна отправили за ним присматривать, потому что было известно, что это хорошие люди, но проку от них немного.

* * *

Через три дня после приезда Джамалудина чеченец по имени Анди выходил от своей любовницы, когда возле него затормозила машина, и выскочившие из нее тени сунули Анди в мешок, а мешок – в багажник.

Его привезли в лес, и когда мешок с головы Анди сняли, он увидел, что стоит на мягком, засыпанном листьями склоне, а рядом стоят Джамалудин и еще три человека с автоматами. Джамалудин бросил чеченцу лопату и сказал:

– Копай.

Чеченец выкопал в земле яму в половину своего роста, и пока он копал, ему чудилось, что ветви в лесу читают над ним похоронную молитву. Когда могила была готова, Джамалудин спросил:

– Где мой брат?

– Не знаю, – ответил Анди.

Джамалудин приставил ствол к мизинцу чеченца и выстрелил.

– Где мой брат? – повторил вопрос Джамалудин.

– Я не знаю, – закричал чеченец, – меня уже таскали в ментовку, все ваши думают на меня, но я клянусь, что я пальцем его не трогал!

Джамалудин выстрелил снова и отшиб ему безымянный палец.

– У тебя еще восемнадцать пальцев, – сказал аварец.

Чеченец заплакал и сказал:

– Я отдам тебе весь мой бизнес и перепису на тебя две мои квартиры, но я клянусь Аллахом, Джамалудин, я не трогал твоего брата и никому его не продавал!

Джамалудин достаточно долго воевал, чтобы понять, что пленник не врет. Поэтому чеченца перевязали и отвезли в родное село Кемировых, чтобы он исполнил свое обещание.

* * *

Вот прошло еще три дня, и Джамалудин Кемиров уехал в Чечню. В доме, куда он приехал, его уже ждали. Возле дома толклись «Нивы» и джипы, а возле джипов стояли люди с густыми, как ельник, бородами.

Во дворе дома за дощатым столом сидели пять или шесть очень известных командиров, и Джамалудин по-дружески обнялся с Арзо Хаджиевым и еще с одним человеком, с которым он воевал в Абхазии.

– У меня украли брата, – сказал Джамалудин, – тот, кто это сделал, пошел против шариата. Разве он украл русского или еврея? Он наследил в собственном доме, считайте, что он украл брата Арзо.

Полевые командиры поглядели на Арзо. То т помолчал и сказал:

– Мы воевали вместе, и если бы не ты, меня бы похоронили у детского садика в Гаграх. Но когда мы взяли Гагры, получилось, что мы сделали это для Москвы. Скажи, будешь ли ты воевать против России?

– Сначала отдайте Заура, а потом будем разговаривать, – ответил Джамалудин.

– Что ж, – сказал Арзо, – люди, которые украли Заура, сделали работу, а за всякую работу полагается платить. Договаривайся сам об оплате, суйли.²

– В Гудауте ты не звал меня «суйли», – сказал Джамалудин. – Тогда ты звал меня «брат».

– Кто не говорит «да», говорит «нет», – ответил Арзо. – Тот, кто не воюет против Москвы, мне не брат.

Помолчал и добавил:

– Я и все мои друзья попросим, чтобы все было быстро и хорошо.

* * *

На следующий день после возвращения Джамалудина из Чечни в доме Кемировых раздался телефонный звонок. Междугородный оператор сообщила, что их вызывают из Гудермеса, и когда Джамалудин поднял трубку, на том ее конце раздался голос с чеченским акцентом.

– Три миллиона долларов, – сказали по ту сторону трубки.

– Перед тем, как я заплачу деньги, я должен встретиться с моим братом, – ответил Джамалудин, – откуда я знаю, что товар у вас?

– Я пришлю тебе его палец в доказательство, – ответил посредник.

– Мало ли у кого ты отрежешь этот палец? – возразил Джамалудин, – сейчас в Чечне столько трупов и столько пальцев, что можно продавать эти пальцы, как деликатесы, папуасам. Вы отрежете палец у покойника, а скажете, что это братний. Я хочу увидеть брата. Без этого разговора не будет.

– Хорошо, – сказал посредник.

* * *

Спустя два дня машины Джамалудина подъехали к Ровенскому кругу. Тогда это еще не было такое знаменитое место, как впоследствии, когда на кругу каждый день продавали и покупали людей. Но все-таки круг был самым очевидным местом для встречи на границе Чечни и Аварии, и когда Джамалудин подъехал к этому месту, он увидел, что по ту сторону блокпоста стоят два черных джипа.

Машины Джамалудина остановились по эту сторону, и Джамалудин пошел через блокпост один. В это же самое время из машин, стоявших по ту сторону блокпоста, тоже вышел человек и пошел ему навстречу. Он должен был оставаться с людьми Джамалудина в качестве заложника, пока Джамалудин осмотрит товар.

² Аварец (чечен.).

Когда они одновременно проходили мимо солдат на блокпосте, Джамалудин повернул голову, и увидел, что это Арзо Хаджиев.

– Ты станешь богатым человеком, нохчи, – сказал Джамалудин, – если продашь каждого своего брата по три миллиона.

– Я не в доле, – ответил Арзо, – это все, что я мог для тебя сделать.

Джамалудин отвернулся и пошел дальше.

Его везли довольно долго, часа три, усадив между двумя боевиками и напялив мешок на голову, и когда Джамалудина наконец вывели из машины, было уже совсем темно. Они стояли на небольшой площадке, отбегавшей в сторону от дороги между двух скал. Горы вокруг были как складки покрывала, которое бросил Аллах, прежде чем навсегда покинуть эту землю, и прямо под правым колесом джипа темнел треугольный рот минной воронки.

Один из сопровождающих Джамалудина показал рукой на «Ниву», стоящую по ту сторону воронки, и сказал:

– Говори только по-русски.

Джамалудин сел на заднее сиденье «Нивы», и когда человек, сидевший там же, повернул голову, Джамалудин спросил у него:

– Где мой брат?

Человек молчал несколько секунд, как будто не понимал, что его спрашивают. Он был очень худ, – килограмм на тридцать меньше, чем весил Заур, когда Джамалудин видел его последний раз; у него было серое, как пемза, лицо, опутанное свалывшейся паутиной бороды, и глаза покойника.

– Заур? – сказал Джамалудин.

Человек неожиданно улыбнулся, так, что его лицо от морщин сложилось гармошкой, и сказал:

– Знаешь, я как раз собирался поехать в Дубай, чтобы похудеть. Бешеные деньги это должно было стоить. Похоже, я сильно сэкономил на диете.

– Как с тобой обращаются? – спросил Джамалудин.

– Я не жалуюсь.

Человек, наблюдавший за ними с переднего сиденья, едва заметно хмыкнул, а Джамалудин обнял брата и сказал:

– Я вернусь за тобой.

– Дир рахъаса арац къуге,³ – проговорил Заур, прежде, чем его оборвал гортанный окрик.

Джамалудин вылез из машины и пошел к тем людям, которые его привезли. Несмотря на то, что на чеченце с переднего сиденья была черная шапочка с прорезями для глаз, Джамалудин узнал его по искалеченному большому пальцу на правой руке: четыре года назад этот человек был в отряде Арзо. Его чуть-чуть не расстреляли за мародерство.

* * *

Заур Кемиров запретил платить выкуп не из одной гордости: настоящая причина запрета заключалась в том, что он сам вел переговоры о своем освобождении.

Это было не так-то просто, потому что Заур сначала не знал, кто его держит и где. Он очнулся в подвале, в котором даже не было щелки наружу, и вдобавок, когда его везли, постелив на пол «Жигулей», ему сломали руку.

Стена подвала была сделана из бетонных плит с выпиравшими из них ушками арматуры, и к этому-то ушку и пристегнули наручником сломанную руку Заура. Заур в это время был без сознания, и никто не заметил, что рука сломана.

³ Не смей платить за меня деньги (*аварск.*).

Спустя два дня Заура достали из подвала, посадили в машину и снова куда-то повезли. В конце путешествия его ждал другой подвал, который отличался от первого: ушко в бетонной арматуре было на полу.

На этот раз Заур сидел не один; вместе с ним в подвале был какой-то карачаевец. Заура и карачаевца очень берегли. Еду им подавали сквозь окошечко, так, чтобы они никогда не видели лиц тюремщиков, а если тем случалось войти в подвал, Зауру и карачаевцу всегда велели отвернуться к стене и накидывали им мешок на голову.

Вот прошла неделя после того, как Заура украли, и тюремщики через окошечко велели Зауру лечь ничком и не шевелиться. Заур лег и накрылся курткой, как мог, а в подвал вошли двое.

Зауру накинули мешок на голову и посадили прямо.

– Как тебе в моем отеле? – спросил тот, который стоял справа.

– Не жалуюсь, – ответил Заур.

Невидимый собеседник хмыкнул и сказал:

– Это хорошо, что ты не жалуешься. Не люблю жалобщиков. Я купил тебя за полтора миллиона и выпущу за три. Сейчас тебе снимут наручники, и ты напишешь по этому поводу письмо к родным.

Заур понимал, что его собеседник врет: не было у него полтора миллионов, а были б – никогда б он их за краденого не заплатил.

– Никто не заплатит за меня три миллиона, – ответил Заур, – у меня нет таких денег.

– Как это нет? – возмутился невидимый собеседник, – все знают, что одна водка приносит тебе в год по сто миллионов, да и конфеты твои стоят не меньше!

– Это очень хорошо, – ответил Заур, – что ты понимаешь, что я бизнесмен, а не чиновник и не бандит, потому что тогда ты должен понимать, что у бизнесмена не бывает свободных денег. Я ведь строю новый кондитерский завод в Краснодаре и взял в банке кредит, и если я не верну первую его часть через месяц, то у меня отберут и водочную линию и завод, на котором я делаю «Уралы». Тебе тогда не достанется ни полушки, а новые хозяева будут только рады, если меня убьют.

– Значит, тебе придется заплатить три миллиона раньше, чем за месяц, если ты хочешь сохранить свой бизнес.

– Я же тебе сказал, – ответил Заур, – три миллиона я за месяц не соберу, а через месяц у меня ничего не будет.

– Как это не соберешь? Ты в месяц продаешь десяток «Уралов», а стоит они каждый по сто тысяч!

– Очень хорошо, – сказал Заур, – ты можешь взять себе эти десять «Уралов». Это мы можем устроить за две недели. Но я никак не могу отдать тебе больше, потому что, во-первых, мы не можем собирать их больше десяти штук в месяц, а во-вторых, не могу же я дать тебе столько установок, чтобы самому себе испортить рынок на годы вперед!

Полевой командир, который купил Заура, сильно озадачился, потому что он не первый раз воровал людей, но еще ни разу не слышал, чтобы эти украденные вместо выкупа начинали торговать нефтеперегонными установками. Те м не менее кое-что показалось ему в этом предложении разумным.

– Ну что ж, – сказал командир, – у меня есть кое-какая нефть. Сколько денег в месяц принесет твой «Урал»?

– Он может принести до десяти тысяч долларов в день, – сказал Заур, – но чтобы ответить точнее, мне надо посмотреть на твою нефть и написать бизнес-план. Только мне нужен человек, чтобы продиктовать ему план, потому что я не умею писать левой рукой.

– А что тебе мешает писать правой? – спросил полевой командир.

– Твои люди ее сломали, – ответил Заур.

Некоторое время чеченец колебался между осторожностью и алчностью, но в конце концов последняя победила. Однажды утром пленнику надели на голову мешок, достали из подвала и отвезли в район нефтедобычи. Там он осмотрел скважины и, так как Заур был опытный инженер, он дал несколько хороших советов.

Он написал бизнес-план, и этот бизнес-план полевой командир переправил в Москву, своему родственнику, чтобы тот сходил с ним в Институт нефти и газа и получил заключение. Заключение оказалось положительным, но тут два российских бомбардировщика опростались над районом нефтепромыслов, и хозяин Заура подумал, что нефтепереработка в условиях войны – вещь ненадежная, даже если эта нефтепереработка ездит на колесах повышенной проходимости.

Он пришел к Зауру и сказал:

– Мы не нашли никакой ошибки в твоих цифрах, но все-таки мне нужны наличные, а не оборудование. Продай-ка что-нибудь кому-нибудь другому, а мне отдай деньги.

– В общем-то я много продавал, – сказал Заур, – я, например, поставил партию мебели одной фирме в Калмыкии, и эта партия была аж на семь миллионов долларов. Я могу переуступить вам долг, и если вы получите его, мы бы смогли работать на постоянной основе. Нынче много должников норовит не платить, и мне нужны ребята, которые заставят их это сделать.

Это предложение показалось чеченцу заманчивым, и он послал своих людей в Калмыкию.

Из-за этих переговоров в жизни пленника произошли кое-какие послабления. Чтобы договориться с Калмыкией, понадобилось не только подписать бумаги, но и пару раз звонить туда. Каждый раз Заура для звонков вывозили в Гудермес, и его тюремщики становились все дружелюбнее. Во время переговоров с Калмыкией чеченцам даже пришлось сказать Зауру имя человека, который туда поедет, чтобы он назвал это имя по телефону, и теперь ему не накидывали каждый раз мешок на голову, когда хозяин Заура входил в подвал.

* * *

Спустя три дня после того, как Джамалудин увидел своего брата на заднем сиденье «Нивы», молодой чеченец по имени Ахмад проезжал блокпост на границе Чечни и РСА-Дарго. Он отъехал от поста метров на двести в направлении Бештоя и увидел на дороге человека в серых брюках и желтой куртке, который брел себе по обочине, оглядываясь по сторонам. В руке человек держал портфель, который обычно держат начальники. При виде «Шестерки» Ахмада человек поднял руку и замахал, прося машину остановиться.

Ахмад удивился, увидев человека с портфелем, и решил, что если этот человек чеченец, он его подвезет, а если русский – то украдет. В крайнем случае Ахмад решил, что он убьет этого человека и заберет его куртку и портфель.

Поэтому Ахмад притормозил у обочины и подождал, пока прохожий забрался на переднее сиденье, – а потом в бок Ахмаду уткнулся ствол пистолета, и знакомый голос сказал:

– Салам алейкум, Ахмад. Не торопись трогаться с места, пока ты не расскажешь мне, где держат моего брата.

Трогаться с места в любом случае было бесполезно, потому что к этому времени дорогу спереди и сзади перекрыли два джипа, и Ахмада пересадили в один из джипов и повезли в лес. Ахмад знал о Джамалудине многое, чего не полагается рассказывать воскресным учителям, и поэтому он не стал кочевряжиться, а сразу сказал:

– Твоего брата купил полевой командир Бувади Хангериев. Раньше его держали в доме моего дяди, и не давали даже высунуть носа из подвала, но после твоей с ним встречи его куда-то увезли, и я не знаю, куда.

– А скажи, Арзо причастен к этому делу?

Ахмад покачал головой и сказал:

– После того, как ты встречался с моджахедами, они пришли к Бувади и сказали, что они в доле, но я слышал, что Арзо отказался от своей части. А теперь ты можешь со спокойной душой убить меня, Джамалудин, потому что у тебя вредный характер, и ты не простишь мне, что я больше ничего не знаю.

Ахмаду, разумеется, не поверили на слово и отлупили его сильно, но больше, чем он сказал, выбить из него все равно не удалось. Его отвезли в горы и посадили в тот же погреб, где уже сидел Анди.

* * *

Между тем переговоры по выкупу Заура продолжались своим чередом. Джамалудину теперь звонили почти каждый день. Сначала похитители сбавили сумму до двух с половиной миллионов долларов, а потом до двух двухсот. Когда цена упала до двух миллионов, Джамалудин Кемиров снова созвал родственников и спросил, какую сумму они смогут собрать.

Первым ответил Аслудин Кемиров.

– У меня сейчас трудные времена, – сказал Аслудин, – но ради рода я ничего не пожалею. Я готов дать двести тысяч долларов.

Аслудину действительно было нелегко: его новый московский дом обошелся в два миллиона долларов, и он очень переживал, что вышло так дешево. Он считал, что дом надо менять.

Другой двоюродный брат, Шапи, нахмурился и сказал:

– К сожалению, я не один управляю своей компанией. Все деньги, которые у меня есть, я готов отдать. Это сто тысяч долларов.

Этим летом Шапи истратил на отдых миллион долларов и считал, что отдохнул очень плохо.

– А что скажешь ты? – спросил Джамалудин своего шурина, Магомед-Салама.

– Фирма в очень плохом состоянии, – сказал Магомед-Салам, – Заура все считали крупным бизнесменом, но он делал много такого, что не должен был делать бизнесмен. Денег-то на самом деле нет.

В личном сейфе Заура на случай непредвиденных расходов всегда лежал миллион долларов наличными. Как только Заура украли, Магомед-Салам позвал слесарей и вскрыл этот сейф. Семьсот тысяч он забрал себе, а на остальные деньги купил в Торби-кале дом и машину любовнице. Любовница была сварливая бабенка, и Магомед-Салам очень боялся, что она когда-нибудь придет Зауру жаловаться. Теперь, заткнув ей рот домом и машиной, Магомед-Салам чувствовал себя надежней.

Вчера Магомед-Салам, будучи коммерческим директором фирмы «Кемир», подписал несколько бумаг, которые передавали основные активы фирмы совершенно другой компании. Если Заур вернется, Магомед-Салам всегда сможет обосновать, что это было необходимо сделать под страхом ареста активов. А если Заур не вернется – что ж, новая фирма была зарегистрирована на самого Магомед-Салама.

– Как нет денег? – спросил Джамалудин.

– А так нет! Ты не представляешь, скольким мы должны! Я тут уже предпринял кое-какие шаги по очистке активов, потому что иначе все заберут кредиторы. И это при том, что нам должна чертова куда народу! Якуты нам должны два миллиона долларов! Две фирмы в Москве – по шесть миллионов, а одна калмыцкая фирма – так и вовсе семь! Из наших предприятий совсем ничего нельзя взять, если мы не хотим, чтобы все рухнуло. Ну, тысяч двести можно взять.

– В общем, получается так, – подытожил Шапи, – что за Заура мы можем отдать полмиллиона. Исходя из этого, ты и должен вести переговоры.

Джамалудин Кемиров молча оглядел своих родичей, и Магомед-Саламу стало очень неудобно от его взгляда. От Заура Магомед-Салам знал совершенно точно, что его деверь не разбирается в цифрах. Но сейчас, глядя на худощавого крепкого горца с глазами цвета вакуума, Магомед-Салам понял кое-что другое: этот человек разбирается в людях.

Впервые Магомед-Салам подумал, что ему будет вовсе не просто заглотить бизнес Заура; а вдруг этот бизнес выдерут у него из пищевода вместе с кишками?

– Очень хорошо, – сказал Джамалудин, – Магомед-Салам, дай-ка мне список тех фирм, которые должны нам денег. Вдруг я кое-что из них выбью?

* * *

Согласно списку, составленному Магомед-Саламом, больше всего денег фирме «Кемир» должна была какая-то компания из Элисты.

На следующий день Джамалудин получил у Магомед-Салама доверенность, взял парочку друзей и поехал в Калмыкию. Чтобы не пугать людей, для этой поездки он одолжил у дяди пиджак и галстук.

Адрес, по которому он приехал, располагался прямо в Доме Правительства республики, и в приемной фирмы он увидел деревянного Будду и живого автоматчика. Джамалудину Будда очень не понравился, потому что он к этому времени довольно плохо относился к язычникам.

Кабинет директора был весь в дубе и буке, и когда директор фирмы взглянул на доверенность Джамалудина, он всплеснул руками:

– Да что вы как с цепи сорвались! – сказал директор, – я же вашему Зауру сказал, что заплатить не можем! А он второго человека присылает за два дня!

– А кто первый? – спросил Джамалудин.

– Да вот, Арсен Хангериев. Наглый, не могу! Понты в дверь не пролезают! Грозился сегодня к двум подойти.

Джамалудин не пошевелился, услышав фамилию «Хангериев». Только тут он понял, зачем в приемной сидит автоматчик: наверняка директор фирмы позвал его для разговора с Хангериевым. Видимо, идол Будды против Хангерева не помогал. Джамалудин вынул из кармана пиджака десять тысяч долларов и спросил директора фирмы:

– Хочешь заработать эти деньги?

То т аж выпучился на пачку.

А Джамалудин вытащил, кроме долларов, еще и пистолет, оттянул затвор, проверяя патрон в патроннике, улыбнулся и сказал:

– Сейчас я зайду в комнату отдыха, и посижу там, пока не придет Арсен. А когда он придет, ты, пожалуйста, не пугай его автоматчиком, а скажи ему, что вопрос возможно решить, только не в этом кабинете. Ты ему скажи, чтобы он вышел из здания и постоял на входе, пока к ты не подъедешь к нему на белом «Мерсе», а там вы съездите в ресторан и все обговорите.

Язычник, глядя то на деньги, то на пистолет, заворуженно кивнул.

* * *

Заур Кемиров сидел в погребе и читал Пришвина, когда у двери его загремели запоры, и внутрь просунулся один из охранников.

– Заур Ахмедович, – сказал он, – идите-ка наверх.

К этому времени Заур, как уже было сказано, пользовался куда большими льготами, чем положено пленнику. Хозяева выдавали ему книги и один раз даже сводили помыться. Бувади Хангериев приезжал проведать пленника не реже раза в неделю, и, как правило, беседовал с ним в подвале по часу и больше. Он спрашивал его мнение по всяким хозяйственным вопро-

сам. Однажды он даже спросил, стоит ли ему открыть в Москве сеть шашлычных, как это предлагали знакомые азербайджанцы.

Хозяин дома, бывший учитель русского языка и литературы, тоже частенько спускался побеседовать с Зауром. Он не имел к боевикам никакого отношения и даже не получал от них денег за то, что держал Заура в погребе. Просто во всем селе не было бы человека, который осмелился бы послушаться Бувади Хангериева после того, как тот пригнал на годекан двадцать русских солдат. Шестеро из них приняли ислам, а остальным перерезали горло.

Правда, кормили Заура по-прежнему очень плохо, но это было потому, что у хозяев самих не было еды.

Когда Заура привели наверх, он увидел, что за столом сидит Хангериев, очень довольный, и двое его родичей. Жена хозяина накрывала им стол, и посередине стола растопырилась ножками вверх печеная курица. От курицы шел упоительный запах.

– Мне вчера позвонил Арсен, – сказал Бувади, – говорит, что все срослось. Они вытрясут с калмыков три миллиона в течение недели.

Заур очень удивился, потому что, по его представлению, калмыцкий долг был делом безнадежным. Заур даже в свое время ездил к замминистру внутренних дел России, чтобы тот занялся этим вопросом. Замминистра принял его в бане, имея вместо одежды одно полотенце вокруг талии и золотую цепь на шее.

За то, чтобы заняться вопросом, замминистра попросил полмиллиона, и Заур удивился, что чеченцы оказались круче, чем замминистра.

Между тем один из боевиков наложил Зауру целую миску каши, протер полую камуфляжа лежавшую на столе ложку и воткнул ее в эту кашу.

– Ешь, – сказал Бувади.

Заур ел медленно и осторожно, понимая, что в его состоянии вредно есть много, и отодвинул тарелку, едва опростав ее до половины. Он старался не глядеть туда, где на другом конце стола Бувади рвал руками курицу.

– Что же ты не ешь? – спросил Бувади, – или сыт?

– Не хочу объедать хозяев, – ответил пленник.

Чеченцы расхохотались, а Бувади сказал:

– Сейчас приедет Арсен. Он сказал, что тебе надо подписать кое-какие бумаги.

– И когда вы меня отпустите? – спросил Заур.

Бувади расхохотался снова и сказал:

– Вот получим все твои долги, и отпустим. Кто же отпускает золотую рыбку?

Заур молча глядел в стол, и в это время во дворе началось некоторое оживление. Заскрипели петли ворот, на крыльце послышались шаги.

– Брат приехал, – сказал, вставая, племянник Хангериева.

В следующую секунду дверь распахнулась, и человек, нырнувший через проем, обдал сидящих за столом длинной автоматной очередью. Двое были убиты мгновенно. Хангериеву пуля ударила в бок, отшвырнув его вместе со стулом к стене. Оставшийся в живых чеченец кинулся к окну. Зауру сначала показалось, что он отшатнулся в ужасе от того, что он увидел на улице, но когда чеченец, отшатнувшись, упал, Заур увидел, что у него вместо лица красная каша.

В комнату вскочили трое. Один из них швырнул Заура в угол и стал перед ним с автоматом, закрывая своим телом, а второй бросился в кухню, искать оставшихся в живых.

Бувади шевельнулся и схватился было за «стечкин», висевший у него на бедре, но Джамалудин наступил ему на руку и вырвал «стечкин» из кобуры.

Где-то за стенкой хрустнули еще два выстрела, и через десять секунд все было кончено.

В комнату втокнули растерянного Арсена. Руки его были стянуты сзади наручниками, и у виска его один из людей Джамалудина держал пистолет. Бувади сидел у стены, откинув окровавленный рот. Камуфляж на его боку быстро намокал красным.

– Дурак ты, – сказал Бувади, обращаясь к Джамалудину, – мы же уже договорились. Меня Заур взял в долю. А, скажи, Заур.

Смертельно худой, со ввалившимся взглядом и спутанной мочалкой бороды человек, одетый в вонючие тряпки, некогда проданные ему за две тысячи фунтов в лондонском магазине «Харродс», усмехнулся и сказал:

– Можно сказать и так.

– Боюсь, Заур, я испортил тебе сделку, – ответил Джамалудин.

Сухо кашлянул автомат, и изо лба Бувади брызнули кость и мозг.

В комнату из кухни втащили хозяина дома и громко воющую хозяйку. Джамалудин снова поднял автомат.

– Не надо, – сказал Заур, – это хорошие люди. Если бы у них была еда, они бы даже меня кормили.

Джамалудин пожал плечами и выстрелил в Арсена Хангериева. Это Арсен назвал место, где держали Заура, и постучал в ворота, выйдя из машины. По правде говоря, после того, что с ним сделали люди Джамалудина, у него было мало выбора.

– Уходим, – сказал Джамалудин.

Они выскочили во двор, и Заур увидел, что возле распахнутых ворот стоят два джипа. Третья «Нива» с чеченскими номерами стояла во дворе. Видимо, это была «Нива» Арсена. Под ней валялись два трупа.

– Прости, что меня не было так долго, – сказал Джамалудин.

* * *

Анди Адиев, тот самый, который рассорился с Зауром из-за взятки судье, отдал весь свой бизнес Кемировым и уехал в Москву. Там он долго перелечивал неправильно сросшиеся кости.

Два чеченца, которых привез из Турции Шапи Кемиров, поехали в Чечню просить об освобождении Заура и задержались в чьем-то погребе на полтора года. За одного из них заплатили выкуп в два миллиона долларов, а другого освободили тогда, когда Аслан Масхадов поехал в Турцию. Это был такой дипломатический подарок от республики Ичкерия республике Турция.

Родичи Бувади еще долго не могли успокоиться. Его старший брат поехал разбираться с Кемировыми и пропал по дороге. Его зять, служивший в охране Дудаева, нанял какого-то киллера: погиб и киллер, и зять. А еще спустя два месяца за вопрос взялся один из самых известных полевых командиров, приходившийся Бувади двоюродным братом по матери. У него к Кемировым было сразу две претензии: во-первых, Джамалудин Кемиров убил его родича, а во-вторых, один из друзей Джамалудина украл его сестру.

В назначенный день у блокпоста на Ровенском Кругу собрались две тысячи вооруженных чеченцев, а с другой стороны – две тысячи вооруженных аварцев, так что было не совсем понятно, разборка это или война. Стороны бранились довольно долго, но дело кончилось тем, что полевой командир получил парочку «Уралов» и расстался с Джамалудином по-дружески.

Во всей этой истории было еще одно комичное последствие. Спустя уже месяц после освобождения Заура его двоюродный брат, Аслудин Кемиров, ужинал в стрип-клубе с заместителем директора ФСБ. Третьим с ними был невысокий полный генерал. Когда генерал попросил себе приват-танец и удалился в кабинку, замдиректора наклонился к Аслудину и прошептал ему на ухо.

– Вот этот человек, я должен сказать вам по секрету, принимал самое живое участие в операции по освобождению вашего брата. А впоследствии он лично ликвидировал полевого командира Бувади Хангериева.

Глава вторая, в которой московский чиновник приезжает с инспекцией в город, где вместо дорожных указателей стоят таблички с именами Аллаха, и в которой выясняется, что богатый и бедный будут всегда в неравных условиях, даже в погребке у чеченца

Кирилл Водров приехал на работу в девять часов утра.

Глава Чрезвычайного Комитета, Федор Комиссаров, занимал в Торби-кале прибрежный особняк со сторожевой башенкой с телескопом наверху. Двор, отделанный темным мрамором, сползал в спущенный на зиму бассейн, закрытый, как гроб, плотной синей пленкой.

Федор Комиссаров сидел в кабинете, похожем на палубу небольшого авианосца, за овальным, как древнеегипетский картуш, столом для совещаний.

По правую его руку сидел министр внутренних дел республики, по левую – прокурор. Третьим сидел русский полковник ФСБ, Миша Сливочкин, а четвертым в этой компании был сорокалетний темноволосый кавказец. У него были глаза убийцы и брюшко бросившего спорт бойца, но самым удивительным в его облике были его уши. Левое было сломано, а правое – раскатано в плоский с комочками блин.

– Это черт знает что, – сказал прокурор, – он набрал в свою банду двести человек! Он вооружил их автоматами! Он вооружил их АГСами! У них даже БТРы есть! И знаете, что они сделали этим БТРом? Они снесли им памятник основателю города генералу Лисаневичу!

– Это нехорошо, – сказал глава комитета.

– У Идриса Абидовича, – сказал министр МВД и показал на темноволосого кавказца, – в Бештое были два игровых клуба. Неделию назад Джамалудин приехал к Идрису и попросил клубы продать. Он был так щедр, что предложил за оба двадцать тысяч долларов. Идрис отказался. И что вы думаете? Не прошло и трех дней, как оба клуба сожгли террористы. Если это были террористы, почему они не тронули казино брата Джамалудина?

– Он открыто этим бравирует! – угрюмо сказал Идрис, и Кирилл снова обратил внимание на его удивительные уши, – он говорит, что купил оружия на два миллиона долларов! А когда его спрашиваешь, зачем ему столько оружия, он говорит, что Бештой – приграничный город. Заявляет, что охраняет границу от чеченцев!

– Как это можно охранять границу между Аварией и Чечней? Между нами что, есть граница? Разве это не две мирные республики в составе России? – оскорбленно спросил Миша Сливочкин. – Этот человек дискредитирует Россию, когда он говорит, что внутри нее есть границы, которые надо охранять. Он разжигает национальную рознь.

– Эти бандиты контролируют все в районе! – сказал министр МВД, – вы спросите, есть ли в городе Бештое хоть один бизнес, который не принадлежит Зауру Кемирову! Был водочный завод – закрыли! Был цементный – отобрали! Люди Джамалудина ездят по улицам, и знаете, чем они развлекаются?

Они могут человека вытащить из машины, побить, а машину сжечь! У меня три таких заявления, а могло бы быть сто!

– В Бештойском районе, – сказал прокурор, – сложнейшая этносоциальная ситуация. Там три крупных нации, там полтора десятка народов поменьше, там даже есть два немецких села! А новый начальник милиции устроил в органах этническую чистку. Из тех, кого он уволил,

девятьюстами процентами были чеченцы, а из тех, кого он набрал, девятьюстами процентами – аварцы и лакцы.

– Это уже не город, – сказал Чебаков, – это государство, причем государство, во главе которого стоят террористы! Никто не имеет права туда приехать! Вот в прошлый раз мы решили прислать проверку, во главе с уважаемым Наби Джапаровичем, – и глава МВД широким жестом указал на прокурора, – так через пять минут, как мы приняли это решение, ему звонит Джамалудин и говорит: «Эй, с тобой что сделать – расстрелять или украсть?» Представляете? Звонит человек прокурору республики и заявляет, что он его украдет!

Прокурор республики съёжился и опустил глаза. Было видно, что он до сих пор очень переживает за этот разговор.

– Вашему комитету, – сказал министр МВД, – необходимо побывать в Бештое. Вот пусть он федералов попробует расстрелять или украсть!

Федор Комиссаров перестал чертить ручкой по бумаге и посмотрел на Кирилла. После этого все участники совещания тоже перестали смотреть на Комиссарова, а стали смотреть на Кирилла.

– Я съезжу в Бештой, – сказал Кирилл.

– Я вам дам охрану, Кирилл Владимирович, – сказал министр МВД. – Без охраны ехать нельзя.

– Вы когда собираетесь ехать? – спросил персонаж по имени Идрис.

– Завтра и поеду, – сказал Кирилл, – с утра встану и поеду.

– Э! Я с вами! – сказал Идрис, – мы хорошего человека в обиду не дадим! А то они вас... как памятник Лисаневичу!

* * *

Спустя полчаса, переговорив наедине с Комиссаровым, член Чрезвычайного Комитета Кирилл Водров вышел во двор особняка. Вчерашняя мгла куда-то исчезла, пропала бесследно, как мятый грязный бомж, обосновавшийся на вокзале, убегает со всеми своими покрывалами, тряпками и завертками при приближении патруля. Небо было ослепительно синим, солнце катилось в нем, как желтый шарик растопленного масла по раскаленной сковородке.

Двор высох. У начищенной брони «Мерседесов» стояла соборовцы министра и друзья Идриса и переговаривались между собой. Друзья Идриса отличались от соборовцев тем, что были несколько лучше вооружены.

Черноволосый собровец отворил перед Кириллом железную дверку в воротах, и Кирилл очутился на треугольной, мощеной крупным булыжником площади. Острый конец площади задирался вверх и уходил в крошечную улочку, и сбоку от улочки стояла старая мечеть с закованным в леса минаретом. По лесам бегали маляры в желтых светоотражающих куртках.

Кирилл пересек площадь и постучал в окошечко старых «Жигулей», припаркованных возле мечети. Машина казалась по крайней мере ровесницей Пророка, и на ее облупленной крыше был прикреплен гребешок с шашечками такси.

Пожилой водитель с круглым приятным лицом открыл ему дверцу. Машина пахла дешевым бензином и плохим табаком.

– До Бештоя довезешь? – спросил Кирилл.

Водитель оглядел человека с шелковым галстуком и в кожаном плаще таком тонком, что он мог бы уместиться в дамской сумочке, поцокал языком и сказал:

– Полторы тысячи рублей.

Кирилл знал в Москве рестораны, где за такие деньги ему не досталось бы даже чая.

* * *

Дорога в Бештой заняла у Кирилла почти пять часов. Разумеется, можно было б доехать быстрее, но по пути Кирилл, сверившись с записями, попросил заехать в небольшое ногайское село под названием Джарли.

Согласно документам, которые видел в Москве Кирилл, село было повреждено прошлогодним наводнением, и республиканские власти выделили на субсидии пострадавшим около четырех миллионов долларов. Кирилл хотел посмотреть, как эти деньги осваиваются.

Дорога с указателем «Джарли» привела его к свежему берегу реки, возле которого стоял палаточный лагерь. Река была быстрой и пенной, и поэтому не замерзла, но по берегу лежал ноздреватый неглубокий снег. В снегу бродили куры и сушились вытасенные на берег лодки. К машине вышел очень смуглый молодой ногаец лет двадцати семи. Он представился как Ахмед.

– А где кто-нибудь главный? – спросил Кирилл, слышавший, что на Кавказе начальниками не становятся в раннем возрасте и полагавший, что Ахмед приходится начальству сыном, племянником или братом.

– Говорите со мной, – ответил Ахмед.

– Вам деньги за дома выплатили? – спросил Кирилл.

– Нет.

– А вы знаете, что они вам положены? – спросил Кирилл.

– Знаем, – ответил Ахмед, – когда назначили нового главу района, одна наша учительница, ее зовут Фарида, пошла к нему на прием и попросила, чтобы ей заплатили зарплату, которую она не получала почти полгода. А новый глава и отвечает: я не могу тебе выдать зарплату, потому что деньги, которые пришли в район, мы вам всем выдали как пособия из-за наводнения. Тогда Фарида удивилась и сказала, что хотела бы получить это пособие. А глава администрации залез в ведомость и сказал: «Ты Фарида Мамаева?» Та отвечает: «Да». «Так мы выдали тебе деньги, двести тысяч рублей. Вот твоя подпись». Та к все и вскрылось.

– Вы обращались в прокуратуру? – спросил Кирилл.

– Нет, – ответил Ахмед.

– Почему?

– Мой народ не надеется на прокурора, – ответил молодой ногаец, – мой народ надеется на Аллаха.

Кирилл молчал несколько секунд, а потом вынул свою визитку, приписал мобильный и дал визитку ногайцу.

– Я буду в Бештое, – сказал Кирилл, – в мэрии. Я, конечно, не Аллах, но я этого так не оставляю. Соберите заявления и пришлите мне.

Водитель в продолжении этого диалога сидел в машине, и когда Кирилл вернулся, водитель посмотрел на него очень удивленно. Как выяснилось, он был тоже ногаец. Об Ахмеде он почему-то не захотел говорить.

После ногайского села дорога резко пошла в гору. Машина ерзала лысыми шинами по свежему снегу, и деревья по обеим сторонам ущелья были похожи на сахарные леденцы.

Облака напозли сначала на небо, а потом спустились на землю. Все потонуло в тумане, таком вязком, что даже внутри машины воздух можно выжать, как тряпку. Исчезли не только горы, но и дорога, в густой сметане пропали габариты едущего впереди грузовика, – а потом туман внезапно оборвался черной дырой с желтой лампочкой наверху, и машина въехала в Куршинский туннель.

* * *

По ту сторону туннеля сверкало солнце. Небо было цвета индиго, в нем не было ни единого облачка, и целые охапки солнечного света спадали с рыже-коричневых скал. С портала туннеля хлестала вода; свежая асфальтированная дорога уходила по параболе вниз, и сразу у въезда в тоннель стоял вагончик с придорожным кафе и блокпост, похожий на обложенную мешками голубятню. За мешками с песком сидел одинокий солдатик и держал автомат, как рыбак – удочку.

Прямо перед блокпостом стоял черный бронированный «Мерс», изящный и длинный, как лист осоки, и рядом с ним – милицейские «Жигули» с мигалкой и толстым гаишником в желтой светоотражающей куртке.

Тут же торчал дорожный указатель зеленого цвета. Кирилл ожидал, что на указателе будет надпись: «Бештойский район», но когда машина подъехала поближе, Кирилл обнаружил, что там написано: «Аллах Акбар».

Желтый гаишник махнул жезлом, машина Кирилла остановилась, и водитель протянул гаишнику свои права. Мент сунул голову в машину, посмотрел на Кирилла и попросил его выйти из машины. Кирилл с веселым предвкушением хлопнул дверцей и пошел за ментом.

Толстый гаишник подвел Кирилла к «мерседесу», и дверца его распахнулась. За рулем сидел самый удивительный персонаж, которого Кириллу доводилось в жизни видеть. Это был человек высотой два метра и весом в полтора центнера, и ни килограмма из этих центнеров не приходилось на жир. Глаза и скулы человека прятались в густых черных кудрях, и его кулаки были размером с дыню. На коленях у человека стоял пакет с грецкими орехами. Он добывал орехи из пакета, давил их двумя пальцами и ел.

– Садись, – сказали сзади.

Кирилл оглянулся и увидел, что за его спиной стоит молодой парень в хорошо выстиранном камуфляже и крепких светло-коричневых берцах. У парня был чисто выбритый подбородок, автомат Калашникова и вдумчивые глаза убийцы.

В пяти метрах сзади от Кирилла гаишник в желтой светоотражающей куртке что-то втолковывал водителю такси. Он был не один. Рядом с гаишником стоял еще один парень в камуфляже и с автоматом Калашникова. В профиль он казался точной копией первого.

Дверь придорожного кафе раскрылась, и из нее вышла полная старуха в черном платке и с ведром помоев в руках. Она перекинулась парой слов с солдатиком на блокпосту, и заспешила куда-то по своим делам, мимо черного «Мерседеса» и милицейских «Жигулей».

– Садись, – повторил автоматчик.

Водитель Кирилла развернулся и въехал обратно в тоннель. Кажется, ему дали деньги.

Заместитель руководителя Чрезвычайного Комитета по расследованию террористических и диверсионных актов на Северном Кавказе пожал плечами и сел в черный бронированный «Мерс», припаркованный под зеленым щитом с надписью «Аллах Акбар».

* * *

Бештой был высокогорным городом; он располагался на высоте в девятьсот метров над уровнем моря. Но окружающие его вершины вздымались до трех и даже четырех тысяч, и когда спустя пятнадцать минут город вывернулся неожиданно из-за очередного поворота серпантина, он показался Кириллу кучей коробочек, сваленных в сомкнутые лодочкой белые ладони гор.

Черный «Мерс» проскочил Бештой насквозь за десять минут. Мелькнули и пропали за поворотами низкие каменные домики с оголенной зимней лозой, обвившейся вокруг железных

прутьев навеса; мелькнула новая, с иголки, школа и рядом – бывший кинотеатр с пристроенным к нему свежим минаретом. У площади напротив мэрии Кирилл заметил пустой цоколь от памятника и огромную, раза в четыре крупнее мэрии мечеть, а наискосок от нее – обгоревшую трехэтажку.

«Мерс» выскочил за город, ни разу не запнувшись у светофора, на черное скользкое шоссе, отделенное от гор оголенными рогатыми тополями, и через минуту затормозил у кованой ограды. Водитель выключил двигатель и вышел из машины. Когда он распрямился, оказалось, что он выше Кирилла на две головы. Оба автоматчика тоже выбрались из машины, кивком пригласив Кирилла следовать за ними. Кирилл внимательно присмотрелся за ними во время пути; у них был одинаковый рост, одинаковые глаза, одинаковые красные губы и даже два совершенно одинаковых свежих пореза чуть ниже одинаковых родинок над правой губой. Они были как две фотографии с одного и того же негатива.

За воротами начиналась широкая кладбищенская аллея, по обеим сторонам которой тянулись совершенно одинаковой высоты памятники и плиты. Аллея шла далеко вперед, так, что Кирилл в вечернем воздухе не видел ее конца. Направо и налево шли такие же одинаковые памятники.

Это бы очень походило на военное кладбище, где государство за казенный кошт хоронит своих павших воинов, если бы некоторые памятники не были спаренными, а то и строеными, потому что под гранитной плитой лежали сразу два члена семьи.

5 апреля 2002-го года в пять часов двадцать минут утра отряд боевиков под предводительством некоего Вахи Хункарова захватил бештойский роддом номер один. Через три с половиной часа после захвата, еще до того, как ошеломленные власти успели заблокировать здание, при монтаже взрывной цепи в роддоме произошел взрыв, сровнявший с землей все левое крыло.

На всех ста семидесяти четырех памятниках, стоявших на кладбище, была одинаковая дата смерти.

На сорока семи дата смерти совпадала с датой рождения.

В конце аллеи, отделяя старое кладбище от новой, образовавшейся недавно части, возвышалась небольшая мечеть из рыжего камня с рвущейся вверх стрелой минарета. Кирилл поднялся по ступеням и остался у дверей. Он молча смотрел, как трое его спутников прошли вперед по расчерченному прямоугольниками ковру и остановились под низким, усеянным лампочками обручем люстры.

Они молились недолго. Проходя аллеей обратно, они поздоровались с женщиной, возившей возле одной из могил.

Спустя десять минут «Мерс» проехал по какому-то вечернему селу, забираясь все время в гору, и сразу за селом свернул в ворота, увенчанные минаретом сторожевой вышки.

За воротами тщательно выметенная дорога петляла между подстриженных кустов и уходила вниз, петлей обвиваясь вокруг темного зимнего озера с пятиметровой вышкой для прыжков в воду.

Справа от озера стоял двухэтажный желтый особняк казенного вида. Под опустевшим на зиму навесом шоркал лопатой одетый в черное дворник, и возле навеса носами к озеру сгруппировались два десятка машин. Кирилл обратил внимание на здоровенный микроавтобус с затененными стеклами. На дальнем берегу озера стояли какие-то бревенчатые домики.

«Мерс» покатился по черной дорожке вокруг озера, и только тут Кирилл заметил, что двухэтажный особняк вполне населен. У его крыльца стояли трое с оружием, и когда один из них открыл дверь, Кирилл заметил стойку для автоматов и длинный дощатый стол, за которым сидели два десятка бойцов в камуфляже.

«Мерс», однако, не остановился у особняка, а проехал чуть дальше, к одному из бревенчатых домиков, с низким крыльцом и светящимся квадратом тщательно задернутых штор. На крыльце тоже сидел паренек с автоматом.

«Мерс» остановился у крыльца, один из близнецов вышел и распахнул дверь. Паренек с автоматом посторонился. Кирилл нажал ручку и вошел в бревенчатый домик.

Пол и стены небольшой гостиной были затянуты коврами. Между окон висела здоровенная фотография ночной, залитой светом мечети. Низенький столик меж кожаных кресел был заставлен нехитрой едой: помидорами, зеленью, да лепешками. В кресле напротив фотографии сидел невысокий худой человек в удобных полуспортивных брюках и пушистом клетчатом свитере. Он казался еще более измученным, чем вчера, и когда он повернул голову к двери, Кирилл увидел сизые мешки у него под глазами и небритую щетину на подбородке.

Наискосок за столом сидел Арзо Хаджиев и без всякой вилки ел темно-бордовый помидор размером с маленькую дыню. Третий в этой компании был тот самый белокурый парень, который вчера так лихо крутил пулемет вокруг пальца. На этот раз он был в красном спортивном костюме; на запястье его сверкнул платиной «Патек Филипп».

– Здравствуй, Джамалудин, – сказал Кирилл, – а мне показалось, ты меня вчера не узнал.

...июнь 1997...

После истории с похищением Заура Джамалудин очень вырос в глазах своей семьи. О нем заговорили по всей республике. И дело было не только в том, что Джамалудин вызволил из ямы своего брата и застрелил того, кто его украл.

Просто война подходила к аварским горам все ближе и ближе, и те, кто умел воевать, стояли все выше и выше. А так хотел Аллах, что Джамалудин повзрослел на войне, а не в бизнесе и не в уличных разборках. Гадкий утенок превратился в орла, хулиган – в воина.

Война накатывалась на горы, точа вековые устои и размывая то, что не успела размыть советское властью; а кое-что, наоборот, она поднимала со дна. Похищение Заура было первой ласточкой. Скоро людей стали воровать как кур.

Иногда их воровали чеченцы, а иногда – российские солдаты с расположенного рядом аэродрома. Еще чаще воровали самих солдат, потому что от бескормицы они бродили по полям и предлагали местным запчасты и патроны. Мэр города гнал себе водку и даже не думал этому противостоять. По правде говоря, его самого однажды украл.

Когда людей крали, Джамалудина часто просили о помощи. Однажды в Бештое украли сторожа с бензоколонки, и так как сторож стоил недорого, Джамалудин выкупил его за три тысячи долларов. Джамалудину было проще самому выкупить его по цене российского солдата, чем просить денег у государства.

Джамалудин забрал заложника на Ровенском Круге и отвез его в управление ФСБ по республике, а вечером он увидел этого самого заложника в новостях. Майор ФСБ стоял рядом с заложником, положив руку ему на плечо, и рассказывал о том, как тот был освобожден в результате спецоперации.

Спустя два дня отец сторожа собрал по случаю его освобождения большое застолье, и так вышло, что Джамалудина не позвали на это застолье. Джамалудин на это ничего не сказал, но через неделю его друг по имени Ташов пересекся с дядей заложника на какой-то свадьбе.

– А почему вы не позвали Джамалудина на празднование? – спросил Ташов.

– Да потому, что это похищение – дело его рук, – ответил дядя заложника, которому принадлежали два ларька в городе, – он украл моего племянника, чтобы влезть в бизнес моего брата. Нам это все объяснили в ФСБ, и они готовы защитить нас от Джамалудина.

Ташов передал эти слова Джамалудину, и тот долго думал, а потом сказал:

– Аллах всех рассудит.

Очень часто людей воровали с помощью милиционеров. Не то чтобы милиционеры в Бештое были хуже милиционеров в остальной России, но у них было меньше возможностей для заработка. Во всей остальной России милиционеры могли обкладывать данью бизнес, закрывать и открывать уголовные дела, и вообще во всей России была мирная жизнь, а чем мирнее жизнь, тем больше в ней денег. Что же до Бештоя, то весь бизнес, который в нем был, принадлежал Зауру Кемирову, а каждому, кто вонзил бы зубы в этот бизнес, кусок выдрали бы изо рта вместе с зубами. Поэтому милиционеры в Бештое подрабатывали тем, что продавали людей чеченцам.

Однажды Джамалудин выкупил чеченца, которого пьяный патруль продал прямо из «Газика». Джамалудин пошел и поговорил с ментом, который это сделал, и в ходе этого разговора у мента сгорел дом. После этого глава МВД республики очень сильно обиделся на Джамалудина. Он выступил по телевидению и сказал, что бештойские бандиты ведут целенаправленную кампанию по запугиванию сотрудников органов правопорядка.

Спустя три недели после этого происшествия два молодых кумыка возвращались из города в село под названием Курши. На десятом километре они притормозили, потому что в этом месте стояла могила шейха и у этой могилы всегда притормаживали. За могилой сидели несколько чеченцев, которые знали эту особенность могилы и пришли к ней в надежде разжиться заложниками. Когда ребята притормозили и вышли из машины, чеченцы наставили на них автоматы, загнали пинками в багажник и уехали проселочными дорогами через границу.

Когда чеченцы достали ребят из багажника, то оказалось, что у одного из них мать – сельская учительница, а у семьи второго всего-то и имущества, что терраса с хурмой на горном склоне. Хурма, правда, была очень хорошая, в Бештое вообще была лучшая хурма в Аварии. Но терраса была всего в полторы сотки. По правде говоря, чеченцы рассчитывали украсть кого-нибудь побогаче, и они заметно приуныли, когда поняли, что на этих двоих много не наваришь.

Похитители подумали-подумали и поехали в Бештой за одеждой для парней. В Бештое они купили заложникам новые кроссовки и хорошие джинсы, и переодели их в эту одежду. А затем они поехали в гости к Арзо Хаджиеву и рассказали, что у них есть два заложника-кумыка, один из которых – финдиректор на заводе Кемировых, а другой – его зам, и что они хотели бы получить за этих двух заложников по двадцать тысяч долларов, так как они побаиваются связываться с Джамалудином.

Хаджиев поторговался и купил обоих парней за десять тысяч долларов. Перед обменом продавцы как следует побили парней и велели им держать язык за зубами. Да оно и не потребовалось, потому что никто в чеченском дворе с заложниками не разговаривал. После этого Хаджиев позвонил Джамалудину и попросил за каждого заложника по миллиону.

– Эти люди не имеют ко мне никакого отношения, – сказал Джамалудин, – сколько ты заплатил за них этим мошенникам?

– Тридцать тысяч, – ответил Арзо.

– Я заплачу за каждого по три тысячи, как за русского солдата, и еще столько же за работу, – сказал Джамалудин, – но сверху я не дам ни копейки.

Арзо был сильно недоволен этим ответом. Он попытался перепродать парней сначала Ахмадовым, а потом Бараеву, но к этому времени вся Чечня знала, как Арзо купил «финдиректора Джамалудина», и пристроить кумыков было труднее, чем акции МММ.

В конце концов Арзо позвонил Джамалудину и сказал, что согласен на его сумму. Когда они договорились, Джамалудин положил трубку, рассмеялся и сказал своим людям:

– Бизнес по-чеченски. Попросить два лимона, сломать жизнь двум матерям, а вышибить в итоге полкило зубов и шесть тысяч долларов.

В назначенное время Арзо и Джамалудин подъехали к Ровенскому блокпосту. Сначала подъехали машины со снайперами, которые залегли в кустах, чтобы избавить обе стороны от искушения сделать какую-нибудь глупость, а потом из двух машин вышли Арзо и Джамалудин.

Они подошли к клумбе возле блокпоста. Поперек клумбы шла цементная дорожка, и когда-то по обе стороны этой дорожки цветами высаживали герб СССР. Теперь эта клумба считалась самым открытым местом, в которое удобнее всего было стрелять снайперам, если что пойдет не так.

Джамалудин протянул Арзо деньги, и чеченец почувствовал себя так, как будто ему снова двенадцать лет, и мать дает ему девятнадцать копеек на мороженое. Арзо взял деньги и, не сказав ни слова, пошел к своим. На аварской стороне блокпоста освобожденных пленников уже сажали в машину.

Джамалудин вернулся к своему «Крузеру» и увидел, что оба кумыка сидят бледные, как пенопласт, и держат руки между колен.

– Что с тобой? – спросил он у того парня, который был постарше.

То т ничего не ответил, а только смотрел на Джамалудина дикими глазами. Джамалудин схватил парня и раздернул на нем рубашку, полагая, что его сильно избили, но ничего такого, кроме старых синяков, на парне не было. Тогда Джамалудин сдернул с парня штаны, и он увидел, что вместо трусов у него там все замотано полотенцем, и это полотенце бурое от крови.

Джамалудин обернулся и увидел, что первая «Нива», в которой сидит Арзо, уже отъехала довольно далеко и вот-вот скроется за поворотом горного серпантина, а во вторую как раз грузятся снайперы.

Джамалудин распахнул багажник «Крузера» и достал оттуда снаряженный гранатомет. Он встал на одно колено, прицелился и выстрелил.

«Нива» со снайперами сгорела раньше, чем расшиблась о дно ущелья. Из-за этого случая отношения между Арзо Хаджиевым и Джамалудином Кемировым сильно испортились.

* * *

Летом 1997 года Джамалудина вызвали в Москву. Он пришел в кабинет на двадцать седьмом этаже московского небоскреба. Хозяином кабинета был известный всей стране олигарх, и при входе в здание у Джамалудина случилась заминка: дело в том, что служба безопасности олигарха увидела за поясом Джамалудина «макаров» и никак не хотела пускать его в кабинет со «макаровым».

Начальник службы безопасности ругался и так и сяк, но Джамалудин сказал:

– Я хожу так, как я привык. Ты можешь попросить меня отдать оружие, а еще ты можешь попросить меня надеть юбку. Оружия я не отдам, а в юбке ты сам ходи дома.

Поэтому в конце концов Джамалудин зашел в кабинет с «макаровым» на боку. Это был очень красивый кабинет. В кабинете все было отделано сверкающим деревом, и ножки стола были похожи на лапки породистой борзой. Олигарх сидел рядом с собственными фотографиями, на которых он был изображен с президентами разных стран, и Джамалудин подумал, что у него никогда не будет такой коллекции фотографий. Правда, у него тоже был семейный альбом, где он был снят с Басаевым и с Хаттабом, но Джамалудин понимал, что это не то.

Рядом с олигархом сидел двоюродный брат Джамалудина, депутат Государственной Думы Аслудин Кемиров, и молодой худощавый парень, который представился как Кирилл.

Когда Джамалудин вошел, олигарх встал и покосился на ствол, а потом поздоровался с Джамалудином.

– У меня в Чечне пропал сын, – сказал олигарх, – от первого брака. Мне сказали, что ты можешь его вызволить.

Джамалудин помолчал.

– Я слышал что-то в этом роде, – уклончиво сказал аварец, – а как твой сын там оказался?

Олигарх промолчал, а Кирилл усмехнулся и сказал:

– Он туда поехал покупать наркотики. Он сидел на игле и у него были друзья-чеченцы. Они звали его с собой, сказали, что в Чечне дурь дешева.

– Кто друзья?

– Некто Ваха и Муса Адаллаевы, – ответил олигарх. – Теперь они, конечно, говорят, что Вадика украли у них из-под носа. Остановили на горной дороге и вытащили из машины. Гонят, что они ничего не знают.

Джамалудин понимал, что так оно и есть. То есть, конечно, это Адаллаевы продали русского и получили за него деньги, но теперь они знают о его судьбе не больше, чем продавец в супермаркете – о куске мыла, сбытом покупателю. Торговая сеть, в которой продавался товар под названием «русские пленники», потому и функционировала так хорошо, что в ней было полное разделение труда. Одни наводили, другие похищали, третьи перепродавали, четвертые выкупали, и все это независимо друг от друга. К конечному продавцу трудно было предъявить претензии, потому что он являлся добросовестным приобретателем. Он-то никого не похищал, он только покупал, и должен же он был отбить свои деньги!

– Эти двое уже не при чем, – сказал Джамалудин, – на меня выходили люди Арби Бараева, и говорили, что хотят за твоего сына два миллиона. Эти двое продали бы его тысяч за двадцать.

Олигарх помолчал.

– Мне сказали, – проговорил олигарх, – что когда у тебя украли брата, ты собрал людей, отбил его и убил похитителей.

– Это так, – сказал Джамалудин.

– Если я заплачу тебе два миллиона долларов, ты сделаешь то же самое?

– Нет, – ответил Джамалудин.

– Почему?

– Твой сын мне не брат и не родич. Я не буду из-за русского убивать чеченов.

Олигарх помолчал, потом наклонился под стол и вытащил оттуда пахнущий свежей кожей дипломат. Сначала один, а потом и второй. Олигарх щелкнул крышкой, и Джамалудин увидел, что внутри лежат десять равносторонних кирпичей по сто тысяч долларов каждый. Джамалудин впервые видел, чтобы так много денег занимали так мало места. В прошлый раз, когда он тащил миллион долларов, это миллион весил килограмм сорок и едва помещался в мешке.

– Тогда возьми эти деньги и поменяй на них моего сына, – сказал олигарх.

* * *

Как и всегда в подобных случаях, если были деньги и были посредники, договориться о выкупе было не особенно сложно. Ведь люди, которые украли Вадика Владковского, украли его не затем, чтобы он для них пас коз. Было бы очень глупо использовать человека, за которого можно получить два миллиона долларов, как простого раба, или мариновать его в холодном погребе. Ведь это только банка с огурцами чувствует себя в погребе хорошо, а человек, наоборот, в погребе может испортиться. А кому нужен испортившийся товар?

Поэтому спустя всего четыре дня Джамалудин Кемиров, Кирилл Водров, бывший тогда вице-президентом головного холдинга Владковского, и еще один чеченец, Аслан, приехали в пограничное село. С ними было две машины вооруженных людей. Что же до Заура Кемирова, то он остался в Москве, в офисе олигарха, как залог, что его семья не сбежит с деньгами.

Когда они подъехали к границе, они увидели по ту сторону простую белую «Девятку», из которой вышел старик в папахе. Человека этого звали Муса Темаев, он был отцом Аслана и одним из самых уважаемых людей в этом районе. За рулем белой «Девятки» сидел его племянник, и больше с Мусой людей не было.

Старик-чеченец оглядел всю ораву вооруженных людей, приехавших с Джамалудином, покачал головой, похожей на старый пенек, и спросил:

– Джамалудин, ты молод, но я слышал о тебе много хорошего. Куда собрались все эти люди?

– Никуда, – ответил Джамалудин, – они останутся тут с тобой, на границе, а я и твой сын съездим и привезем русского.

– Я поеду с вами, – сказал Кирилл.

– Тебе нечего делать в Чечне, – резко ответил Джамалудин.

– Вы везете с собой большие деньги, – возразил Кирилл. – Влад попросил меня быть около этих денег.

Джамалудин вынул из белого джипа мешок с деньгами и перекинул его в «Девятку». Потом он подошел к Кириллу. Он вытащил у русского из-за пояса «глок» и сунул себе в карман.

– Садись, – сказал Джамалудин.

Спустя час белая «Девятка» въехала во двор небольшого дома, принадлежавшего двоюродному брату Аслана, Ансуди. Гостей приняли с почетом и накрыли для них сытный стол. Ансуди тоже не был владельцем Вадика, а был только посредником, как Аслан и сам Джамалудин. Джамалудин велел хозяину дома нагреть воду, чтобы вымыть русского, и сварить кашу.

– Зачем каша? – удивился Кирилл, нервно оглядывая накрытый под виноградным навесом стол. Тот, по военным меркам, был очень хорош, и от запаха плавающей в густом соусе курицы у Кирилла приятно защекотало нос.

– Он будет в таком состоянии, что ничего кроме каши в него не полезет, – ответил аварец.

Однако прошел час, другой и третий, съели и курицу, и круглобокие помидоры, и катышки белого соленого сыра, рассыпающегося в крупу, – а пленника все не везли. Кирилл нервничал и то и дело тискал пустую кобуру. Джамалудин пожал плечами и отправился спать, подложив под голову вместо подушки мешок с деньгами. Аслан забеспокоился и все время бегал куда-то звонить.

Кирилл не спал сутки, и его сморил тяжелый сон. Он проснулся оттого, что кто-то тронул его за плечо. Кирилл подпрыгнул и схватился за пустую кобуру. Потом он открыл глаза. Над ним стоял Джамалудин. Он выглядел спокойным и свежим.

– Они хотят, чтобы мы приехали к его дяде, – сказал Джамалудин, показывая на Аслана, – их не устраивает, что с нами русский. Они говорят: этот обмен происходит слишком близко от границы.

– Мне это не нравится, – сказал Кирилл.

– Мне тоже, – лаконично ответил Джамалудин.

Они выехали из дома в девять утра и скоро приехали в село недалеко от Урус-Мартана, где жил дядя Аслана. Там, в селе, история в точности повторилась. Для освобожденного пленника вскипятили воду и сварили кашу, но Вадика все не везли и не везли. Дважды возле дома Темаевых притормаживали какие-то непонятные машины, разворачивались и уезжали. Было уже восемь вечера, когда Джамалудин и Аслан вошли в комнату, где сидел Кирилл.

– Кто такой Федор Комиссаров? – резко спросил Джамалудин.

– Это такой человек из ФСБ, – удивленно начал Кирилл.

– Я не спрашиваю, знаешь ли ты его. Я спрашиваю, обращались ли вы к нему за посредничеством?

– Ну, по правде говоря, он пришел к нам сам, – сказал Кирилл, – сказал, что у него есть возможность выкупить Вадима. Ну, мы не ответили ему ни да, ни нет, потому что появился ты.

– Поздравляю, – сказал Джамалудин, – этот Комиссаров вчера разговаривал с Бараевым. Он позвонил ему прямо в Урус-Мартан. Он сказал, что привезет ему три миллиона, и теперь наши два им, конечно, не нужны.

Неприятный холодок пробежал по спине Кирилла. Он вдруг ясно представил себе их положение. Они были в сердце Чечни, в сотне километров от ближайшего места с русским названием и русскими войсками, с двумя миллионами долларов в заплечном рюкзаке, и единственной гарантией их безопасности служил уважаемый человек по имени Муса, оставшийся заложником у людей Джамалудина. С учетом сложившихся обстоятельств эта гарантия стремительно портилась.

Джамалудин вынул из кармана щегольский «глок» Кирилла, проверил обойму и протянул его владельцу.

– Вставай, – сказал он, – мы уходим.

– Сейчас? Ночью?

– Ты намерен дожидаться утра? К сегодняшнему дню половина Чечни знала, что по Урус-Мартановскому району бегают два миллиона долларов. Ты хочешь, чтобы к завтрашнему утру об этом узнала вся Чечня?

В доме Темаевых был подземный ход, выводивший прямо к козьей тропе за окраиной ночного села. Этим ходом они и ушли, оставив белую «Девятку» во дворе, где ее могли видеть случайные и неслучайные наблюдатели. Кирилл понимал, что ход был вырыт не для того, чтобы гонять на водопой коз, но помалкивал. Они протиснулись через земляной лаз и через полчаса оказались в ночной «зеленке».

Еще через пятнадцать минут Аслан Темаев уверенно свернул с тропы и стал карабкаться по склону вверх, руководствуясь какими-то одному ему известными приметами. Он рассчитывал перевалить через мелкие в этом месте предгорья и спуститься в соседнее село, а там сесть на рейсовый автобус. То, что по Чечне ездили автобусы, удивило Кирилла не меньше, чем если бы ему сказали, что в здешних горах до сих попадают динозавры.

Всю ночь они шли по горам.

Первым шел Аслан: он хорошо знал эти места. Джамалудин нес за плечами рюкзак с двумя миллионами долларов, а поверх рюкзака он повесил автомат. Два миллиона долларов весили двадцать четыре килограмма, и, по правде говоря, это был не самый полезный груз в горах. Джамалудин с удовольствием променял бы двадцать четыре килограмма долларов на двадцать четыре килограмма патронов.

Замыкал колонну русский. Джамалудин вернул ему пистолет и даже выдал две гранаты, но происходящее нравилось Кириллу все меньше и меньше. Он начал подозревать, что все это хитрая игра; что, если Аслан с Джамалудином сейчас зарежут его и разделят между собой деньги? Вроде бы семья Кемировых была достаточно богата, чтобы не польститься на такую вещь, но кто их знает, этих кавказцев?

К утру они вышли к асфальтовой дороге, и автобус действительно подобрал их у развилки. Он был полон народа, и на задней площадке блеял баран.

Они ехали минут тридцать. Автобус задыхался, как астматик, горы, встававшие справа, отошли куда-то в сторону, и за окном тянулись заросшие сорняками поля. Кое-где меж сорняков были воткнуты белые низкие таблички с надписью: «осторожно, мины».

Кирилл сидел молча; когда какой-то старый чеченец обратился к нему на непонятном языке, за Кирилла быстро и коротко ответил Аслан. Кириллу часто пеняли, что он похож на еврея. Он искренне надеялся, что бурая щетинка, отросшая за два дня, делает его сейчас хоть чуть-чуть похожим на чеченца.

Наконец за поворотом показался райцентр. В ста метрах от начала села, у расщепленного надвое столба с указателем, стояли две белых грязных «Нивы», и на капоте «Нивы» сидел рыжебородый человек с автоматом.

Когда автобусу оставалось до «Нив» тридцать метров, рыжебородый сделал шаг в сторону и выстрелил перед автобусом в землю. Видимо, автоматы теперь в Чечне использовались вместо светофоров.

Автобус остановился. Люди, высыпавшие из «Нивы», зашли в автобус и забрали барана. Потом один из них подошел к Кириллу, внимательно осмотрел его, и что-то спросил.

Кирилл промолчал.

Чеченцы вокруг засмеялись, и вооруженный бородач повторил свою фразу.

– Что он говорит? – спросил Кирилл.

– Он говорит, что вайнах, у которого такое хороший пистолет, никогда бы не надел такую грязную рубашку, – перевел Аслан.

– Выходите, – сказал один из автоматчиков по-русски.

Кирилл промолчал. Он уже понимал, что они влипли, и круто влипли. У него даже была идея выхватить гранату и заорать, что бабы вокруг – это его заложницы, но по здравом размышлении Кирилл не стал этого делать. Он еще не слышал, чтобы русские брали в заложники автобус с чеченками. Как-то это обычно случалось наоборот.

Их троих высадили из автобуса; оружие и рюкзаки у них отобрали, и если у Кирилла осталась какая-то надежда, что это случайная встреча, то она испарилась тогда, когда вслед за «нивами» к указателю подъехал черный новенький «Гелендеваген».

Кирилла посадили в «Ниву», и вся колонна развернулась и поехала назад.

Через полчаса Кирилл заметил, как они проехали перекресток, возле которого они спустились с горы. В ста метрах от дороги лежали истлевший хрящ танка. Машины свернули вправо и еще минут через сорок въехали в предгорное село. Гора, встающая из зеленого купола леса, была похожа на гребень динозавра.

Во дворе, куда свернула «Нива», было довольно многолюдно. Двое обнаженных по пояс рабочих отесывали топорами бревна для навеса, между свежевырытых под эти бревна ям стоял БТР, и посередине двора было накрыто несколько столов. За ними сидели люди с оружием.

Троих пленников выгрузили из машин и поставили у БТРа. Джамалудин невозмутимо присел на броню. Кирилл скосил голову и увидел, что у пожилого работника, возившегося с бревном, светлые волосы и славянская физиономия. По виду этому человеку было лет шестьдесят; его кожа задубела от солнца и пота, и когда он повернулся, Кирилл увидел вдоль всей его спины вспухший синий рубец.

– Ты русский? – спросил вполголоса Кирилл.

Старик кивнул, не переставая отесывать топором бревно. Теперь он перешел на другую сторону, чтобы ему было сподручней, и Кирилл увидел у него синяк в поллица и сгнившие пеньки выбитых зубов. Молодой чеченец, стоявший в нескольких метрах от ямы, заинтересовался разговором и подошел поближе, но не прикрикнул на старика и не отогнал Кирилла.

– Кто здесь хозяин? – спросил Кирилл.

Старик поднял голову, посмотрел на Кирилла, потом на боевика, и сказал:

– Кто надо, тот и хозяин.

– Как с вами обращаются? – проговорил Кирилл.

Старик впервые поднял на него глаза, и Кирилл вдруг вспомнил большого чешуйчатого карпа, которого он видел месяца два назад на Дорогомиловском рынке. Карп лежал на мокрой газете и слегка шевелил ртом, и когда карпа бросили в пакет, у него были точно такие же глаза.

– Хорошо, – сказал старик. Задумался и повторил: – Со мной – хорошо. Чеченцы – они уважают старших.

В этот момент ворота распахнулись, и в них въехал армейский «Газик». Из «Газика» выскочил невысокий человек в камуфляже, и по тому, как мгновенно подобрались все, кто был во дворе, Кирилл понял, что это – хозяин. Сначала Кирилл увидел профиль чеченца, – смуглый, треугольный, с острыми скулами и черной курчавой бородкой, обрамлявшей алые полные губы. Потом чеченец повернулся к ним, и на Кирилла в упор глянули темно-коричневые, почти черные глаза, цветом точь-в-точь напоминавшие свернувшуюся венозную кровь. Кирилл никогда не видел, чтобы у живого человека были глаза мертвеца.

И тут Кирилл сам понял, что их хозяина зовут Арзо Хаджиев. Имя Хаджиева не упоминалось в числе возможных посредников при выкупе, но Кирилл видел этого человека недавно по телевизору. Ничего хорошего о нем по телевизору не сказали.

За спиной кашлянул старик.

– Ты – мент? – спросил старик.

– Нет. Я не мент.

Старик с выбитыми зубами покачал головой и сказал задумчиво:

– Ты – мент. С тобой будут обращаться плохо.

Всех троих путников подвели к Хаджиеву, и один из чеченцев поставил перед ним рюкзаки пленников. Арзо Хаджиев раздернул один рюкзак, а потом другой. Потом он опрокинул рюкзак Джамалудина, и тонкие, как кафель, пачки долларов вывалились прямо на земляной пол под недоделанным навесом. Хаджиев поглядел сначала на деньги, а потом на пленников, улыбнулся и сказал:

– Нечасто бывает, чтобы по горам бегали три барана и носили с собой два миллиона. Эти деньги что, фальшивые?

Никто из кавказцев ему не ответил, и Кирилл, подумав, сказал:

– Это деньги за Вадима Владковского. Они настоящие.

Арзо помолчал.

– Об этой истории слышали все, – наконец сказал Арзо, – но последнее, что я слышал – это что за Владковского платят три миллиона. Что-то я не вижу тут трех миллионов. Кто-то из нас разучился считать, или папа Владковского, или я.

– Человек, который предлагал три, соврал. Он не имел полномочий для переговоров.

– А ты их имеешь?

– Я сотрудник Владковского, – сказал Кирилл, – мое имя вам что-то вряд ли скажет, но вам наверное что-то говорит имя Мусы Темаева. Это Муса гарантировал нам обмен и остался на той стороне, как гарантия, что в Чечне с нами ничего не случится.

В полной тишине раздался смешок Арзо, и Кирилл, холодея, понял, что он сделал какую-то страшную ошибку.

– Имя Мусы мне много говорит, – сказал Арзо. – Мы с ним кровники.

Хаджиев улыбнулся и отдал негромкое приказание по-чеченски. К нему подбежал молодой боевик, лет, наверное, семнадцати, и проворно начал собирать деньги в мешок. Одна из упаковок закатилась под БТР, и боевик шарил там автоматом, как шваброй. Наконец рюкзак был снова полон, и юноша поставил его перед Хаджиевым.

– Два года назад, – сказал Хаджиев, обращаясь к Джамалудину, – у тебя украли двоих работников. Ты отказался платить за них деньги, потому что они были кумыки, а не аварцы. А когда я согласился тебе их вернуть, почитай, задаром, ты сказал своим друзьям: «Это бизнес по-чеченски. Попросить миллион, поломать кучу зубов и судеб, а в конце концов получить три тысячи долларов». Я делаю бизнес по-другому. Мне не нужны чужие деньги. Мне нужны мои враги. Аслан останется здесь, а вы двое можете уходить со своим мешком. Ахмад, дай им машину.

И с этими словами Арзо швырнул Джамалудину рюкзак с двумя миллионами долларов.

Джамалудин понял, что они мертвы.

Он слишком хорошо знал Арзо, чтобы не понимать, что его слова – это сплошное лицедейство. Арзо отпускал их у всех на глазах. Но они не проедут и километра, как на выезде из села их расстреляет засада, а потом где-нибудь в лесу найдут труп Джамалудина, и Арзо развеет руками и скажет: «Я отпустил этих людей, потому что у меня к ним не было вражды. Кто же знал, что так случится? Наверняка этот русский убил Джамалудина и присвоил себе деньги. Похоже, для него это был большой куш».

К тому же Джамалудин понимал, что он был неправ. Ему не следовало говорить этих слов. Арзо и так достаточно опозорился, купив курицу по цене барана. Если бы Джамалудин тогда не распустил язык, Арзо не стал бы калечить парней. Они же были не русские и не менты.

Джамалудин закинул рюкзак с деньгами за спину и сказал:

– Я хочу поговорить с тобой наедине.

Арзо кивнул, и они с Джамалудином поднялись в дом. Кирилл сел на БТР и стал смотреть вверх. Гора над ним была похожа на кусок говяжьей вырезки с разбегающимися прожилками скал.

Арзо и Джамалудин между тем зашли в крошечную гостиную с вытертым ковром и стареньким телевизором «Рубин», и когда Джамалудин пригляделся, он увидел, что на этом «Рубине» стоит облупившаяся пластмассовая фигурка волка. Это был тот самый волк, которого Арзо привез из-под Гагр, и с годами он не стал моложе. Джамалудин поглядел сначала на волка, а потом в глаза Хаджиева, и сказал:

– Я знаю, что Вадик Владковский сидит у тебя. Адаллаевы продали его Лысому Хамзату, а Хамзат продал его тебе.

Арзо покачал головой:

– Я не знаю, где этот Вадик, но я слышал, что переговоры о выкупе вел Арби.

– Арби просто одолжил свое имя, как он всегда это делает. Он всегда говорит: «Валите все на меня». Я не такой дурак, чтобы бегать по Чечне с двумя миллионами. Перед тем, как прийти сюда, я поймал младшего Адаллаева и я поймал лысого Хамзата, и тебе не отвертеться от этой истории. Мы договоримся здесь и сейчас, а если ты сделаешь то, что хочешь, то все будут знать, что ты заманил к себе человека, который спас тебе жизнь, чтобы убить его и забрать его деньги.

Арзо долго молчал, а потом сказал:

– Я оставляю деньги себе. Привезете еще миллион, получите своего Вадика.

– Миллиона не будет. Эта тварь, Комиссаров, пудрил тебе мозги. Или ты забираешь деньги и отдаешь мне Вадика, или, клянусь Аллахом, я уйду с этими деньгами. И если меня убьют, мой брат знает, с кого спросить.

Хаджиев поглядел куда-то в сторону, и Джамалудин понял, что он смотрит на пластмассового волка. Потом Арзо распахнул ногой дверь в прихожую и вполголоса отдал распоряжение.

* * *

Вадика Владковского подняли во двор спустя пятнадцать минут. Он был и раньше худ, но теперь одежда болталась на нем, как на швабре. От него пахло, как в привокзальном сортире.

– Пусть помоемся, – распорядился Арзо.

Вадик увидел знакомое лицо среди стоявших во дворе горцев, сел на землю и заплакал.

Пока Вадик мылся, Арзо распорядился накрыть стол на воздухе, и Джамалудин сел по правую руку от Арзо, а по левую посадили Кирилла. Что касается Аслана, то его за стол никто не позвал, и он по-прежнему сидел между двух людей Хаджиева около БТРа.

На неровных досках появились алые, как кровь, помидоры, и большие куски вареного мяса. Арзо сделался вдруг необычайно весел, он шутил по-русски и по-чеченски, а потом вдруг вытащил из-за пояса здоровенный нож и, наколол на него парной кусок мяса, сбросил его на пустую тарелку Кирилла.

– Кушай, дорогой, кушай, – сказал Арзо, – это не человечина.

Наконец привели Вадика. Он был в чистых джинсах, спадавших с бедер, и клетчатой рубашке с короткими рукавами. Перед ним поставили плошку с бульоном, и один из чеченцев протянул ему ложку. Вадик отпрянул и дико закричал. Боевики захохотали.

Потихоньку Вадим успокоился, схватил ложку и начал жрать бульон. Джамалудин заметил у него на руках красные пятнышки от потушенных о кожу сигарет, указал на них Арзо и сказал:

– Это нехорошо, Арзо. Если ты сражаешься на пути Аллаха, зачем твои люди курят? Это харам.

Застолье продолжалось и продолжалось. Кирилл сидел как на гранате. Арзо и Джамалудин, казалось, полностью расслабились, и за столом все чаще раздавался смех и гортанные шутки. Аслан по-прежнему сидел у БТРа, и однажды, когда Кирилл оглянулся, он увидел, что в конце двора два русских пленника печально смотрят на стол.

Кирилл завернул кусок мяса в лепешку, и хотел было подняться, но в этот момент рука Арзо опустилась ему на плечо.

– Сиди, – негромко сказал чеченец, и Кириллу показалось, что его приварили к стулу. Он долго молчал, собираясь с духом, а потом поглядел Арзо в глаза и сказал:

– Я всегда считал, что ваш народ уважает старших. Зачем ваши люди бьют человека, которому они годятся во внуки?

– Видишь вон того паренька? – спросил Арзо.

Кирилл кивнул.

– У него было три брата, – сказал Арзо, – одному было тридцать, другому двадцать два, а третьему семнадцать. Все они мертвы. Этому парню шестнадцать лет, он женился месяц назад на девочке на год младше, и он понимает, что через год будет мертв. Когда смерть ест каждый день из твоей тарелки, у человека сносит крышу.

– А зачем он женился? – ошеломленно спросил Кирилл.

– Надо жениться, – ответил чеченец. – Война. Человека убьют, а сын останется.

– А у вас жена есть? – спросил Кирилл.

Это был один из самых опрометчивых вопросов, которые только мог задать русский. Жена Хаджиева погибла полгода назад. Потом погибли мать Арзо и двое его сыновей, а третий сын потерял обе ноги. Говорили, что Хаджиев любил жену значительно больше, чем приличествует мужчине.

Чеченец помолчал, потом ответил:

– Я вдовец.

Прошло два часа. Во дворе опять появился новенький «Гелендеваген» с тонированными стеклами, и за ним в ряд выстроились несколько машин.

– Это твоя доля за Вадика, – сказал Арзо Джамалудину, – мои люди проводят тебя до границы.

Чеченцы восхищенно ходили вокруг «Гелендевагена» и цокали языками. Машина была совершенно новая, хотя и наверняка краденая. Владковского посадили на заднее сиденье, Кирилл забрался рядом с ним и прижал парня к себе.

Джамалудин сел за руль, завел двигатель и позвал:

– Аслан, нам пора.

Аслан Темаев поднялся с земли, и в эту минуту шестнадцатилетний охранник поднял автомат, и дуло его оказалось в полуметре от головы Темаева.

– Аслан останется здесь, – сказал Арзо.

Джамалудин пожал плечами, заглушил двигатель и вылез из машины.

– Я тоже, – сказал аварец.

Красивое смуглое лицо чеченца побледнело.

– Ты слишком много хочешь, – сказал Арзо, – кто много хочет, получает пулю в лоб.

– Мы приехали вместе и мы уедем вместе, – ответил Джамалудин.

Арзо молчал несколько секунд. Потом махнул рукой.

– Садись, Аслан. И запомни, ты обязан моему брату жизнью.

* * *

Арзо и Джамалудин встали с места, как только русский вошел в бревенчатый домик. Они обнялись, и Арзо сказал:

– Не надо меня провожать. Хаген меня проводит.

Белокурый ариец встал и вышел вслед за Арзо, а Джамалудин вновь опустился в кресло. Хлопнула дверь, и на пороге домика показалась полная женщина в длинной черной юбке и синем платке с набивным рисунком из крупных тюльпанов.

Женщина ловко прибрала стол за ушедшими и через минуту вернулась с новой порцией еды. На фарфоровой тарелке блестели куски разваренного мяса, похожие на складки гор, и из глубокой белой супницы с хинкалом подымался ароматный дымок. Джамалудин сидел в кресле, откинувшись на кожаную спинку и полузакрыв глаза. Пальцы его неспешно перебирали четки.

– Поешь, Кирилл Владимирович, – промолвил аварец, – ты наверно устал. Ты зря приехал в Бештой один. Устроят что, а на меня спишут.

Кирилл сел на диван и ткнул вилок в кусок мяса. Ему хотелось спросить, зачем Джамалудин отколол вчера этот свой номер. Черт возьми, Кирилл лично бы отдал ему это тело. Отдал бы за своей подписью, и вышиб бы зубы любому, кто станет вякать. Шестнадцатилетняя девочка – это еще не террористка. За кого бы она ни вышла замуж.

– Мне сказали, она была беременна? – спросил Кирилл.

– Да.

Глаза аварца глядели на него безо всякого выражения.

– А где она... как они познакомились?

Камилю Абилову, за которого Диана вышла замуж, было тридцать четыре года, и у него уже была одна жена. Один из милицейских генералов вчера сказал Кириллу, что эта первая жена жива и воспитывает детей, а другой заявил, что первая жена взорвалась еще несколько лет назад вместе с другими смертницами в Бештойском роддоме. Этот генерал сказал Кириллу, что у террористов считается особым шиком жениться на девушке и уговорить ее стать шахидкой. Это повышает его статус в глазах Аллаха.

– Не знаю, – сказал Джамалудин.

– Мне сказали, что ты бегал за ней по всей республике. Объявил в розыск.

– Я не объявлял ее в розыск, – отозвался Джамалудин. – Но все знали, что я ее ищу. Менты знали, ФСБ тоже знало. Никто не знал, где она, и все искали. У нас всегда так. Один сказал, другой попросил, и темой занимается тысяча человек.

– Но ты узнал, что она замужем за Камилем? Потому что иначе ты не пришел бы два дня назад к Чебакову и не спросил, почему ее фото висит на стенде «Их разыскивает милиция» вместо стенда с фотографиями пропавших людей?

Голос Кирилла звучал почти обвиняюще. Кириллу не нравилось то, что произошло вчера. Он не понимал, почему, но ему это не нравилось. Что-то было ужасно не то в том, чтобы расстреливать шестнадцатилетнюю девочку прямой наводкой из танка. Хотя, возможно, эта девочка не затруднилась бы обвязаться взрывчаткой и в таком виде пойти в роддом. Голова у Кирилла шла кругом, когда он думал об этом, и он понимал только одно: он не хочет быть к этому причастным.

– Менты разыскивали ее, чтобы сделать семье Кемировых приятное, – сказал Кирилл, – а когда они разыскали ее и вместе с ней Ваху Арсаева, они решили грохнуть Ваху. Ты сам навел ментов на родную племянницу. А что бы ты сделал, если б нашел ее раньше ментов?

Аварец посмотрел на часы и поднялся с кресла, все так же перебирая четки. Он выглядел еще более усталым, чем вчера. В эту минуту за озером, со сторожевой вышки, раздался протяжный крик, и Кирилл вздрогнул, не сразу сообразив, что это всего лишь призыв к молитве.

– Подожди здесь, – сказал Джамалудин, накидывая куртку.

Уже у самой двери он обернулся и проговорил негромким, отчетливым голосом, свойственным тем командирам, которых слышно не потому, что они громко орут, а потому, что каждый хочет услышать, что они сказали.

– Я бы ее убил, – сказал Джамалудин Кемиров.

* * *

Джамалудин вернулся не один: вместе с ним в гостиную вошли еще двое. Один был тот самый блондин в красном спортивном костюме, с зубами, ровными, как клавиши пианино, и выправкой офицера элитных частей СС.

– Раджаб, – сказал ариец, сжав руку Кирилла, как тисками. Кирилл удивился. Он хорошо помнил, что Арзо называл парня Хагеном.

Второй был на голову ниже и лет на двадцать старше: его смуглая кожа расплзлась из-под глаз мешками, и черные коротко стриженные волосы переходили в курчавую черную бороду.

– Шапи, – представился кавказец.

Он сделал шаг и сел, и Кирилл поразился скорости его движений.

– Кирилл Владимирович, – сказал Джамалудин, – член Комитета всеми нами уважаемого зампрокурора Комиссарова. Федор Комиссаров прекрасно владеет темой Кавказа и имеет много высоких правительственных наград. Отмечен, между прочим, Орденом Мужества за спасение сына Владимира Владковского. Сейчас товарища Комиссарова прислали расследовать убийство полпреда, а Комиссаров, вот, в рамках этого расследования прислал к нам Кирилла Владимировича.

– Шапи, ты не убивал полпреда? – спросил Раджаб.

– Нет, – ответил Шапи, – а ты?

– Мы занимаемся не только убийством полпреда, – сказал Кирилл, – есть и другие преступления, которые мы расследуем.

– Например? – спросил Джамалудин.

– Когда меня везли сюда, мы проезжали мимо мэрии. Там был сгоревший игровой клуб со стеклянной пирамидкой перед входом. От чего он сгорел?

– А кто его знает, – ответил Шапи.

– Через пять минут мы проехали другой клуб, с такой же стеклянной пирамидкой, и он тоже сгорел. Они что, оба случайно сгорели одновременно?

– Так было угодно Аллаху, – отозвался Хаген-Раджаб.

– Разумеется. У Аллаха много странных желаний. Но ведь у твоего брата, Джамалудин, в Бештое тоже есть казино? И Аллаху было угодно, чтобы оно не сгорело вместе с заведениями ваших конкурентов?

Джамалудин переглянулся с друзьями и сказал:

– Тебе пора спать. Ты устал. Тебя проводят в твой номер.

– Я не останусь здесь ночевать, – ответил Кирилл, – у меня заказан номер на базе отдыха ФСБ.

Джамалудин улыбнулся и ответил:

– Это и есть база отдыха ФСБ, Кирилл Владимирович. Если номер тебя не устроит, позвони мне.

Они вышли вдвое к стылому озеру, и когда дверь домика распахнулась, джип на том берегу сразу заморгал фарами и медленно тронулся вдоль дорожки. Кирилл стоял и смотрел на черную воду, в которой отражались луна и фонари.

– Послушай, Джамалудин, – вдруг сказал Кирилл, – а ты помнишь, у Арзо, когда мы приехали, там был русский раб. Два русских раба. Вадик сидел в погребке, а эти работали по хозяйству. Ты не знаешь, что с ним случилось?

Джип подкатился к Джамалудину, и аварец распахнул дверь машины.

– Их было не двое, а трое, – сказал Джамалудин, – инженеры из Краснодара. Арзо украл их на стройке в Грозном. Арзо надеялся, что их выкупят, но у их семей совсем не было денег. Тому старику, о котором ты говоришь, отрезали голову, при видеокамере, а потом стали играть этой головой в футбол. Пленку они прислали другим в доказательство серьезности намерений. После этого оставшихся выкупили. Тр и тысячи долларов штука.

Кирилл опустил глаза.

– Бедный и богатый всегда будут в неравных условиях, – сказал Джамалудин, – даже в погребке у чечена.

* * *

Джамалудин сам сел за руль «Хаммера». Справа от него сидел белокурый парень по имени Раджаб, а на заднем сиденье Шапи возился с оружием.

Машина уже выехала за ворота и начала карабкаться вверх, когда Раджаб сказал:

– Не нравится мне этот Кирилл. Он случайно не еврей?

– Аллах не велит обсуждать человека за его спиной, – сказал Джамалудин.

– Говорят, он партнер Владковского. Надо было его украсть, – подумав, промолвил белокурый Раджаб.

– Говорят, Владковский его швырнул, – возразил Шапи, – у него теперь ни гроша.

– Если Владковский его швырнул, можно предложить ему украсть Владковского, – сказал Раджаб, – почему бы не помочь хорошему человеку?

Никто не стал обсуждать это коммерческое предложение. Джамалудин молча крутил руль, так, что шины взвизгивали на поворотах, и лицо его в свете приборной доски казалось лицом мертвеца.

– Слушай, – спросил спустя некоторое время белокурый Раджаб, – я вот все думаю, моя фамилия, Хазенштайн, может, это от чеченского «хуз⁴»?

– Это, наверное, от нашего «х'аз⁵», – сказал Джамалудин, и блондин по имени Раджаб обиженно заткнулся.

* * *

Однажды летом 1995-го года трое московских чеченцев задумали украсть коммерсанта по имени Морис. Несмотря на свое заграничное имя, Морис был татом. Причина, по которой чеченцы задумали его украсть, была очень уважительная. Дело в том, что у Мориса было два бизнеса, и в одном бизнесе его крышей были чеченцы, а в другом – аварцы, и Морис постоянно обещал чеченцам, что он будет платить им с того бизнеса, за который платит аварцам, а аварцам он постоянно обещал, что отдаст им чеченский бизнес. В результате Морис никогда не мог сдержать своих обещаний и то и дело попадал в неприятные ситуации.

⁴ Красивый (чечен.).

⁵ Гусь (аварск.).

В конце концов чеченцы решили разобраться с проблемой раз и навсегда: а именно – украсть Мориса и заставить его переписать на них весь имеющийся бизнес.

Вопрос о технической стороне дела был быстро разрешен, когда стало известно, что пятого числа Морис вместе с друзьями будет чествовать какого-то Раджаба, нового чемпиона мира по ушу-сяньда. Застолье должно было состояться в гостинице «Савой», платил за все, разумеется, Морис. Морис вообще восхищался спортсменами и отдавал им деньги совершенно бескорыстно. Был известен случай, когда он подарил чемпиону-вольнику шестисотый «Мерседес», и когда через неделю у «Мерседеса» сломался топливный насос, чемпион пришел к Морису среди ночи и избил его так, что Морис месяц провалялся в больнице.

Это не уменьшило восхищения Мориса спортсменами.

Было известно, что на чествование соберутся не только аварцы, но и вообще много известных в Москве людей, и у некоторых из них при себе, разумеется, будут пушки. Поэтому были заряжены менты, которые в разгар застолья должны были зайти в зал и забрать всех присутствующих. Мориса надлежало не арестовывать, а наоборот, оставить одного.

После того, как бандитскую публику развезут по изоляторам, планировалось прийти и изъять Мориса. Прелесть всей комбинации заключалась в том, что все стрелки переводились на несчастного тата. Ведь чего будут ждать арестованные? Они будут ждать, что Морис кинется выручать их с деньгами.

А что они подумают, когда выяснится, что Морис не только не кинулся выручать их с деньгами, но, наоборот, бесследно свалил?

Они подумают, что это Морис их слил.

Все сошло как нельзя лучше. Мусора ввалились в «Савой» в самый разгар веселья и разом выполнили месячный план по воров, стволам и наркотикам. Всех положили на пол, а кого-то и вбили в этот пол ниже плинтуса. Морис сидел за столом и икал от изумления. Кто-то из воров уже кидал на Мориса подозрительные взгляды: паранойя – профессиональное заболевание бандитов и диктаторов.

Всех увезли, а Морис остался посередине накрытых столов, – и в эту минуту в зал вошли трое чеченцев. Морис, всю жизнь страдавший из-за доверчивости, так и не сообразил, что происходит. Он решил, что новоприбывшие просто опоздали на чествование, и бросился к ним со словами:

– Аслан! Тут... Влада увезли! Керима взяли, надо срочно звонить, договариваться, Асланчик, если какие деньги...

Аслан сложил губы в ниточку и откровенно вынул из-за пояса пистолет с глушителем. Пистолет отвечал представлениям Аслана о прекрасном и габаритами немногим уступал зенитной установке. Ствол уперся в толстенькую индюшачью грудку Мориса.

– Пошли, – сказал Аслан, – через черный ход.

В этот момент дверь зала распахнулась, и на сцене появилось новое действующее лицо. Это был высокий – почти под два метра ростом – двадцатилетний парень в жемчужно-сером костюме с подобранным в тон галстуком. У парня были белокурые волосы, голубые глаза и белая нордическая кожа, обтягивающая аристократическое лицо с изящно вылепленными скулами и маленьким ртом.

Проклятый фриц, видимо приехавший на одну из бесчисленных конференций, проводившихся в залах «Савоя», ошибся комнатой. Мочить иностранца явно не требовалось, и Аслан повернулся так, чтобы заслонить от его взгляда пистолет с глушителем. Он ожидал, что докучливый посетитель повернется и уйдет, но глупый тевтон, вместо того, чтобы сообразить, что дело пахнет жареным, сделал шаг вперед и на безупречном германском наречии поинтересовался у чеченцев:

– Bitte entschuldigen, Ich suche...

Даже если бы Аслан и понимал по-иностранному, он бы так никогда и не узнал, кого именно ищет этот персонаж из «Кольца Нибелунгов». В следующую секунду левая ладонь арийца ударила вперед. Удар был такой силы, что мгновенно размозжил хрящи и вогнал носовую перегородку глубоко в незащитный мозг. Чеченец умер раньше, чем упал на землю. Незнакомец подхватил выпавший из его рук пистолет. Сухобрякнули два выстрела, белокурая бестия сгреб Мориса в охапку и приказал:

– Валим отсюда. Где братва? Что ваще, тут за цирк?

Спустя пятнадцать минут дрожащий от ужаса Морис сидел в «Мерседесе» напротив 83-го отделения милиции, куда увезли всех задержанных, а белокурый торговался с главным ментом о том, сколько будет стоить всех отпустить. Мент просил триста тысяч, но до десяти утра. «Если после десяти, – сказал мент, – будет пятьсот».

Они сошлись на двухстах пятидесяти, и белокурый, сев в машину, сказал Морису:

– Поехали за лавэ. В темпе.

Морис, разумеется, понимал, что деньги причитаются с него. Во-первых, это он был устроителем банкета. Во-вторых, как-то так всегда получалось, что деньги брали именно с него. Но больше всего его изумляло другое.

– А вы... кто... собственно? – спросил Морис.

Тевтон рассмеялся.

– А я, собственно, виновник торжества. Меня зовут Раджаб. И если ты когда-нибудь назовешь меня по-другому, я тебе глаза на жопу натяну и моргать заставлю. Понял?

* * *

Хаген Адриан Мария Хазенштайн родился в маленьком горном селе, которое называлось Мюнхен и было расположено в сорока километрах от Бештоя.

Это было одно из двух чисто немецких сел, находившихся между хребтами Алатау и Яналык. Немецкие колонисты были поселены там в середине 19-го века, дабы приучить диких горцев к порядку и единообразию, а буде возможность – обратить их в христианскую веру. Село состояло из аккуратных домиков с красными черепичными крышами и каменной лютернской киркой на главной площади. В 1944-м году оба села были высланы в Казахстан за компанию с чеченцами, и бабушка Хагена рожала его отца в теплушке с двумя чеченками-повитухами. Когда она умерла при родах, одна из чеченок выкормила дитя.

В 57-м немцы вернулись назад. Они нашли свое село занятым – в домики с черепичными крышами заселились аварцы, ногойцы и греки. Хазенштайн-старший взмошел на порог своего дома, который достался ему от деда и прадеда, посмотрел на черноволосых детей, играющих с кошкой, сел и заплакал. Кто-то тронул его за плечо, и, обернувшись, Адриан Хазенштайн увидел за собой высокого худого старика в барашковой шапке и с крючковатым посохом в руке.

– Тебе не стоит беспокоиться, – сказал старик, – это ваши дома, и вы будете в них жить. Клянусь Аллахом, нет преступления страшнее, чем отнять у человека дом, где жили его предки.

Горцы выполнили свое обещание: они ушли из немецкого села, как они ушли из чеченских сел, занятых новыми жильцами по приказу советской власти. Никто не покусился на чужой кров, а спустя немного времени на противоположном склоне горы, в десяти километрах от Мюнхена, выросло село-побратим, основанное теми, кто вернул дома их хозяевам.

Ничего не изменилось в селе Мюнхен: все так же блестело оно красными черепичными крышами, и коровы, выгоняемые по утрам на пастбище, все также звенели силезскими колокольчиками, и учительница в школе говорила с учениками начальных классов на языке Шиллера и Гёте. Вот только каменная лютеранская кирка на главной площади навсегда осталась

мечетью, и у новорожденных детей, помимо официального, в паспорте записанного имени, все чаще появлялось еще одно, домашнее. Например, Хаген – и Раджаб.

Маленький Хаген Адриан Мария Хазенштайн рос в доме, где горцы считались братьями. Он играл с мальчишками из соседних сел – аварского и чеченского, и частенько ему доставалось за его белокурые волосы и не желающую загорать кожу. Кто кричал ему «хъзахах⁶», а кто «лай⁷», и так было до тех пор, пока десятилетний Хаген, раздобыв где-то старый кинжал, не кинулся на своих обидчиков. Мальчишки разбежались, а предводителя Хаген поймал, и, зажав его горло между скалой и ножом, сказал: «Меня зовут Раджаб».

И так его и стали звать.

Не было в окрестных селах мальчишки, который откалывал трюки более опасные, чем Хаген. Он ловче всех лазил по скалам и взбирался на самые опасные кручи. Он ходил к гости к своим друзьям ночью, когда вдоль горной дороги был слышен вой волков, и он не раз и не два на спор переплывал Кара-Ангу во время половодья, когда река становилась похожа на взбесившегося быка, бросающегося на бурые тряпки скал.

Хагену было двенадцать лет, когда старик из соседнего села, тот самый, который когда-то вернул дом их семье, начал учить его читать Коран. Ему было пятнадцать, когда его заметил на отборочных соревнованиях немецкий тренер и пригласил тренироваться в Германии.

Нет антисемита более яростного, чем иной крещеный еврей. Нет русского националиста более отчаянного, чем армянин. Белокурый Хаген Адриан Мария Хазенштайн был фанатично влюблен в Кавказ. Он никогда не пропускал время намаза и соблюдал пост в месяц Рамадан.

Ему было двадцать пять лет, когда Кемировы купили ему пост замминистра внешнеэкономических связей в правительстве республики, и Хаген вместе с Зауром Кемировым поехал в составе делегации договариваться о западногерманских инвестициях в экономику РСА-Дарго.

Немцы были очарованы безупречным выговором Хагена и тем фактом, что чиновником многонациональной республики является чистокровный немец, и все шло совершенно отлично до той поры, пока на встрече не появилась депутат Бундестага, считавшаяся вероятным кандидатом на кресло канцлера. Пожилая светловолосая немка протянула руку замминистру внешнеэкономических связей республики РСА-Дарго, и тот сообщил ей на чистом немецком:

– Простите. У нас за руку с женщинами не здороваются.

Лишь одно обстоятельство омрачало жизнь Хагена Хазенштайна. Это было его прозвище, неизбежное, как снег зимой на Ялык-тау. Вся республика звала его Ариец.

* * *

Кирилл проснулся в час ночи от какого-то неясного беспокойства, царапавшегося о донце сна. Он долго тер глаза, а потом накинул куртку и вышел из гостевого домика на улицу.

Стояла морозная высокогорная ночь:верху не было ни облачка, и звезды были как крупная мелочь, выкатившая из желтой копилки луны. За озером, слева, вздымалась пологая гора, и Кирилл в свете луны впервые заметил на ее вершине настоящий замок: над пятиметровыми высокими стенами угадывались сторожевые вышки.

Лет десять назад Кирилл впервые приехал в Италию и увидел похожие замки на загоревших Аппенин; они возвышались над старыми городками, напоминая рождественские игрушки, и прожекторы у подножий высвечивали в ночном небе резные шпили, увенчанные флагами какой-то организации, охранявшей исторические памятники.

⁶ Незаконнорожденный (аварск.).

⁷ Раб (чечен.).

Здесь тоже были прожекторы: они были направлены вниз, беспощадно высвечивая каждую колючку на опоясывающей стену горе; сама же стена в безлунные ночи должна была казаться глыбой мрака.

Кирилл нахмурился, вызевывая остатки сна и пытаясь определить, что его подняло, а потом вдруг понял: машины. Площадка на другом берегу озера была совершенно пуста, а между тем вечером, когда он ложился спать, в том доме оставалось еще человек тридцать, и Кирилл, засыпая, слышал гортанные голоса и мужской смех.

Дорожка вдоль озера была перекрещена шпагами фонарного света, и тени от голых сучьев шевелились на ней, как муравьи. Кирилл прошел до главного корпуса; дверь была закрыта, но Кирилл каким-то шестым чутьем чуял, что комнаты на втором этаже (а там должно было быть что-то вроде казармы) пусты.

Кирилл обошел здание кругом и оказался на темном, тщательно выметенном плацу. По три стороны площадки располагалась профессиональная полоса препятствий: стена со следами вбитых в нее крюков, узкие бревна, беспощадно проложенные на пятиметровой высоте, и длинная полоса вспаханного солдатскими животами песка; над полосой была натянута колючая проволока. Когда, семнадцать лет назад, по таким полосам гоняли Кирилла, поверх проволоки бил настоящий пулемет, чтобы бойцы не вздумали задирать зад и привыкали к выстрелам. Глиняный взгорок в конце полосы ловил пули.

Зачем бы ни тренировал своих людей Джамалудин, он делал это не для того, чтобы выбивать дань из ларечников. Ларечники платили б ему и так.

В середине плаца располагалась огромная зеленая доска. На этот раз, ради разнообразия, она была украшена цитатой не из Корана. Изречение гласило: «Тот не мужчина, кто думает о последствиях. Имам Шамиль».

«База отдыха ФСБ, блин!» – подумал Кирилл, повернулся и пошел спать.

**Глава третья,
в которой сын президента республики лично
разбирается с собственными киллером, а
Джамалудин Кемиров играет последнюю партию
в покер в последнем казино города Бештой;
и в которой читатель присутствует на суде
шариата по факту кражи военного вертолета**

Когда Кирилл проснулся утром, солнце пробралось меж кружевных занавесок и плясало на широкой постели в бревенчатом домике.

База была по-прежнему пуста; на дорожке у домика скучал черный бронированный «Мерс» и при нем – вчерашняя тройца. Двухметрового водителя звали Ташов, а у автоматчиков-близнецов оказались самые удивительные имена, которые Кириллу когда-либо приходилось слышать. Кирилл сначала решил, что это их клички, но потом оказалось, что это все-таки имена. Одного звали Абрек, а другого – Шахид.

Абрек и Шахид сообщили, что мэр города Бештоя Заур Кемиров ждет его в своем кабинете, когда Кириллу Владимировичу будет удобно.

Кирилл позавтракал за огромным столом, за которым могли уместиться по крайней мере сотня человек, сел в машину и поехал в мэрию.

* * *

Бештой, один из старейших городов Северной Аварии, был основан при халифе ал-Мансуре, когда в 754 году наместник Йязид ас-Сулами переселил около двух тысяч арабов в крепость, основанную им на древнем торговом пути от Каспия к Грузии.

Монголы, разорив Дербент, не дошли до Бештоя – их лошади испугались вертикальных скал, уходящих к небу, и Бештой остался вольным обществом. В начале 18-го века жители этого общества стали на сторону Хаджи-Дауда, объявившего джихад против персов, и тогда в их краях впервые появились русские. Петр I пришел к Куршинскому перевалу, объявив, что он идет на помощь своему другу иранскому шаху Гусейну.

К началу XIX века Бештой стал одним из главных торговых городов в Прикаспийских горах. Иранские и армянские торговцы приезжали сюда обменяться товарами, дикие горцы спускались с вершин, чтобы купить нужное им у русских купцов, и в городе у каждого народа была своя слобода и свои обычаи.

Еще Бештой был одним из главных религиозных центров. В его медресе учили такому чистому арабскому языку, который нельзя было найти даже в Египте, и именно из этих медресе гонимые ислам в языческие села и горы.

Потом Бештой оказался под властью имама Шамиля. С улиц города пропали женщины в шляпках и европейских платьях, в городе закрылся единственный театр, исчезла музыка. В городе поселилось довольно много беглых русских солдат, которые делали для Шамиля пушки и порох. Однажды имам позвал их и сказал:

– Нехорошо, что вы живете без Бога. Я не буду заставлять вас принимать ислам, но вы должны найти себе своего попа и построить церковь.

Так в Бештое построили первую православную церковь. Потом большевики устроили в ней тюрьму.

После падения имамата в Бештое обосновался русский гарнизон. На склоне Ялык-тау выстроили крепость Смелую, и под ее сенью город снова ожил, зашевелился и вырос. К концу 19-го века в Бештое жили армяне и греки, аварцы и кумыки, чеченцы и грузины, евреи и сирийцы, курды и казаки. Бештой превратился в один сплошной восточный базар; каждый дом был лавкой, каждый двор – прилавком, и улицы его тянулись, как огромный торговый молл, – на одной улице курага, изюм и вяленые засахаренные фрукты, на другой – седла и уздечки, все, что нужно джигиту, а на третьей – великолепные кинжалы, сплошь с золотой и серебряной насечкой, отрада богачей и заезжих бытописателей. А на четвертой – скромная маленькая лавка, где можно было, придя по рекомендации, купить длинный кинжал с кожаными ножнами, невзрачный на вид, – но зато такой кинжал не гремел в походе, и потная рука не соскальзывала с ножен, когда надо было выхватить его в середине боя.

Но больше всех Бештой славился своими лошадьми. Существовала даже особая бештойская порода лошадей, – выносливая, невысокая, с копытами стаканчиком и головой, похожей на клюв, – не гоночный арабский скакун, не представительская английская кобыла, а мощный джип-внедорожник, приспособленный для гор и скал.

Большевики пощадили половину купцов, но они расстреляли всех лошадей. В Бештойской ЧК был специальный план по расстрелу лошадей, как классово чуждого элемента.

Чекисты тогда окружали села и просили выехать из них всех горцев на лошадях. Потом к лошадям подходил ветеринар и говорил, что они больны чумой. Потом лошадей расстреливали, а горцев с седлами отпускали. Ночью горцы возвращались назад и обносили это место стеной, как лошадиное кладбище. Они понимали, что лучше пусть расстреляют лошадей, чем их и их семьи.

Большевики же считали, что горец без лошади – это уже не горец. Это новый классовый элемент, пригодный для построения равноправия. Им было видней: коммунизм в Бештое устанавливал бывший офицер Дикой Дивизии, отчаянный мусульманин и враг казаков, глава 1-й Красной Шариатской Дивизии Амирхан Кемиров.

Бештойский район был образован в 1922-м году. В нем было поровну чеченских и аварских сел, но он, как и соседний Халинский, отошел Чечне. Однако в 1944 году чеченцев выселили, а через месяц после того, как это случилось, товарищ Сталин призвал к себе первого секретаря ЦК компартии республики Северная Авария-Дарго и сказал: «Мы тут подумали и решили выселить и аварцев. Что вы думаете?» Секретарь компартии подумал и сказал: «Я готов поклясться моей головой, что ни один человек из моего народа не пойдет против России. Если надо, все наши мужчины запишутся в армию добровольцами».

Аварцы очень испугались, что их выселят, и поэтому все стали записываться в армию добровольцами.

На самом деле товарищ Сталин не собирался выселять аварцев. Из двух соседних народов он всегда выселял только один. Балкарцев он выселил, а кабардинцев оставил; ингушей он выселил, а осетин оставил; чеченцев он выселил, а аварцев оставил. И он всегда отдавал земли выселенного народа тому, который остался.

И Бештойский район, так же как и соседний Халинский, отошел Аварской АССР.

В 70-х годах в Бештое выстроили военную базу и два завода: один производил тепловые блоки наведения для баллистических ракет, другой – нефтегазовое оборудование. Завод тепловых блоков умер в середине 90-х, а нефтегазовый уцелел благодаря Зауру Кемирову. Был еще и третий, производивший водопроводные трубы. Он издох, но в его цехах делали направляющие для НУРСов. Этот продукт пользовался повышенным спросом во время первой чеченской. Благодаря ему неразорвавшийся НУРС, предназначенный для пуска с вертолета, можно было запустить с любого удобного места.

Вместе с заводами в Бештой завезли большое количество русских. В середине 90-х они оказались без работы и первыми начали уезжать из Бештоя. Чем меньше высококвалифицированной работы оставалось в городе, тем больше уезжали русские; чем больше они уезжали, тем меньше работы в нем оставалось. К тому же русские были самой незащищенной частью населения. Их первыми кидали при сделках и считали глупостью им платить.

А затем в Бештое избрали мэром внучатого племянника красного шарията Амирхана.

* * *

Над Бештоем снова сверкало солнце, и разница температур между ночью и днем была почти как разница между зимой и летом. По улицам бежали ручьи, с крыш не капало, а хлестало.

К некоторому удивлению Кирилла, город вовсе не выглядел обшарпанным и облезлым. То есть конечно, по сравнению с каким-нибудь Дюссельдорфом Бештой был страшной дырой, – но по сравнению со среднерусскими городами эпохи завершившейся перестройки Бештой выглядел очень и очень неплохо.

Предмestья превратились в бесконечные ряды пакгаузов, со всех сторон Кирилл видел распахнутые ворота складов и тушки автопогрузчиков. За складами потянулись частные дома, закутанные в хиджабы глухих заборов, широкие бульвары в центре были тщательно выметены, и кучи желтых листьев выплывали из снега у стен переделанного в мечеть кинотеатра. Прямо в ограду мечети были встроены лавки и маленькие кафе. Сразу за мечетью торчал огромный указатель, – стрелка направо указывала направление на авторынок, стрелка налево – на радиорынок, а стрелка прямо гласила: «Рынок „Свободный“».

Кирилл, из любопытства, велел ехать прямо.

Рынок «Свободный» начинался прямо от площади Свободы, что слева от мэрии, и занимал все пространство бывшего футбольного стадиона. Половина рынка ютилась в ларьках, а другая половина – под огромной гофрированной крышей нового павильона, и в глубине Кирилл заметил строящееся здание мегамаркета.

Люди сновали непрерывным потоком, между рядов покупателей, оглушительно сигналя, пробирались маленькие грузовички, и когда московский проверяющий, сопровождаемый Ташовым, остановился в воротах безбрежного авторынка, к нему немедленно подошел невысокий черноволосый кавказец, кучковавшийся в группе таких же ребят, и спросил Кирилла, какая машина ему нужна – угнанная или чистая.

– А какая разница? – спросил Кирилл.

Оказалось, что разница та, что угнанная вдвое дешевле, и такая честность продавцов изумила Кирилла; впоследствии уже Кириллу сказали, что судебная очистка угнанных машин была одним из главных народных промыслов ментов. Сравниться с ним могла разве что добыча нефти из нефтяной трубы; и один гаишник так разбогател на этой очистке, что даже купил себе пост главного судебного пристава.

На вещевом рынке Кирилл зашел в магазинчик мужской одежды и с удивлением увидел небольшую, но хорошо подобранную коллекцию известных марок, цены на которую были вдвое ниже московских. Это сразу решило проблемы Кирилла: во вчерашней рубашке он чувствовал себя прескверно.

Пока московский проверяющий возился с покупками, наступило время намаза, и Ташов тихонько осведомился у продавщицы, не найдется ли для него укромного местечка.

Девушка вздрогнула, услышав голос Ташова, и обернулась к нему. У нее было необычайно белое для горянки лицо, с взлетающими вверх дугами бровей и совершенно черными глазами. Из-за тщательно заколотого под подбородком платка личико ее казалось почти круг-

лым, и Ташов не мог рассмотреть, какого цвета у нее волосы. Даже под мешковатой одеждой девушка казалась тонкой, как нитка черного жемчуга.

Она выглядела точь-в-точь как мать Ташова, на единственной оставшейся у него фотографии тридцатилетней давности, когда она снялась вместе с отцом.

Ташов замер, а девушка залилась яркой краской и сказала:

– Я вам покажу.

Спустя секунду Ташов оказался в подсобке, где висели нераспакованные еще коллекции. Ту т же, в закутке, была и старая ванная. Возле неработающего крана стоял кувшинчик с водой. Ташов вымыл руки и ноги, пригладил волосы и снова вышел в подсобку.

И тут он остолбенел второй раз. Вся задняя стена подсобки, которую он не видел, входя, была заклеена его собственными фотографиями. На одной из фотографий он был в белом кимоно и с огромным позолоченным кубком в руке, а другая была та, где он снялся вместе с президентом Аслановым на чествовании. Тогда Ташова попросили надеть все его медали, и, если честно, в этих медалях он точь-в-точь походил на бульдога с выставки.

Ташов снова вспомнил взгляд, который кинула на него девушка в черном платке, и у него вдруг защемило чуть пониже того места, куда его ранили месяц назад, а ранили его чуть повыше сердца. По правде говоря, намаз у него получился совершенно никакой, потому что во время молитвы не полагается думать о посторонних вещах.

* * *

Кирилл прибыл в мэрию к полудню. Мэр Бештоя Заур Кемиров предоставил Кириллу все документы, которые тот потребовал, и выделил ему небольшой кабинет на втором этаже.

Часа через два Кирилл вышел в коридор, и, обнаружив комнатку с буквой «м», зашел внутрь. Он надеялся, что там не будет слишком грязно.

В комнатке было очень чисто. Она была разделена на две части. В одной был деревянный пол, а в другой – покрытое ковром возвышение, и рядом с деревянной частью в пол было вделано что-то вроде душа. Тут же стоял медный кувшинчик.

Кирилл вышел наружу, внимательней изучил смежные помещения с буквами «м» и «ж» и обнаружил под ними еще одну надпись: «молельная комната». Когда он оглянулся, он увидел, что за ним стоит невообразимо древний старик в папахе и внимательно на него смотрит. Кирилл покраснел, как свекла, и пулей поскакал к себе в кабинет.

* * *

Было уже три часа дня, когда к Кириллу в мэрию подъехал начальник милиции города Бештоя. Кирилл хотел расспросить его о том, как продвигается расследование поджога казино.

Начальник милиции оказался тот самый Шапи, с которым его познакомил вчера Джама-лудин.

Шапи – веселый, полный, с желтовато-смуглым лицом, сеточкой морщин напоминавшим дыню, не вошел в кабинет, а скорее влетел. Он шумно обнялся с Кириллом, вывернулся из куртки, как медведь из шкуры, плюхнулся напротив москвича в кресло и немедленно поко-сил на именной портсигар, лежавший поверх разложенных на столе бумаг.

– Дорогой? – сказал начальник милиции города Бештой.

– Да, – ответил Кирилл.

– Убери, а? Старые привычки...

Засмеялся и добавил:

– Поехали пообедаем.

Кирилл ожидал, что они будут обедать в городе, но ошибся. Через сорок минут езды по заваленному снегом серпантину черный джип безо всякой брони привез их в крепость Смелую, расположенную на высоте в две тысячи метров на склоне Ялык-тау. Военного значения крепость давно не имела, но стены ее сохранились в хорошем состоянии – при советской власти здесь построили санаторий ЦК.

Поверх стен бежала колючая проволока, и глухие ворота на тщательно оборудованном блокпосте поползли вбок, как только охрана увидела джип начальника УВД.

Шапи подкатился по вычищенному асфальту к какому-то каменному зданию, примыкавшему к стене – не то каземат, не то склад, вышел из машины и повел Кирилла на стену.

Кирилл глянул – и него закружилась голова, то ли от вида, представшего перед ним, то ли от легкой нехватки кислорода.

В голубом небе не было ни облачка, раскаленная корона солнца висела над Ялык-тау, и складки снега спадали с нее, как горностаевая мантия, расшитая драгоценными камнями. Повсюду, куда ни кинь глаз, лежали бескрайние изломанные горы, с белыми склонами и рыжими вертикальными срезами скал, и только далеко слева был виден кусочек Бештоя и спичечные коробки его домов и мечетей.

Стена, на которой они шли, была шириной в полтора метра; основание ее утопало в колючем кустарнике и сугробах, и в полуметре от Кирилла в бойницу смотрела бронзовая пушка, похожая на крокодила на колесиках. Стрелять пушечка уже не могла, но по-прежнему глядела на дома и мечети Бештоя.

Некоторое время стена шла поверх горы; там же, где стена смыкалась со старой цитаделью, она обрывалась пропастью. Кирилл глянул вверх, и заметил, что в цитадели старая кладка надстроена свежим кирпичом; мирно гудел кондиционер, в окнах третьего этажа были стеклопакеты.

Они повернули направо и спустились к главному входу по крытой галерее поверх пристроенного крыла.

В 1930-х годах разрушенную при штурме цитадель перестроили под сталинский ампи́р. Перед бело-желтым портиком с колоннами были разбиты клумбы, и из снега торчали засохшие стебли. Крыло было только одно, слева, и его широкие окна представляли странный контраст с глухими стенами основного здания. Второе крыло построить было нельзя: там была пропасть.

Красные ковровые дорожки помнили, наверное, еще Брежнева. В холле висел портрет членов ЦК и чернобородый красавец в черкеске с васильковыми погонами и наганом времен Гражданской войны. Из застекленного зимнего сада, расположенного позади столовой, открывался головокружительный вид на скомканные горы, брошенные вниз чьей-то сердитой рукой и вечно тянущие свои изломанные пальцы к расплавленному пятаку солнца.

Там, в зимнем саду, им и подали обед.

Кирилл предпочитал итальянскую и японскую кухню, и при виде хрустальных графинов и черной икры он сразу понял, что меню в этой гостинице было составлено в том же веке, в котором были постелены красные ковровые дорожки. Стол заставили так, как будто собирались накормить десяток генералов. Кирилл боялся, что его начнут потчевать спиртным, но, к его удивлению, Шапи сам не пил и Кириллу не предложил. Вместо водки на столе стоял шипучий лимонад с наклейкой «фирма „Кемир“ и минералка с такой же этикеткой.

– Я извиняюсь, – сказал Шапи, – что Заур Ахмедович не с нами. У него сегодня куча дел. Он в Чечню поехал, одного аварца повез.

– Зачем?

– Он чечена убил. Ножом. В сердце.

Шапи откинулся в кресле, прожевал кусок мяса и добавил:

– Чечен его ограбить хотел. Прямо на глазах у всего рынка, пистолет достал, а наш его ножом.

– И что же? – заинтересованно спросил Кирилл.

– Да чечены, – сказал Шапи, – сами рукой машут, знаем, какой наш был. А все же обычай есть обычай. Заур его на цепи повез. У них такое правило, когда кровника на суд приводят, прямо на цепи и ведут. И цепь отцу убитого передают.

Кириллу еще не приходилось слышать, чтобы в обязанности мэра российского города входили перевозки избирателей на цепи.

– И что теперь будет? – с замиранием спросил Кирилл, – неужели... его убьют?

– Простят, – уверенно сказал Шапи, – в прошлом году одного так возили, так он той семье вместо сына стал. Каждую неделю туда ездит.

Кирилл помолчал и спросил:

– А как продвигается дело о поджоге казино?

– Слушай, как ему продвигаться? – возразил Шапи, – у меня второй месяц киллеры сидят. Им Идрис, дурак, меня заказал.

– И доказательства есть, что это он?

– Да они ему троюродные братья, – сказал Шапи.

– И это все доказательства?

– Варя! – закричал начальник милиции города Бештой, – Варенька! Принеси-ка нам чайку, да варенья... Я их что, на бутылку буду сажать? Как Гамзат?

– Какую бутылку? – ошеломленно спросил Кирилл.

– С шампанским. Ну, то есть без шампанского. Из-под.

И начальник милиции города Бештой руками показал форму бутылки, которую сын президента республики использовал для разговоров с подозреваемыми. Кирилл чуть не подавился лепешкой, а Шапи зевнул, бросил в рот горстку орехов и сказал:

– Да ну. Убью я их.

Когда они вышли из гостиницы, было уже пять вечера.

Две вершины Ялык-тау напоминали согнутую лодочкой ладонь, и в этой ослепительно белой ладони плескалось синее небо.

Каменные хребты разбегались во все стороны, разъезжались, как ножки годовалого жеребенка, и где-то внизу, у подножья горы, возле аэродрома, бесшумно месил воздух крыльями военный вертолет.

Кирилл глядел на бескрайнюю изломанную землю, и не мог понять, почему люди так любят убивать друг друга в крае, в котором, чтобы понять истинное место человека, не надо подниматься в космос или читать Платона, а надо просто забраться на ближайший склон и глянуть вниз.

Они уже садились в машину, когда начальник УВД города Бештой, натянув поглубже черную шерстяную шапочку и швырнув в бардачок пистолет, сказал:

– Дикий народ эти чечены. На цепи, понимаешь, его надо вести. Где ты в аварском селе видел, чтобы кровника на цепи вели?

Уже потом Кириллу сказали, что красавца в черкеске с погонами НКВД, портрет которого висел в холле, звали Амирхан Кемиров. В 1919 году 1-я Красная Шариатская дивизия Кемирова взяла крепость Смелую, последний оплот деникинских казаков, и тогда же Амирхан приказал вырезать все соседние казачьи поселения.

В 1923-м году Амирхана Кемирова отозвали в Москву, и он некоторое время изумлял товарищей по партии, расстилая во время заседаний Совнаркома ковер для намаза. В 1927 году трое ближайших друзей Амирхана ушли в абреки, и Амирхана арестовали, осудили и расстреляли в течение недели.

* * *

На следующий день после отъезда Водрова в Бештой глава Чрезвычайного Комитета Федор Комиссаров зывал к себе в кабинет человека по имени Сапарчи Телаев.

Сапарчи Телаев был из очень знаменитой семьи. Его старший брат был тот самый Гаджи, который ограбил свадьбу. Его средний брат прославился тем, что когда начальник СИЗО обложил его по матушке, средний брат выхватил заточку и всадил ее начальнику СИЗО по самое пузо.

Сам Сапарчи впервые сел в тринадцать лет. По правде говоря, он совершенно не соби-
рался садится в тот день в тюрьму. Он тогда возвращался с тренировки, и так случилось, что на площади он встретил двух взрослых мужчин, которые обложили его по матери. Если бы это были его ровесники, то Сапарчи, конечно, стал бы с ними драться. Но Сапарчи было трина-
дцать лет, и он понимал, что ему не совладать с двумя взрослыми мужиками.

Поэтому Сапарчи ушел домой и вернулся через пятнадцать минут. В руках его было охотничье ружье. Мужики сидели на том же месте и выпивали. Сапарчи прицелился и попал одному мужику в живот, а второй бросился бежать и получил пулю в плечо.

Из-за высокого авторитета семьи и собственной деловой хватки Сапарчи был уважаемым человеком еще в начале перестройки, но настоящее уважение к нему пришло, когда в начале девяносто четвертого года он принял участие в операции под названием «фальшивые авизо».

По правде говоря, собственно авизовками занимался не Сапарчи, а его чеченские парт-
неры. Именно они учреждали липовые фирмы и подделывали платежки, а потом убеждали операционисток заплатить по фальшивым документам миллионы долларов.

Что же касается Сапарчи, то его роль в операции была не так велика: он должен был непосредственно снять семьдесят миллионов долларов со счетов в Торби-кале и привезти их в Грозный. Деньги Сапарчи снял, но чеченцы их так и не получили. Это случай вырос в большие препирательства между Сапарчи и чеченцами.

Вот уже пять лет, как Сапарчи Телаев был полностью парализован ниже пояса. Несмотря на это, он четыре часа в день проводил в спортзале и поэтому верхняя половина его туло-
вища выглядела как улучшенная модель Терминатора. Кроме этого, Сапарчи приказал вделать в ручки своего инвалидного кресла тайники для оружия, и очень гордился тем, что съездил с этим креслом в Америку. Глупые американские пограничники и предположить не могли, что калека на инвалидной коляске тащит с собой целый арсенал, хотя для того, чтобы узнать это, им достаточно было спросить любого таксиста в Торби-кале.

Но что взять с американских пограничников: это ограниченные и нелюбопытные люди, которые затвердили, как попугаи, несколько слов из Билля о правах, и даже не знают, где на глобусе эта Торби-кала.

В тот момент, о котором мы ведем свой рассказ, Сапарчи возглавлял компанию «Авартрансфлот». Он возглавлял эту компанию в течение последних десяти лет с коротким перерывом, когда его на некоторое время заменил человек по имени Хизри. Но Хизри Бейбу-
латова взорвали три месяца назад вместе с полпредом Панковым, и Сапарчи снова стал главой «Авартрансфлота».

Вот такого человека и позвал себе в кабинет глава Чрезвычайного Комитета Федор Комиссаров.

Комиссаров встретил Сапарчи на пороге кабинета. Он долго тряс ему руку, а потом пока-
зал Сапарчи на низенький журнальный столик, находившийся возле двери в комнату отдыха. Одно из кресел около столика было отодвинуто, чтобы Сапарчи мог вкатить туда свою коляску.

Обычно Комиссаров употреблял этот столик для долгой задушевной беседы. Федор Александрович, как опытный чиновник, давно заметил, что если человек сидит за официаль-

ным столом, он напряжен и насторожен, а если ему предложить чай в глубоком кресле за низеньким столиком, он настраивается на более дружественный лад.

Относительно Сапарчи это правило не действовало. Он предпочитал сидеть за столом, из-за которого были видны только его могучий торс и бицепсы, а низенький столик с беспощадной ясностью подчеркивал высокие колеса его инвалидного кресла и клетчатый плед на исхудавших коленях.

Те м не менее Сапарчи одним движением пальцев подкатил свое кресло к столику, и Комиссаров тяжело уселся напротив него.

– Уважаемый Сапарчи Ахмедович, – сказал ему Федор Комиссаров, – как вы знаете, мой Комитет расследует убийство полпреда Российской Федерации Владислава Панкова и главы «Авартрансфлота» Хизри Бейбулатова. И у нас есть такая версия, что это было сделано, чтобы вы могли получить обратно «Авартрансфлот».

От такого вопроса Сапарчи слегка растерялся. Дело в том, что он отдал бы любые деньги, чтобы убить Хизри Бейбулатова, но так получилось, что это сделали другие люди.

Взрыв был самым настоящим терактом, и это знали все. Более того, все знали имена исполнителей, потому что после того, как полпреда РФ выкинуло из разорванной машины и он лежал, умирая, на обочине, к полпреду подошли три человека и всадили ему, каждый, по пуле в голову. Эти три человека проделали все это под видеокамеру, и чтобы никто не ошибся, они сняли маски. В результате получился такой рекламный ролик боевиков. Люди переписывали его с мобильного на мобильник.

– Под машиной полпреда взорвалась ФАБ-250, – напомнил Комиссарову Сапарчи. – Всего таких взрывов было четыре, и следствию прекрасно известно, что все эти бомбы ставили люди Арсаева.

– Да, – согласился москвич, – но именно вы предупредили Арсаева о времени и маршруте следования. У нас есть показания.

Сапарчи Телаев не знал, есть ли у Комиссарова такие показания, но он понимал, что было бы желание, а показания будут. Для того, чтобы изготовить показания, достаточно было отловить на базаре любого человека и отвезти его на авиабазу в Бештой. На авиабазе в Бештое были специальные собаки с вырванными зубами. Эти собаки предназначались для того, чтобы кусать мужчин за разные дорогие им части тела. Если бы Федора Комиссарова завезли на авиабазу в Бештой и оставили там на два дня, то за эти два дня он успел бы наговорить на четыре пожизненных срока.

– Сколько? – спросил Сапарчи.

– Миллион, – ответил Комиссаров, – полпред все-таки.

– Миллион это бы стоило, если бы я хоть пальцем притронулся к полпреду, – возразил Сапарчи, – триста тысяч.

– Семьсот тысяч, – сказал Комиссаров, – вы общались с Вахой Арсаевым. У нас есть документальное свидетельство, что вы подарили ему бронированный «Мерс».

Они сошлись на пятистах.

* * *

Сапарчи Телаев очень не любил ваххабитов. У него с ними была непримиримая вражда. Вражда эта началась еще в то время, когда Телаев не был бизнесменом, а был авторитетом.

Он считался авторитетом достаточно долго, и в девяносто четвертом, когда Джамалудина не было в Бештое, он даже помогал решать проблемы Зауру. На этом основании он любил повторять, что является крышей Заура, хотя всегда очень тщательно следил за тем, чтобы Заур этого не услышал.

В двухтысячном году на самой окраине Бештоя был пункт приема металлолома, и в этот пункт таскали все, что федералы оставили в горах Чечни, а там было довольно много металлолома. Пункт этот был под крышей Сапарчи.

Как-то двоюродный племянник Сапарчи сидел в этом пункте и принимал металлолом, когда к воротам подъехал грузовик. В кузове грузовика лежали остатки вертолета, а из кабины грузовика выпрыгнул Ваха Арсаев.

Ваха тогда еще не был так знаменит, как впоследствии, но он считался эмиром Бештойского района и был, разумеется, в федеральном розыске.

Ваха поздоровался с племянником Сапарчи – его звали Джамал, – и предложил купить у него металлолом. Джамал заглянул в кузов, и ему показалось, что дело нечисто. Какой-то вертолет был слишком аккуратный. Обычно вертолеты привозили в мешках.

– Откуда эта рухлядь? – спросил Джамал.

Ваха засмеялся и сказал, что это не забота Джамала. Из его ответа Джамал понял, что вертолет совершил аварийную посадку, и так как ему не очень хотелось связываться с Вахой, он заплатил ему деньги, но на всякий случай записал номер машины.

Ваха уехал; а через два часа к воротам подъехали два особиста. Они разыскивали списанный вертолет, который ночью кто-то порезал на части, да и продал с базы, и оказалось, что это был тот самый вертолет, который ваххабиты продали Джамалу. Особисты опознали вертолет и потребовали у Джамала сказать, кто был продавцом, и Джамал, чтобы отвязаться от них, назвал им номер грузовика.

Вот особисты поехали обратно на базу, а по пути завернули на рынок, и надо же такому случиться, что они увидели, как возле кафе напротив рынка тормозит этот самый грузовик. Из грузовика вышли трое и пошли в кафе.

Особисты очень обрадовались. Они зашли в кафе и увидели, что оно полно народу. Трое посетителей как раз усаживались за столик ближе к выходу, и по их повадкам было видно, что они пользуются тут некоторым авторитетом.

Старший из особистов, лейтенант Гавриленков, подошел к людям из грузовика и спросил у того, кто постарше:

– Это твой грузовик?

– Мой, – ответил Ваха Арсаев, встал и выпустил в Гавриленкова две пули в упор.

История эта наделала много шума. Тягали Джамала, тягали хозяина кафе и всех посетителей (впрочем, посетители ничего не помнили и никого не узнавали). Спустя четыре дня газета «Новости Пензы» написала, что уроженец их города лейтенант Гавриленков ценой своей жизни остановил грузовик, груженный тонной тротила и спас от взрыва Бештойский рынок, и на основании этой статьи Гавриленкову дали Героя России.

Вот все успокоилось, и прошел месяц, и еще другой, и Сапарчи передали, что его ищет эмир Бештойского района Расул.

– Кто такой эмир Расул? – удивился Сапарчи.

– Его раньше звали Вахой Арсаевым, – ответили ему.

Ваху Сапарчи знал очень хорошо. Когда-то Ваха работал в бригаде наперсточников, которую Сапарчи крышевал.

На следующий день Сапарчи встретился с Вахой, и эмир сказал ему:

– Твой родич поступил не по понятиям. С тебя миллион за то, что он сдал мусорам тех, кто привозит ему товар.

Сапарчи удивился и сказал:

– Эй, Ваха! Ты у нас специалист по понятиям или по Аллаху? Если ты теперь эмир и Расул, так и думай об Аллахе, а не о бабле!

Тогда Ваха усмехнулся и сказал:

– Твой родич предал бойцов за веру. Он сдал их кяфирам, и за это с тебя штраф в миллион долларов.

Сапарчи увидел, что он выходит виноват и так и так, но так как ему было жалко денег, он закусил губу и сказал:

– Давай обсудим этот вопрос завтра у въезда в город.

– Что ты колотишь понты? – спросил Ваха, – кого ты можешь выставить? Двадцать наркоманов, которые нюхают клей и годны только для того, чтобы пугать торговков на рынке? А я могу выставить три тысячи молодых парней, которые не пьют, не курят, и занимаются спортом.

Сапарчи поразмыслил и нашел, что эмир Бештойского района прав, и чтобы не связываться с Вахой, он подарил ему в качестве отступного бронированный «Мерс».

Ваха некоторое время ездил на этом «Мерсе» по республике, а потом он стал замечать, что «Мерс» постоянно обстреливают. Его обстреляли раз, и другой, и третий, и Ваха сначала думал, что это происходит потому, что федералы его усиленного ищут. А после третьего обстрела Ваха загнал «Мерс» на техобслуживание, и члены джамаата вытащили из него вмонтированный радиомаячок.

После этого случая Ваха называл Сапарчи не иначе как мунафиком, фитнесом и сыном Шайтана, и спасло Сапарчи только то, что вскоре Ваха отколол свой номер с роддомом.

Та к или иначе, в результате все этой истории Сапарчи Телаев, глава «Авартрансфлота» и один из самых авторитетных людей республики, стал непримиримым противником ваххабитов. И шить ему убийство Панкова в этой связи было просто нечестно.

* * *

Кириллу пришлось уехать из Бештоя на следующее утро. В горах возле села Курши федералы вступили в бой с группой боевиков и накрыли бункер с оружием и подрывной литературой; Кирилл попросил у Шапи сопровождение и поехал в Курши.

Федералы оказались спецгруппой «Юг». Арзо сказал Кириллу, что бой вели его люди и что боевики ушли.

Никакого бункера тоже не было.

Не было вообще ничего, кроме утоптанной, словно кабаньей лежки в горах, и двух десятков консервных банок возле погасшего, но еще не замеченного снегом костра. По приказу Арзо костер разожгли снова, и замерзшего Кирилла накормили из такой же банки.

В горах было минус десять, и ветер, казалось, сдувал мясо с костей.

Арзо тронул Кирилла за плечо и показал куда-то налево, туда, где лес переходил в нагромождение скал, похожих на взбесившуюся кардиограмму.

– Вон туда они ушли, – сказал Арзо, – в пещеры. Та м такие пещеры, что по ним до Америки можно дойти.

– Давайте спустимся в пещеры, – заявил Кирилл.

Федералы Арзо и милиционеры Шапи переглянулись друг с другом, а Арзо бросил Кириллу автомат и сказал:

– Иди. Если найдешь мою руку, принеси. Та м на ней часы были хорошие, командирские. Седьмой год о них жалею.

Чеченцы и аварцы захохотали так, что Кирилл испугался, что с гор сорвется лавина.

* * *

Мэр города Бештоя Заур Кемиров проводил в своем кабинете совещание по вопросу оплаты жилищно-коммунальных услуг, когда ему сообщили, что его брат вернулся в город. Заур нажал кнопку селектора и попросил секретаршу разыскать Джамалудина.

Джамалудин появился в кабинете Заура через сорок минут. Видимо, он успел вымыться и переодеться. Он был не в камуфляже, а в черных удобных брюках и белом свитере. Подбородок его был тщательно выбрит, и темные его глаза блестели, как у рыси после удачного прыжка.

Заур внимательно оглядел брата, а потом раздернул занавески и показал на сгоревшее казино.

– Тебе не следовало этого делать, – сказал Заур.

– Игра – недозволенная вещь, – ответил Джамалудин, – а этот человек еще мухлевал и врал. Я предлагал ему деньги, чтобы купить его бизнес, а он отказался. Что ж, случилось так, как хотел Аллах.

Глаза Заура стали серо-стального цвета.

– Не путай себя с Аллахом, – сказал мэр города, – что говорят люди? У меня казино осталось, а у конкурента – сгорело.

– Если ты закроешь свое казино, они не скажут ничего.

– Не указывай, как мне делать бизнес, – и Заур, хлопнув дверью, ушел в комнату отдыха.

* * *

Вечером того же дня черный «мерседес» Джамалудина остановился у казино, принадлежащего Зауру Кемирову. В этот поздний час казино, расположенное на одном из центральных проспектов города, было единственной ярко освещенной точкой на всей улице. Перед расцветным огнями стеклом, задрав колеса на постаменте, стояла белая «Нива», которую ежемесячно разыгрывали в казино, и возле «Нивы» блестел сотканный из электрических лампочек силуэт женщины в вечернем платье; в руках женщина держала неоновое слово «Удача», и то же самое слово бегало вдоль и поперек по кресту вывески.

За карточным столом в покер перекидывались пятеро: глава районного суда Шамиль Архагов, хозяин одного из бештойских рынков Станислав Ажаев, начальник Бештойской авиабазы генерал Селиверстов, да глава спецбатальона «Юг» полковник Хаджиев. Пятым в этой компании был еще один чеченец по имени Мовсар. В прошлом он был влиятельный полевой командир, а сейчас он возглавлял районное отделение «Единой России» и районную комиссию по выплате компенсаций за разрушенное жилье.

Компенсации выдавались из расчета двадцать процентов отката, если жилье было, и пятьдесят процентов отката, если жилья не было. Через полгода после начала выдачи количество компенсаций, выданных за жилье, в полтора раза превысило количество жителей района до начала боевых действий.

После этого какая-то гнида наябедничала на Мовсара, его выгнали за воровство и посадили на это место русского. Мовсар привел русского в его кабинет и приковал там к батарее наручниками. Та к у них и повелось выдавать компенсации: Мовсар сидел рядом, а русский подписывал. На ночь русского отвязывали и увозили к Мовсару домой.

В общем, за год компенсаций Мовсар скопил столько, сколько он не скопил за два года торговли журналистами.

Те м не менее Мовсару, с тех пор, как он с журналистов перешел на компенсации, не хватало остроты ощущений, и он регулярно ездил в Бештой, благо город был главным региональным рынком на Северном Кавказе. В Чечне рынков не было вовсе, а в Торби-кале они были почему-то дороже, и вся горная Авария и Чечня покупали товары в Бештое.

А где рынки – там и рестораны, и казино.

Выигрывал Мовсар; стопка фишек перед ним уже переросла пятьдесят тысяч долларов, а хозяин рынка хмурился и кусал губы. Арзо тоже проигрывал, но по его лицу ничего нельзя было прочесть: Арзо мог бы проиграть последнюю руку и при этом не моргнуть последним глазом.

Мовсару играть надоело, но он был в выигрыше, и ему было неприлично вставать из-за стола первым. Он лениво хлопнул в ладоши, подзывая суетящегося тут же крупье, – и в этот момент дверь в игровой зал отворилась, и на ее пороге возник Джамалудин.

Он был по-прежнему в черных брюках и белом свитере. За пояс брюк был засунут «макаров». За Джамалудином следовали двое: белокурый атлант Хаген и чернобородый джинн Ташов.

– Салам алейкум, Джамал, – сказал Арзо, вставая со своего места и обнимаясь с ново-прибывшими. – Разве ты играешь в карты?

– Я решил попробовать, – сказал Джамалудин.

Арзо удивленно на него покосился, но ничего не сказал. Хозяин рынка поднялся с места и сообщил, что ему завтра рано вставать. Мовсар подвинул к себе весь свой выигрыш и сказал:

– На столе пятьдесят, за спиной сто.

– У меня десять, – объявил председатель районного суда, – а за спиной пятьдесят.

Многие горожане Бештоя предпочитали решать свои тяжбы у мэра Кемирова, или у имама главной городской мечети, и поэтому Шамиль Архагов был не очень богатый человек.

– На столе пятьдесят, – сказал Арзо, – и за спиной сто.

Джамалудин кивком подозвал Хагена, и тот вывалил на стол целую кучку перевязанных веревочками пачек.

– Двести тысяч, – сказал Джамалудин, – а за спиной пятьсот.

Все поставили в банк по тысяче долларов. Джамалудину сдали шестерку, а за ней короля треф. Самая старшая карта оказалась у Мовсара. Это был король червей.

– Банк, – сказал Мовсар.

Арзо пришла совсем барахляная карта, и он отказался играть. Районный судья посмотрел в свои карты и увидел, что у него двойка на валетах.

– Банк, – согласился районный судья.

Джамалудин отозвался:

– Банк плюс банк.

Раздали четвертую карту, и Мовсар увидел, что у него тройка на королях. Каре ему уже не могло прийти, потому что среди открытых карт Джамалудина был король треф, но и тройка – это было неплохо. Мовсар добавил в банк еще тысячу, и районный судья сделал то же самое.

– Банк, – сказал Джамалудин.

Мовсар посмотрел на него удивленно. Рассчитывать на стрит с шестеркой и королем Джамалудин не мог, и на каре его карты не смотрелись: Мовсар помнил, что Арзо тоже вынул шестерку. Похоже было, что аварец просто блефовал, и Мовсар с удовлетворением подумал, что он выбрал не то время и не тех людей. У игроков в покер в городе Бештой нервы были того же калибра, что и их стволы.

Раздали пятую карту, и Мовсар спокойно сказал:

– Банк плюс банк.

Судья вышел из игры.

– Банк плюс банк, – ответил Джамалудин.

На кону было уже сто пятьдесят тысяч.

– Вскрываемся, – сказал Мовсар.

Джамалудин без тени эмоций выложил свои карты. Даже Мовсар не ожидал, что это будет такое барахло. «Впредь не станешь блефовать», – подумал чеченец, сгребая деньги.

Однако он ошибся: следующая игра была совершенно такая же. Джамалудин делал максимальные ставки, а когда пришла пора вскрываться, оказалось, что у него ничего нет. На этот раз победителем был Арзо. Джамалудин проиграл сто тысяч.

В следующей партии четвертый проход принес Джамалудину семерку, восьмерку, десятку и валета. Джамалудин внимательно взвесил свои шансы. Вероятность поймать в живот девятку была невелика. Особенно потому, что две девятки были уже среди вскрытых карт.

– Банк плюс банк, – сказал Джамалудин перед последней раздачей.

Мовсар сдал карты, и вышло так, что Джамалудину пришла девятка.

– Банк плюс банк, – сказал Мовсар.

– Пас, – ответил Джамалудин и бросил карты на стол рубашками вверх.

Полмиллиона кончились через шесть партий. Тогда Джамалудин достал из кармана брякнущую металлом связку, отцепил с нее толстый ключ с пультом сигнализации, бросил его на стол и сказал:

– У меня с собой больше нет наличных, но здесь у дверей мой «Мерс». Он бронированный, с четвертой степенью защиты. Он мне стоил четыреста двадцать тысяч долларов, но здесь он пойдет по двести.

«Мерс» Джамалудин спустил за пять минут. Председатель районного суда прекратил играть, когда начальные ставки выросли до пяти тысяч долларов. Арзо махнул рукой, когда они составили десять тысяч.

Ключи от «Мерса» достались Мовсару.

В половине двенадцатого дверь казино распахнулась, и на его пороге появился мэр Бештоя Заур Кемиров. Он был одет в неизменно темный костюм, пошитый так, чтобы скрыть легкую полноту; губы его улыбались, но властный лукавый лоб был собран в морщины. Заур неторопливо прошел через весь зал и остановился у зеленого стола, на котором, кроме ключей от «Мерса», уже лежали ключи от «Хаммера». Заур сбросил со стола и деньги, и ключи, и сказал:

– Эта игра не считается. Езжай домой и прекрати выставять себя на посмешище.

– Клянусь Аллахом, – ответил Джамалудин, – ты хозяин этого казино и мой брат. Я не вправе чего-то требовать у старшего брата, но я вправе каждый вечер приходить в твое казино и проигрывать там столько, сколько смогу.

– Очень хорошо, – сказал Заур, – я подожду, пока ты кончишь играть.

Джамалудин немного приподнялся с места, оглядывая публику, кучковавшуюся возле рулеток и игровых автоматов, и увидел возле второго стола человека по имени Анатолий. По знаку Джамалудина Анатолий подошел к игрокам, и Джамалудин сказал:

– Послушай, Мовсар, в прошлом году Анатолий неправильно себя повел, и сейчас он мой должник. Он должен поллимона, но здесь он пойдет за триста. Идет?

– Идет, – ответил Мовсар.

В течение следующих десяти минут Мовсар выиграл Анатолия. Он выиграл какой-то стекольный заводик, ресторанчик в горах и пятикомнатную квартиру в Торби-кале.

К этому времени все остальные игроки в казино давно забросили автоматы и рулетку. Они столпились вокруг стола и цокали языками каждый раз, когда Джамалудин проигрывал очередные полмиллиона.

Дело в том, что большинство собравшихся знало, что Джамалудин не очень богатый человек. Джамалудин не любил денег и не считал их, а когда кто-то просил его о помощи и хотел его отблагодарить магазинчиком или долей, Джамалудин обычно говорил, чтобы магазинчик и долю отдали старшим братьям.

Правда, обманывали Джамалудина редко. Последний раз его как раз обманул этот самый Анатолий, который взялся провести интернет для школ в горах. Джамалудин не больно-то понимал в интернете, но когда вместо интернета обнаружился незарегистрированный марморный карьер, принадлежавший лично Анатолию, то неприятности у Анатолия были очень серьезные. Глава МВД республики даже счел нужным осведомиться у Джамалудина насчет

слухов о том, что Анатолия месяц держали в подвале. Джамалудин возмущенно ответил: «Да не было там никакого подвала! Клетка стояла во дворе!»

Короче: несмотря на стволы, бронированные машины и даже стоящие во дворе клетки, лично Джамалудину принадлежала сушая малость. Это происходило потому, что Джамалудин раз в месяц ездил к одному устазу, живущему в горах, а тот никогда не одобрял в своих мюридах жажду стяжательства.

Когда Мовсар выиграл квартиру, он извинился и поднялся со стула, чтобы зайти в туалет, и вслед за ним ушел Арзо.

– Эй, ты что делаешь? – спросил Арзо Мовсара. – Ты что, не видишь, что он проигрывает нарочно? Зачем ты встречаешь в разбор между братьями?

Мовсар поглядел на Арзо и вспомнил свой разговор с Зауром Кемировым. Этот разговор случился полгода назад, когда Мовсар попросил Заура подарить ему земли под рынок. Все вокруг покупали землю в Бештое и делали там рынки, но Мовсар решил землю не покупать, потому что всегда считал постыдным платить деньги за то, что можно было взять даром. Словом, Мовсар попросил эту землю бесплатно, и Заур ему ответил: «Мовсар, зачем тебе земля? Нам всем нужно земли не больше двух метров».

– Какое мне дело? – сказал Мовсар, – если он хочет проиграть эти деньги, пусть он лучше проиграет их мне. И не думай, что ему удастся вернуть выигрыш.

После того, как чеченцы вернулись, Джамалудин снова достал из кармана связку ключей, и Мовсар увидел, что на ней остались всего два ключа. Один из них был навороченный, сейфовый, который ставят в бронированных дверях, а другой был простенький ключ навряд того, каким Мовсар запирает сарай. Джамалудин снял навороченный ключ, положил его на зеленое сукно и сказал:

– Ты знаешь, Мовсар, у меня совсем не осталось денег. Но у меня есть дом, в котором ты был месяц назад. В нем три этажа и пятьсот сорок квадратных метров. Возле дома есть спортзал и тир, и я хотел бы поставить этот дом на кон за полмиллиона.

Мовсар невольно оглянулся на старшего брата Джамалудина. Лицо Заура ничего не выражало. Дом, о котором говорил Джамалудин, стоял кустом вместе с домами остальных братьев, и это был тот самый дом, где в клетке гостил Анатолий. И, конечно, любой человек, который вздумал бы без спросу поселиться в резиденции Кемировых, мог рассчитывать на жилплощадь только в той самой клетке, которая стояла во дворе. Мовсар жить в клетке не собирался, но он понимал, что Заур выкупит дом. И что при этом ему придется прибавить к цене дома цену его слов про два метра земли.

– Идет, – сказал чеченец.

Через две минуты дом был проигран. Джамалудин сидел совершенно расслабленно. Ариец за его спиной насвистывал незамысловатый мотивчик. Арзо бросил улыбаться окончательно и вышел, чтобы дать распоряжения своим людям.

Джамалудин снова вынул из кармана связку ключей, и Мовсар увидел, что на ней остался один простенький ключ.

– Ты знаешь, Мовсар, у меня больше ничего нет, – сказал Джамалудин, – но у меня остался отцовский дом в родном селе. В нем всего две комнаты, в которых мы росли вчетвером, и он стоит у самого края ущелья, но из его окон видно, как восходит солнце над горами, а со двора его небольшая дорога ведет на кладбище, где похоронены мои родители. Этот дом мне дороже всего на свете, и я бы хотел бы сыграть на него, как на миллион долларов.

И с этими словами Джамалудин положил ключ вместе с брелком на стол.

– Идет, – сказал Мовсар.

Тогда Заур Кемиров встал и сказал:

– Хватит, Джамал. Я закрываю это казино.

Джамалудин широко улыбнулся и бросил карты на стол.

Мовсар улыбнулся еще шире и сказал:

– Так не пойдет. Мы замазали сыграть эту партию. Миллион за твой дом – против миллиона за все то барахло, что ты проиграл.

И Мовсар бросил на стол все ключи, которые перекочевали к нему.

– Не смей играть, – приказал Заур.

Джамалудин, с каменным лицом, молча начал тасовать карты.

– Пятьдесят тысяч, – назвал Мовсар начальную ставку.

– Идет, – откликнулся Джамалудин.

Первые две раздачи принесли преимущество Мовсару. Ему пришла десятка и валет: смотрелось на стрит. Джамалудину пришли туз и шестерка.

Сдали еще одну карту, и Мовсару пришел король.

– Пятьдесят, – сказал Мовсар.

Джамалудин поглядел в свои карты и сказал:

– Пятьдесят.

После четвертой раздачи у Мовсара оказались десятка, валет, дама и король. Мовсар не колебался. Если бы следующая карта оказалась девятка или туз, он бы порвал аварца. У Мовсара в жизни были перестрелки, в которые он вступал с меньшими шансами.

– Сто, – сказал Мовсар.

– Сто плюс сто, – сказал Джамалудин.

Пятая карта оказалась девятка.

– Банк плюс банк, – сказал Мовсар.

– Банк плюс банк, – согласился Джамалудин.

Мовсар выложил стрит на стол, улыбнулся и сказал:

– Всегда хотел иметь домик в твоём селе.

Джамалудин помолчал, глядя на его карты, а потом медленно выложил на стол свои. У Джамалудина было каре из тузов.

– Ты построишь его не раньше, чем в этом городе снова откроется казино, – сказал Джамалудин.

Такова была последняя партия в покер, сыгранная в последнем казино города Бештой.

* * *

Первый заместитель генерального прокурора Российской Федерации Федор Александрович Комиссаров был прислан в республику РСА-Дарго с одной целью: провести тендер на пост президента республики.

Это могло показаться странным, потому что всего полгода назад действующий президент договорился, чтобы никакого тендера не было. Тогда в месяце Рамадан человек по имени Ниязбек Маликов захватил Дом Правительства и потребовал отставки президента. Президента Асланова спасли только сто пятьдесят миллионов долларов, заплаченные им кому надо в Кремле.

Однако президент Асланов так и не смог оправиться от последствий мятежа. Спустя месяц у него случился инфаркт, после операции он подхватил пневмонию, а в декабре, прямо на торжественном мероприятии, посвященном чествованию аварских спортсменов-олимпийцев, президент зашатался и рухнул на руки своего сына Гамзата.

Подоспевшие медики констатировали обширный инсульт. Президента перевезли в Москву, а после – в Швейцарию. На всю информацию о его самочувствии был наложен строжайший запрет, а на кресло президента республики объявлен негласный конкурс.

К тому же всем в республике было ясно, что Асланов уже заплатил деньги за то, чтобы его не сняли. А стало быть, Кремлю он больше не нужен.

Кандидатов на пост президента республики было четверо.

Первого кандидата звали Расул Алхоев. Ему было пятьдесят семь лет, он имел чин генерал-майора ФСБ и последние сорок два года он ни разу не был в республике. Дело было в том, что его отец работал на Крайнем Севере и дважды сидел за изнасилование. Освободившись, отец вернулся в родное село и женился. Никто не знал о его прошлом, но как-то погожим осенним утром отец Расула позвал к себе домой восьмилетнюю соседскую девочку; через два дня поисков встревоженные сельчане нашли ее закопанную в огороде отца Расула. После этого сельчане заперли отца Расула в доме, а дом подожгли.

Мать Расула бежала из села вместе с малыми детьми, и Расул вырос с чувством ненависти к темным горцам, без суда и без следствия убившим отца.

Расул Алхоев считался идеальной кандидатурой определенной частью Кремля: он был человеком, чужим в республике. О том, какое впечатление произведет на ее жителей назначение президентом сына казненного народом насильника, никто в Кремле даже не задумывался. С точки зрения этой партии, у Расула Алхоева был единственный недостаток: он не мог заплатить за свою должность.

Второму кандидату было сорок лет, и звали его Резван.

Это был вполне милый парень, бывший боксер, с добродушным нравом и почти полностью отбитыми мозгами. Резван частенько пускал в ход свои кулаки, а там, где кулаков было мало – пистолет. Причина, по которой он попал в кандидаты, состояла в следующем. Лет пятнадцать назад Резван приехал в Питер на день рождения к приятелю и в два часа ночи вышел погулять на Невский. На Невском он заметил две разбитых машины и пятерых бандитов, пристававших к очкарику из «Жигулей». Движимый естественным чувством справедливости, Резван взял сторону очкарика, а когда бандиты вытащили стволы, Резван оказался быстрее.

Спустя пятнадцать лет очкарик стал одним из доверенных лиц президента России, и ему захотелось сделать что-то хорошее для Резвана. Обычно, когда очкарик делал кому-то хорошее, он брал за это деньги, но Резвану что-то хорошее он был готов сделать просто так.

Третий кандидат был членом Совета Федерации, хозяином итальянского футбольного клуба и счастливым обладателем уникальной коллекции боевых самолетов времен второй мировой войны. Размеры его состояния, будь они известны, позволяли бы ему претендовать на место в первой сотне мирового «Форбса». Выходец из глухого горного района, в девятнадцать лет поступивший в институт им. Губкина, он счастливо сочетал в своем бизнесе первоклассные мозги с некоторыми национальными традициями, верность которым завещал ему умирающий отец вместе с фамильной саблей.

Кандидат этот попал в шорт-лист по единственной причине: полагали, что он заплатит хоть миллиард долларов, чтобы *не быть назначенным* в президенты родной республики, – а кто и когда в России отказывался от миллиарда долларов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.